К. Паустовский

Барсучий нос

Лучшие рассказы о живой природе

С вопросами и ответами для почемучек

Государственный биологический музей им. К. А. Тимирязева рекомендует

Аванта

Барсучий нос. С вопросами и ответами для почемучек

Константин Георгиевич Паустовский

Аннотация
Константин Георгиевич Паустовский. Барсучий нос. С вопросами и ответами для почемучек. Рассказы
Во глубине России
Справочное бюро
Какой была вода? И почему?
Бывают караси величиной «с поднос от самовара»?
Бывает ли такое? А почему?
Что такое мерин?
Что это была за птица?
Что это за таволга? Почему она так пахнет? Почему нельзя донести непрочные кисти?
Что за растение с шишками — стрелолист?
Разве белые лилии растут в воде? Что за растение сусак? Зачем ему зонтики?
Зачем шмелю, осе или пчеле полосатые брюшко? Почему они, а не спинки высовывались из цветов?

Почему крапива жжется, а шиповник колется?

Есть ли магнитный полюс?

Треска живет в холодных морях?

Откуда у валерианы ее название?

Какой запах у можжевельника? Что такое наперстянка?

Неужели в сосновых хвоинках есть витамины? Зачем они дереву?

Чем мхи от лишайников отличаются?

Что за растение конятник?

Что такое мухортая лошадь?

Зачем цыплята бегут на зов хозяйки?

Что такое махорка? Что такое «козья ножка»?

Неужели все травы делятся на лекарственные и не лекарственные?

Кто такой Лесков? Что он написал?

Что за рыба язь? Что такое крупный язь?

Чем славна ягода брусника?

От чего зависит тембр голоса?

Пишет ли Паустовский о реальном певце?

Собрание чудес

Справочное бюро

Почему болото сухое? Как оно называется?

Гуси самостоятельно ходят по деревне?

Сосна — ценное дерево?

Так ли это?

Что такое муравьиные яйца?

Почему овсы шелестят?

Кто такой кузька-жук?

Почему бессмертник так называется?

Что за птица сойка? Почему она синяя?

Что это за дерево черный дуб? Почему у него такие свойства обнаруживаются?

От чего зависит цвет бабочки?

Кто такой глухарь? Почему он тяжелый?

Кто это — дикие гуси?

Воронежское лето

Справочное бюро

Кто такие коршуны?

Что это за водяные пауки?

Что это за птицы? Почему они собрались в парке?

Зачем крючки для рыбной ловли золотят?

Что такое лозняк?

Что за рыбка плотва? Она всегда маленькая?

В разных областях растут разные растения?

А как цветы чувствуют, что будет дождь?

А зачем нужно опыление?

Разве бывают медовые фабрики?

Что за топтун? Зачем ему ворс на стеблях?

Неужели пшеница как-то по-особому пахнет?

Акварельные краски
Справочное бюро
Чем славятся муромские леса?
Почему кузнечики кричат?
Почему иволги печально свистят?
Что за растение бересклет?
Что за жуки-плавунцы бегали по озеру?
Почему стаи журавлей летят с курлыканьем?
Почему паутинки летят осенью?
Разве осенью бывают грозы? Почему они чаще весной и летом?
Почему снег светится?
Резиновая лодка
Справочное бюро
Какими бывают щуки?
Зачем щенок лаял на лодку?
Что такое примус и ходики?
Поплавок из иглы дикобраза?
Зачем собака мела хвостом пыль?
Почему сова «плачет» по ночам?
Зачем волк воет?
Почему кошки шипят?
Дружище Тобик
Справочное бюро
Что за порода — дворняга?
Тяжело ли собаке стоять на задних лапах?

Неужели собаки умеют плакать от горя?
Что это за порода?
Когда шишки падают?
Грач в троллейбусе
Справочное бюро
Что за птица грач?
Что за птица скворец?
Воробья и стрижа можно перепутать?
Соловьи — лучшие певцы? А зачем нужно знать все пересвисты и коленца?
Почему приход весны отмечают по цветению черемухи? Оно какое-то необычное?
А сегодня в Москве много птиц?
Клад
Справочное бюро
Почему «кукушкины слезы»? А дрема?
Гусеница может съесть целый участок леса?
Почему смолокура комары не кусают?
Что такое сухостой? Откуда он берется?
Что за зверь выхухоль?
Что такое волчья ягода? Ее волки любят?
А какой это камень?
Зачем дятел выстукивает дерево?
Зачем засевают поля клевером?
Почему травы такие душистые?
Разве глаза бывают полностью синие? От чего

зависит цвет глаз?
Какие травы называются кормовыми?
Что такое мелиорация?
Что за звери бобры?
Что такое лещина?
Что такое торф? Как его используют?
Как это не всякая птица отваживалась залетать? Почему?
Зачем бобры мылись и расчесывались?
Что за рыба голец?
Зачем нужны новые породы скота?
Неужели по берегам рек такое разнообразие трав?
Сколько лет живут деревья?
Вода из реки Лимпопо
Справочное бюро
Вода из Мертвого моря особая?
Неужели нильский ил дороже алмазов?
Кто такие колибри?
Что за жук-богомол? Откуда такое название?
Разве дом может обрасти сиренью?
Что такое венецианское стекло?
Что это за растение — филодендрон?
Чем знаменит Миклухо-Маклай?
Где живут такие огромные бабочки?
Что такое звездный глобус?

Пришелец с юга

Справочное бюро

Что такое акация?

От чего зависит цвет почвы?

Почему автор называет их бурьяном?

Только у луноцвета цветы так быстро отцветают? Или еще есть такие цветы?

Смогут ли прижиться цветы из тропиков?

Говорят, когда человек много смеется, так ему сахару потреблять не надо. Верно это или нет?

Разве под Москвой можно вырастить арбуз?

А как можно омолодить траву?

Есть такое растение чай? Где он растет?

В свекле сахар есть? А как его оттуда добывают?

Бабушкин сад

Справочное бюро

Что такое лопух?

Почему шмели гудят?

Для чего лягушка поселилась в бочке и почему вылезала вечером?

Разве собаки бывают застенчивыми?

Какие бывают деревянные игрушки?

Неужели правда у шмелей есть такая хитрость? А это какие-то другие животные используют?

Почему мед бывает светлым и темным?
Почему ложки режутся из липы?
Почему боец решил, что осам не понравится запах? Осы не любят сильных запахов?
А сколько листьев на лиственном дереве?
Барсучий нос
Справочное бюро
Что за японские петухи?
Почему у рыб такая окраска?
Что это за зверь — барсук?
Полезны ли пни в лесу?
Кто такие горлинки?
Приточная трава
Справочное бюро
Есть ли правда такие жуки-солдатики?
Что это за цветы?
Почему жаворонки невидимые?
Неужели козы такие упрямые?
Что такое просо?
Квакша
Справочное бюро
Кто такая квакша? Это какая-то особая лягушка?
Почему все мучились от жары, кроме кузнечиков?
Почему у автора петухи кричат в полночь?

Что за птица выпь? Почему она нелюдимая?

Разве черви могут далеко уползти?

Почему ласточка жила в гнезде под самой крышей? Почему ласточки весь день носятся?

Почему пропали улитки?

Так кто же быстрее: стрижи или ласточки?

Какие животные знают наперед, что будет дождь?

Какие бывают перелетные птицы?

Держат ли лягушек как домашних животных?

Аннотация

В книгу «Барсучий нос» Константина Георгиевича Паустовского вошли не только широко известные, хрестоматийные произведения, но и достаточно редко публикующиеся рассказы замечательного писателя (например, «Приточная трава», «Бабушкин сад», «Грач в троллейбусе», «Собрание чудес» и другие), которые можно прочитать с комментариями биолога и по-новому взглянуть на окружающий нас мир природы!

Константин Георгиевич Паустовский

Барсучий нос. С вопросами и ответами для почемучек

Рассказы

© Паустовский К.Г., насл., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Кузька-жук
Иволга
Бересклет
Наперстянка

Во глубине России

Утро, когда начинается этот рассказ, наступило пасмурное, но теплое. Обширные луга были политы ночным дождем, а это значило, что не только в каждом венчике блестела капля воды, но все великое множество трав и кустов издавало резкий и освежительный запах.

Я шел лугами к одному довольно таинственному озерцу. На взгляд человека трезвого, ничего таинственного в том озерце не было и быть не могло. Но впечатление загадочности от этого озерца оставалось у всех, и я, сколько ни пытался, не мог установить причину этого явления.

Для меня таинственность состояла в том, что вода в озерце была совершенно прозрачная, но казалась по цвету **жидким дегтем** (со слабым зеленоватым отливом). В этой водяной черноте жили, по рассказам престарелых словоохотливых колхозников, **караси величиной «с поднос от самовара»**. Поймать хоть одного такого карася никому не случалось, но изредка в глубине озерца вдруг вспыхивал бронзовый блеск и, вильнув хвостом, исчезал.

Ощущение таинственности возникает от ожидания неизвестного и не совсем обыкновенного. А густота и высота зарослей вокруг озерца заставляли думать, что в них непременно скрывается что-нибудь до сих пор невиданное: или **стрекоза с красными крыльями, или синяя божья коровка в белую крапинку, или ядовитый цветок лоха с полым сочным стволом толщиной в человеческую руку**.

И все это действительно там было, в том числе и огромные желтые ирисы с мечевидными листьями. Они отражались в воде, и почему-то вокруг этого отражения всегда стояли!» толпами, как булавки, притянутые магнитом, серебряные мальки.

В лугах было совсем пусто. До покоса еще оставалось недели две. Издали я заметил маленького мальчика в выцветшей и явно большой на него артиллерийской фуражке. Он держал под уздцы гнедого коня и что-то кричал. Конь дергал головой и отмахивался от мальчика, как от слепня, жестким хвостом.

— Дяденькя-я-я! — кричал мальчик. — А дяденькя-я-я! Подь сюда!

Это был требовательный крик о помощи. Я свернул с дороги и подошел к мальчику.

— Дяденькя, — сказал он, смело глядя на меня серыми умоляющими глазами. — Подсади меня на мерина, а то я сам не могу.

— А ты чей? — спросил я.

— Аптекарский я, — ответил мальчик.

Я знал, что у нашего сельского аптекаря Дмитрия Сергеевича детей нет, и подивился на необыкновенную фамилию этого мальчика.

Я поднял его на руки, но **мерин** тотчас, дико косясь, начал мелко перебирать ногами и отходить, стараясь держаться от меня на расстоянии вытянутой руки.

— Ох и вредный! — сказал мальчик с укором. — Прямо псих! Дайте я его за повод схвачу, тогда вы меня и подсадите. А так он не даст.

Мальчик поймал мерина за повод. Мерин тотчас успокоился, даже как будто уснул. Я подсадил мальчика ему на спину, но мерин продолжал стоять все так же понуро и, казалось, собирался стоять так весь день. Он даже легонько всхрапнул. Тогда мальчик высоко подпрыгнул у мерина на хребте и с размаху ударил его босыми пятками по вздутым пыльным бокам. Мерин удивленно икнул и поскакал лениво и размашисто к песчаным буграм за Бобровой протокой.

Мальчик все время подпрыгивал, взмахивал

локтями и колотил мерина пятками по бокам. Тогда я сообразил, что, очевидно, только при такой довольно тяжелой работе можно от этого мерина добиться чего-нибудь путного.

На озерце, глубоко запрятанном в крутых берегах, лежала зеленая илистая тень, и в этой тени серебрились от росы сами по себе серебряные ракиты.

На ветке ракиты сидела **маленькая серая птица в красном жилете и желтом галстуке и издавала дробный и приятный треск**, не раскрывая при этом клюва. Я подивился, конечно, на эту птаху и на ее веселое занятие и начал прорываться к воде, где, как я знал, должны были уже зацвесть ирисы.

Дело в том, что к нам приехала после экзаменов в московской школе городская девочка Маша, любительница растений, и я решил набрать ей в подарок букет из ирисов и других хороших цветов. Но так как плохих цветов вообще нет, то мне выпала довольно трудная задача — что выбрать. В конце концов я решил взять по одному цветку и одной ветке от всех растений, создававших вокруг озерца непролазные росистые и пахучие валы.

Я осмотрелся. По берегам уже зацвела **желто-**

ватыми непрочными кистями таволга. Цветы ее пахли мимозой. Донести их до дому, особенно в ветреную погоду, было почти невозможно. Но я все же срезал ветку таволги и спрятал ее под кустом, чтобы она не облетела раньше времени.

Потом я срезал широкие, как сабли, листья аира. От них исходил сильный и пряный запах. Я вспомнил, что на Украине хозяйки по большим праздникам устилают полы аиром, и стойкий запах его держится в хатах почти до зимы.

Стрелолист уже дал первые плоды — зеленые шишки, покрытые со всех сторон мягкими иглами. Я сорвал и его.

С трудом я зацепил сухой веткой и осторожно вытащил из воды белые плавучие цветы водокраса с красноватой сердцевиной. Лепестки его были не толще папиросной бумаги и тотчас обвяли. Пришлось его выбросить. Тогда я той же веткой подтащил к берегу цветущую водяную гречиху. Розовые ее метелки стояли над водой круглыми маленькими рощами.

До белых лилий я никак не мог дотянуться. Раздеваться же и лезть в озеро мне не хотелось, — илистое его дно засасывало выше колен. **Вместо лилий я сорвал береговой цветок с грубым названием сусак**. Его цветы были похожи на

вывернутые ветром маленькие зонтики.

У самой воды большими куртинами выглядывали из зарослей мяты невинные голубоглазые незабудки. А дальше, за свисающими петлями ежевики, цвела по откосу дикая рябинка с тугими желтыми соцветиями. Высокий красный клевер перемешивался с мышиным горошком и подмаренником, а над всем этим тесно столпившимся содружеством цветов подымался исполинский чертополох. Он крепко стоял по пояс в траве и был похож на рыцаря в латах со стальными шипами на локтях и наколенниках.

Нагретый воздух над цветами «мрел», качался, и почти из каждой чашечки высовывалось **полосатое брюшко шмеля, пчелы или осы**. Как белые и лимонные листья, всегда вкось, летали бабочки.

А еще дальше высокой стеной вздымались боярышник и шиповник. Ветки их так переплелись, что казалось, будто огненные цветы шиповника и белые, пахнущие миндалем, цветы боярышника каким-то чудом распустились на одном и том же кусте.

Шиповник стоял, повернувшись большими цветами к солнцу, нарядный, совершенно праздничный, покрытый множеством острых бутонов.

Цветение его совпадало с самыми короткими ночами — нашими русскими, немного северными ночами, когда соловьи гремят в росе всю ночь напролет, зеленоватая заря не уходит с горизонта и в самую глухую пору ночи так светло, что на небе хорошо видны горные вершины облаков. Кое-где на их снеговой крутизне можно заметить розоватый отблеск солнечного света. И серебряный рейсовый самолет, идущий на большой высоте, сверкает над этой ночью, как медленно летящая звезда, потому что там, на той высоте, где пролегает его путь, уже светит солнце.

Когда я вернулся домой, **исцарапанный шиповником и весь в ожогах от крапивы**, Маша прибивала к калитке листок бумаги. На нем было вырисовано печатными буквами:

Много пыли на дороге,
Много грязи на пути, —
Вытирай почище ноги,
Если хочешь в дом войти.

— Ага! — сказал я. — Ты, значит, была в аптеке и видела там такую же записку на дверях?

— Ой, какие цветы! — закричала Маша. — Прямо прелесть! Да, я была в аптеке. И еще я видела там прямо замечательного человека. Его зовут

Иван Степанович Крышкин.

— Кто ж он такой?

— Мальчишка. Прямо необыкновенный.

Я только усмехнулся. Уж кого-кого, а деревенских мальчишек я знал насквозь. По многолетнему опыту в этом деле я смело могу утверждать, что у этих беспокойных и шумливых наших соотечественников есть одно действительно необыкновенное свойство. Физик определил бы его словами «всепроницаемость». Мальчишки эти «всепроницаемы», вернее, «всепроницающи», или, говоря старинным тяжеловесным языком, «вездесущи».

В какую бы лесную, озерную или болотную глухомань я ни попадал, всюду я заставал мальчишек, предававшихся самым разнообразным и порой удивительным занятиям.

Я, конечно, не говорю о том, что в сентябре месяце на ледяной и туманной утренней заре заставал их, трясущихся от холода в мокрых зарослях ольхи на берегу глухого озера в двадцати километрах от жилья.

Они сидели, притаившись в кустах, с самодельными удочками, и только характерный звук, который называется «шмыганье носом», выдавал их присутствие. Иногда они так затаивались, что

я их вовсе не видел и вздрагивал, когда у себя за спиной вдруг слышал умоляющий хриплый шепот:

— Дяденька, дай червячкя!

Во все эти глухие места, где, как любили выражаться авторы романов о приключениях на суше и на море, «редко ступала нога человека», мальчишек приводило неистовое воображение и любопытство.

Мне кажется, что если бы я попал на **Северный полюс или, скажем, на полюс магнитный**, то и там обязательно бы сидел и шмыгал носом мальчишка с удочкой, караулил бы **у проруби треску**, а на магнитном полюсе выковыривал бы из земли сломанным ножом кусочек магнита.

Других особо примечательных свойств за мальчишками я не знал и потому спросил у Маши:

— Чем же он такой прямо необыкновенный, твой Иван Степанович Крышкин?

— Ему восемь лет, — ответила Маша, — а он разыскивает и собирает для аптекаря разные лечебные травы. Например, валериану.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что Иван Степанович Крышкин до удивительности похож на того мальчишку, которого я подсаживал на старого мерина. Но все сомнения рассеялись, ко-

гда я узнал, что упомянутый Крышкин появился около аптеки вместе с гнедым мерином и что этот самый мерин, будучи привязан к изгороди, тотчас уснул. А Иван Степанович Крышкин вошел в аптеку и передал аптекарю мешок с собранной за Бобровой протокой **травой валерианой**.

Оставалось неясным только одно — как это Иван Степанович Крышкин словчился нарвать валериану, не слезая с мерина. Но когда я узнал, что Иван Степанович привел мерина на поводу, то догадался, что на мерине он доехал только до зарослей валерианы, а оттуда вернулся пешком.

В этом месте рассказа пора уже перейти к тому, о чем я и хотел рассказать, — к аптекарю Дмитрию Сергеевичу, и, пожалуй, не столько к нему, сколько к давно занимавшей меня теме об отношении человека к своему делу.

Дмитрий Сергеевич был беззаветно предан фармации. Из разговоров с ним я убедился, что распространенное мнение о том, что существуют неинтересные профессии, — предрассудок, вызванный нашим невежеством.

С тех пор мне начало нравиться в сельской аптеке все, начиная от свежего **запаха** всегда вымытых дощатых полов и **можжевельника** и кончая запотевшими бутылками пузырящегося

боржома и белыми фаянсовыми банками на полках с черной надписью «венена» — яд!

По словам Дмитрия Сергеевича, почти каждое растение содержит в себе или целебные, или смертоносные соки. Задача в том, чтобы извлечь эти растительные соки, узнать их свойства и употреблять на благо человеку. Многое, конечно, было уже открыто с давних времен, например, действие настойки ландыша или наперстянки на сердце или что-нибудь иное в этом роде, но тысячи растений были еще не исследованы, и этот труд представлялся Дмитрию Сергеевичу самым увлекательным из всех занятий в мире.

В то лето Дмитрий Сергеевич был занят **извлечением витаминов из молоденькой сосновой хвои**. Он заставлял всех нас пить зеленый жгучий настой из этой хвои, и хотя мы морщились и ругались, но все же должны были согласиться, что действует он превосходно.

Однажды Дмитрий Сергеевич принес мне почитать толстую книгу — фармакопею. Я не запомнил точного ее названия. Книга та была не менее увлекательна, чем самый мастерски написанный роман. В ней были описаны все, подчас совершенно удивительные и неожиданные качества многих растений, — не только трав

и деревьев, но и **мхов, лишайников и грибов**. Кроме того, в ней было подробно рассказано, как приготовлять из этих растений лекарства.

Каждую неделю Дмитрий Сергеевич печатал в местной районной газете «Знамя труда» маленькие статьи о целебной силе растений — какого-нибудь скромнейшего подорожника или табачного гриба. Статьи эти, которые Дмитрий Сергеевич почему-то называл фельетонами, печатались под общим заголовком «В мире друзей».

В некоторых избах я видел вырезанные из газеты и прибитые гвоздиками к стене эти статьи Дмитрия Сергеевича и по этому признаку узнавал, с какой болезнью боролся обитатель избы.

В аптеке постоянно толклись мальчишки. Они были главными поставщиками трав для Дмитрия Сергеевича. Работали мальчишки самоотверженно и забирались в такие глухие места, как, например, болото по названию «Хвощи», или даже за отдаленную речку со странным названием Казенная, где редко кто бывал, а кто бывал, тот рассказывал о пустошах, покрытых мелкими илистыми озерами и заросших **высоким конятником**. За доставку травы мальчишки ничего не требовали, кроме детских резиновых сосок. Соски эти они надували ртом, тужась и краснея,

завязывали тесемочкой и делали из них подобие воздушных шаров, так называемые «летучие пузыри». Пузыри эти, конечно, не летали, но мальчишки постоянно таскали их с собой и то быстро вертели их на веревочке вокруг пальца, издавая угрожающее жужжание, то просто били этими пузырями друг друга по голове, наслаждаясь восхитительным треском, сопровождавшим это занятие.

Несправедливо было бы думать, что мальчишки проводили большую часть дня в праздности и развлечениях. Развлекались они только летом во время школьных каникул, да и то не каждый же день. Большей частью они помогали взрослым: пасли телят, возили хворост, резали лозу, окучивали картошку, чинили изгороди и приглядывали в отсутствие взрослых за маленькими детьми. Хуже всего — было, конечно, то, что маленькие едва умели ходить, и их приходилось всюду таскать с собой на закорках. Больше всего мальчишки любили в деревне двух человек: Дмитрия Сергеевича и старика по прозвищу «Утиль».

«Утиль» появлялся в деревне не часто — раз в месяц, а то и реже. Он лениво ковылял в пыльном балахоне рядом с **мухортой лошаденкой**,

старательно тащившей телегу, волочил за собой по песку веревочный кнут и заунывно кричал:

— Тряпье, старые калоши, рога, копыта принимаем!

На передке телеги у «Утиля» стоял волшебный ящик, сколоченный из простой фанеры. На откинутой крышке ящика висели на гвоздиках пестрые игрушки — свистульки, шарики на резинке, целлулоидовые куколки, переводные картинки и мотки ярких бумажных ниток для вышивания.

Как только «Утиль» въезжал в деревню, тотчас к нему, как **цыплята на зов хозяйки**, бежали со всех дворов, торопясь и спотыкаясь, мальчишки и девочки, волоча своих «младшеньких» братишек и сестренок и прижимая свободной рукой к груди старые мешки, стоптанные чуни, поломанные коровьи рога и всякую ветошь.

«Утиль» обменивал тряпье и рога на новенькие, еще липкие от краски игрушки и по поводу каждой игрушки вступал в длительные разговоры, а порой и распри со своими маленькими поставщиками.

Взрослые никогда ничего не выносили «Утилю». Это было исключительное право детей.

Очевидно, общение с детьми развивает в че-

ловеке многие добрые свойства. «Утиль» был человек по внешности суровый, даже, как говорится, «страховидный» — косматый, заросший седой щетиной, с багровым от солнца и ветра облупленным носом. Голос у него, несмотря на хрипоту, был зычный и грубый. Но, несмотря на эти угрожающие признаки, «Утиль» никогда не отказывал детям. Один только раз не принял у девочки в красном выцветшем сарафане совершенно истлевшие голенища от отцовских сапог.

Девочка как-то вся сжалась, втянула голову в плечи и, будто побитая, медленно пошла от телеги «Утиля» к своей избе. Дети, окружавшие «Утиля», вдруг притихли, наморщили лбы, а кое-кто и засопел носом.

«Утиль» свертывал **из махорки толстую «козью ножку»** и, казалось, не замечал ни плачущей девочки, ни пораженных его жестоким поступком детей.

Он не спеша заклеил «козью ножку», закурил, потом сплюнул. Дети молчали.

— Вы что? — сердито спросил «Утиль». — Ай не понимаете? Я государственное поручение сполняю. Ты мне грязь не носи. Ты мне носи предмет для дальнейшего производства. Понятно?

Дети молчали. «Утиль» затянулся и, не глядя на

детей, сказал:

— Сбегайте-ка за ней. Мигом! Сбычились на меня, будто я душегуб!

Вся стая детей, как вспугнутые воробьи, кинулись к избе девочки в красном сарафане.

Ее приволокли, румяную и смущенную, с невысохшими еще слезинками на глазах, и «Утиль» важно и строго осмотрел ее голенища, бросил их на телегу и протянул девочке взамен самую лучшую, самую пеструю куклу с круглыми пунцовыми щечками, восторженно вытаращенными водянисто-голубыми глазами и пухлыми растопыренными пальцами.

Девочка робко взяла куклу, прижала к худенькой груди и засмеялась. «Утиль» дернул за вожжи, лошаденка прижала уши и влегла в оглобли, и телега, скрипя по песку, двинулась дальше.

«Утиль» шел рядом с ней, не оглядываясь, все такой же суровый и как будто бы грубый, и молчал. Только пройдя двадцать изб, он прокашлялся и протяжно закричал:

— Ветошь, рога, копыта, рваные калоши принимаем!

Глядя ему вслед, я подумал, что вот нет как будто на свете занятия менее приятного, чем быть ветошником, а между тем сумел же этот человек

сделать из него радость для колхозной детворы.

Любопытно, что «Утиль» работал даже, я бы сказал, с некоторым вдохновением, с выдумкой, с заботой о своих шумливых поставщиках. Он добивался от своего начальства, чтобы на каждую поездку по деревням ему каждый раз выдавали другие игрушки. Ассортимент игрушек (по воле хозяйственников, очевидно не знающих и не любящих свой родной язык, тяжеловесное иностранное слово «ассортимент» совершенно вытеснило простые русские слова «подбор» или «выбор») у «Утиля» был разнообразный и увлекательный.

Величайшим событием в деревне был тот слу-

чай, когда «Утиль», по заказу Дмитрия Сергеевича, привез из города бронзированные рыболовные крючки и расплатился ими по особому списку на четвертушке бумаги с теми мальчиками, которые собирали для аптеки **лекарственные травы**. Иван Степанович Крышкин получил по заслугам целых десять крючков.

Раздача крючков происходила в благоговейной тишине. Мальчишки, как по команде, сняли свои видавшие виды кепки и, сопя, с необыкновенной сосредоточенностью и тщательностью начали закалывать крючки в подкладку кепок — в самое верное хранилище всех мальчишеских ценностей.

Все мы привыкли к тому, что у нас в России самый с виду непримечательный и скромный человек может оказаться на поверку человеком очень незаурядным и значительным. **Особенно понимал это писатель Лесков.** Понимал, конечно, потому, что досконально знал и любил Россию, изъездил ее вдоль и поперек и был наперсником и закадычным другом сотен простых наших людей.

Под скромной внешностью Дмитрия Сергеевича, который в шутку говоря, отличался только тем, что в нем не было ничего примечательного,

скрывался неутомимый искатель нового в своем деле, требовательный к себе и окружающим гуманист.

Под грубой внешностью «Утиля» билось широкое и доброе сердце, и, кроме того, это был человек воображения, которое он применил к своему как будто мизерному делу.

Я подумал об этом и вспомнил одно забавное происшествие в наших местах, случившееся с моим приятелем и со мной.

Однажды мы поехали рыбачить на Старую Канаву. Так в этих местах зовут узкую лесную речку с быстрым течением и коричневой водой. Речка эта протекает в большом отдалении от человеческого жилья, в глубине леса, и попасть на нее не так-то просто. Сначала нужно ехать сорок километров по узкоколейке, потом километров тридцать идти пешком.

На Старой Канаве в ямах с водоворотами обитали **крупные язи**, и за ними-то мы и поехали.

Возвращались мы на следующий день. В лесные тихие сумерки мы вышли к разъезду на узкоколейке. Сильно пахло скипидаром, опилками и гвоздикой. Был уже август, кое-где на березах висели первые пожелтевшие листья. То один, то другой такой лист загорался по очереди золотым

пламенем от луча закатного солнца.

Подошел маленький поезд весь из пустых товарных вагонов. Мы влезли в тот вагон, где было побольше народа. Женщины везли кошелки **с брусникой** и грибами. Два оборванных и небритых охотника сидели, свесив ноги, в открытых дверях вагона и курили.

Сначала женщины разговаривали о своих сельских делах, но вскоре таинственная прелесть лесных сумерек вошла в вагон, и женщины, вздохнув, замолчали.

Поезд вышел в луга, и стал виден во всю его ширь тихий закат. Солнце садилось в травы, в туманы и росы, и шум поезда не мог заглушить птичьего щелканья и перелива в кустах по сторонам полотна.

Тогда самая молодая женщина запела, глядя на закат, и глаза ее казались золочеными. Пела она простую рязанскую песню, и кое-кто из женщин начал ей подпевать.

Когда женщины замолкли, оборванный охотник в обмотках из солдатской шинели сказал вполголоса своему спутнику:

— Споем и мы, Ваня? Как думаешь?

— Ну что ж, споем! — согласился спутник.

Оборванцы запели. **У одного был густой и**

мягкий бас. Он лился свободно, широко, и мы все сидели, пораженные этим необыкновенным голосом.

Как всегда, пение вызывало зримые образы, у каждого свои, разные. У меня голос певца вызвал картину деревенского вечера, затянутого дымком далекого костра, вечерней зари над полями.

Женщины слушали певцов, покачивая головами от удивления, потом самая молодая женщина тихонько заплакала, но никто даже не обернулся в ее сторону, потому что это были слезы не боли и горечи, а переполняющего сердце восхищения.

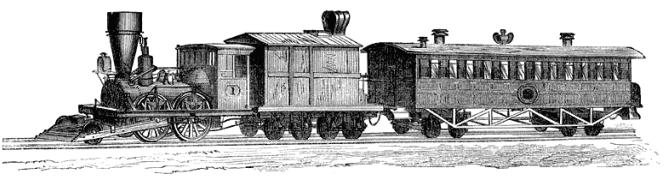
Певцы замолкли. Женщины начали благословлять их и желать им счастья и долгой жизни за доставленную редкую радость.

Потом мы расспросили певца, кто он такой. Он назвал себя колхозным счетоводом из-за Оки. Мы начали уговаривать его приехать в Москву, чтобы кто-нибудь из крупных московских певцов и профессоров консерватории послушал его голос. «Преступно, — говорили мы, — сидеть здесь в глуши с таким голосом и зарывать талант свой в землю». Но охотник только застенчиво улыбался и упорно отнекивался.

— Да что вы! — говорил он. — Какая же опера с моим любительским голосом! Да и возраст у

меня не такой, чтобы так рисковать и ломать свою жизнь. У меня в селе сад, жена, дети учатся в школе. Что это вы придумали — ехать в Москву! Я в Москве был три года назад, так у меня от тамошней сутолоки голова с утра до ночи кружилась и так болела, что я не чаял, как бы мне поскорее удрать к себе на Оку.

Маленький паровоз засвистел тонким голосом. Мы подъезжали к своей станции.



— Вот что! — решительно сказал мой приятель охотнику. — Нам сейчас выходить. Я оставляю вам свой московский адрес и телефон. Приезжайте в Москву непременно. И поскорей. Я вас сведу с нужными людьми.

Он вырвал из записной книжки листок и торопливо набросал на нем свой адрес. Поезд уже подошел к станции, остановился и тяжело отдувался, готовясь тронуться дальше.

Охотник при слабом свете заката прочел записку моего приятеля и сказал:

— Вы писатель?

— Да.

— Как же, знаю. Читал. Очень рад познакомиться. Но позвольте и мне в свою очередь представиться, — солист Большого театра Озеров. Ради всего святого не обижайтесь на меня за этот небольшой «розыгрыш». Одно только могу сказать на основании этого розыгрыша, — счастлива страна, где люди так горячо относятся друг к другу.

Он засмеялся.

— Я говорю, конечно, о том, с каким жаром вы хотели помочь колхозному счетоводу стать оперным певцом. И уверен, что если бы я действительно был счетоводом, то вы бы не дали погибнуть моему голосу. Вот за это спасибо!

Он крепко потряс нам руки. Поезд тронулся, и мы остались, озадаченные, на дощатой платформе. Тогда только мы вспомнили рассказ Дмитрия Сергеевича о том, что **певец Озеров каждое лето**

отдыхает у себя на родине, в большом заокском селе неподалеку от нас.

Пора, однако, кончать этот рассказ. Я ловлю себя на том, что заразился словоохотливостью от здешних стариков и разболтался, как паромщик Василий. У него одна история неизбежно вызывает в памяти другую, а та — третью, третья — четвертую, и потому нет его рассказам конца.

Задача у меня была самая скромная — рассказать хотя бы и незначительные случаи, свидетельствующие о талантливости и простосердечии русского человека.

А о значительных случаях мы еще поговорим потом.

Справочное бюро
Какой была вода? И почему?

Вода бесцветна и прозрачна, особенно если родниковая; деготь же — смолистое темное вещество, получаемое из древесной смолы. И тем не менее озерная вода может быть «цвета дегтя» — если, например, озерцо образовалось посреди торфяного болота. Торф коричневый, поэтому дно у такого озера темное; к тому же воду окрашивают пигменты, — и она сама темнеет, оставаясь почти прозрачной.

Бывают караси величиной «с поднос от самовара»?

Карась — обитатель небольших озер и речных заводей в Европе и Сибири, медлительный, с округлым, сплюснутым с боков туловищем, держится в зарослях водной растительности, питается мелкой живностью. В длину взрослый карась может достигать 40–50 см и весит до 2–3 кг: он действительно может быть величиной с «поднос от самовара».

Бывает ли такое? А почему?

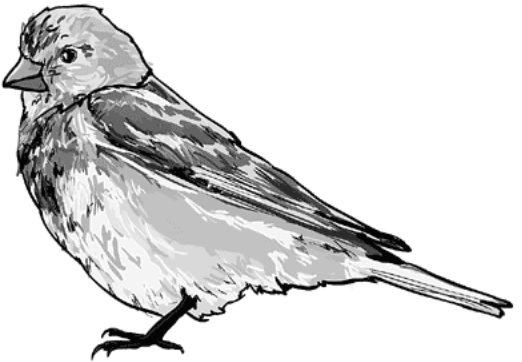
Стрекозы обычно серые или зеленоватые, с прозрачными крыльями. Но есть среди них и ярко окрашенные — синие или бурые с блестящим отливом и даже оранжево-красного цвета. Их народное название — «красотки». Яркая, отпугивающая окраска божьих коровок бывает двух типов: красная с черными пятнами или черно-синяя с красными пятнами; такие пятна с возрастом желтеют и могут казаться белыми.

Что такое мерин?

В сельском хозяйстве самцов некоторых видов животных кастрируют. Им присваивают особые названия, чтобы отличить от «нормальных» животных: жеребец становится мерином, бык — волом, кабан — боровом, баран — валухом, петух — каплуном (во Франции). Благодаря этому они становятся более мирными, крупными и сильными.

Что это была за птица?

В средней полосе России обитает несколько видов птиц, похожих на воробьев, самцы которых с красной грудкой и головой. Одна из них — коноплянка, или реполов: у нее красное грудное пятно разделено белой полоской. Это обычный обитатель лесов, садов, кустарниковых зарослей. Песенка состоит из щебетаний, свистов, тресков.

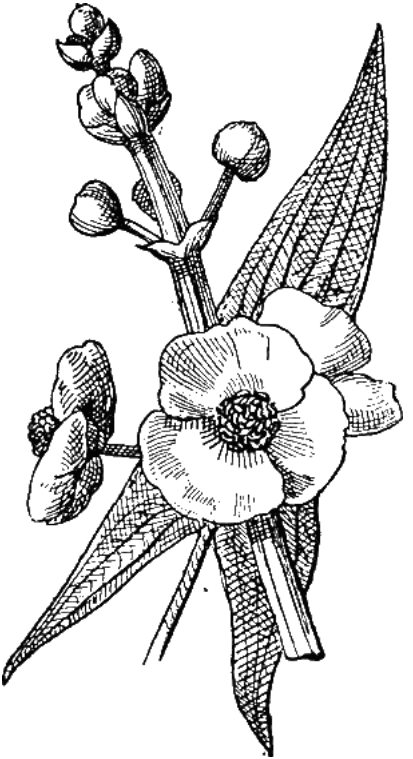


Что это за таволга? Почему она так пахнет? Почему нельзя донести непрочные кисти?

Таволга — травянистое растение, похожее на небольшой куст с крупными перистыми листьями, образует заросли в сырых лугах и по опушкам. Крупные кистевидные соцветия белого цвета с очень сильным сладким ароматом, привлекающим насекомых. Для букетов ее цветы не годятся — быстро вянут.

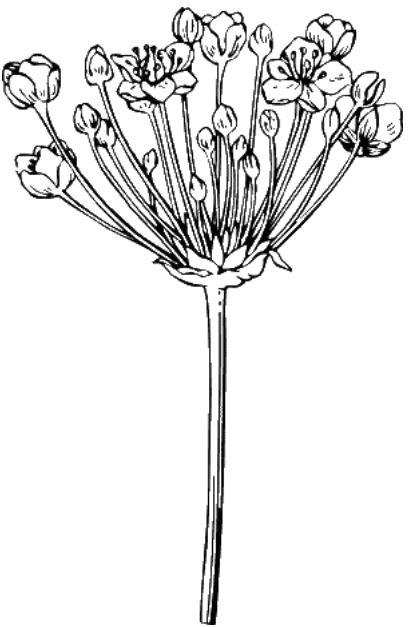
Что за растение с шишками — стрелолист?

Стрелолист — небольшое травянистое водное растение, заселяет болотистые заводи. Его подводные листья узкие, торчащие из воды на длинных стеблях заостренные трехдольчатые листья похожи на стрелы. После отцветания собранные на цветоносе плоды становятся похожи на небольшие шишки.



Разве белые лилии растут в воде? Что за растение сусак? Зачем ему зонтики?

Белая водяная лилия, или кувшинка, растет в медленных речных заводях. Ее цветы с белыми лепестками и желтой серединой, окруженные широкими листьями, хорошо заметны летом. Сусак — водное растение из семейства зонтичных. Его бело-розовые цветы собраны в соцветие-зонтик.



Зачем шмелю, осе или пчеле полосатые брюшко? Почему они, а не спинки высовывались из цветов?

Яркий рисунок отпугивает врагов, поэтому их брюшко украшено белыми, желтыми, красными и черными поперечными полосами. Садясь на цветок, шмель закапывается в него, чтобы добраться до нектара, — снаружи бывает видно только яркое брюшко.

Почему крапива жжется, а шиповник колется?

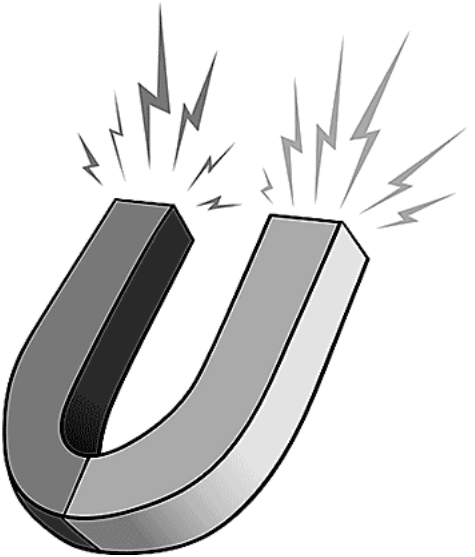
Многие растения, служащие пищей животным, в процессе эволюции обзавелись защитными средствами. Стебли и листья крапивы густо покрыты короткими и острыми полыми волосками, устройством похожими на шприц. При прикосновении к растению они впиваются в кожу и впрыскивают жгучее вещество: на коже появляются волдыри, неприятный зуд продолжается несколько часов.

У шиповника стебли покрыты твердыми короткими шипами: при взгляде на него пропадает всякая охота взять растение в руку и тем более в рот.

Крапива

Есть ли магнитный полюс?

Геологическое строение Земли таково, что она фактически представляет собой огромный магнит. Один ее магнитный полюс расположен в окрестностях Северного полюса в Арктике, другой — на Южном полюсе в Антарктиде. Магнитные полюса не только перемещаются по поверхности Земли, но иногда и меняют «знак».



Треска живет в холодных морях?

Треска — обитатель холодных вод северной Атлантики. Она живет большими стадами, питается мелкой рыбой, сама служит пищей гренландскому тюленю. Совершает ежегодные миграции от мест питания к местам нереста.

Откуда у валерианы ее название?

Валериана — травянистое растение, известное своими лечебными свойствами. Ее название происходит от латинского valere, что значит «быть здоровым». Растет на лугах; ее издавна выращивают ради корневищ, служащих источником особых эфирных масел. Их настойка оказывает на человека успокаивающее действие.

Какой запах у можжевельника? Что такое наперстянка?

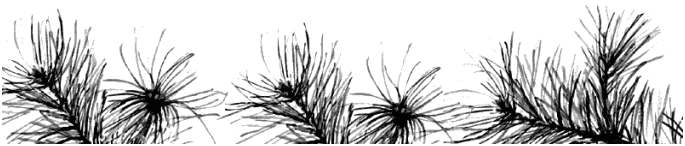
Можжевельник — хвойный кустарник или дерево. Его кора, шишечки и хвоинки содер-

жат пахучие эфирные масла, которые убивают многих микробов. Наперстянка — травянистое растение, ее собранные в соцветие красивые цветы напоминают наперсток. Она ядовита, но из некоторых ее веществ делают лекарства.

Неужели в сосновых хвоинках есть витамины? Зачем они дереву?

Хвоя елки или сосны — источник большого количества витаминов. Их особенно много в молодой хвое: в качестве биологически активных

веществ они стимулируют рост хвоинок. Ранним летом молодые хвоинки появляются на верхушках ветвей, они светлее и мягче прошлогодних — их можно срывать и есть.



Чем мхи от лишайников отличаются?

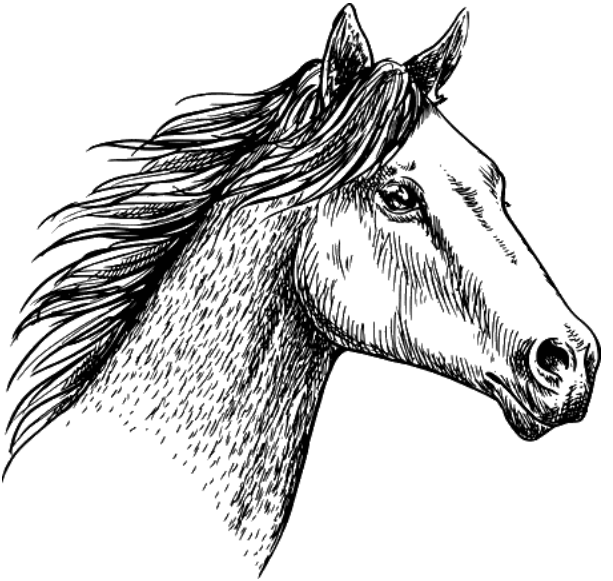
Мхи — очень примитивные растительные организмы: в отличие от сосудистых растений, у них нет проводящей системы, цветков, корней. Сфагнум растет на болотах. Лишайники — это своеобразные «двойные» организмы: тело состоит из грибного мицелия и одноклеточных водорослей. Самые простые выглядят как чешуйчатые «наросты» на камнях или деревьях.

Что за растение конятник?

Конятником в народе называют конский щавель — травянистое многолетнее растение с мощным корневищем, розеткой крупных грубых листьев и высоким метельчатым соцветием. Растет на полях, лесных опушках. Несмотря на название, копытные животные его не едят из-за горького вкуса.

Что такое мухортая лошадь?

Породы лошадей различаются мастью — сочетанием вариантов окраски тела, хвоста и гривы. Например, соловая (рыжая с белой гривой), пегая (сочетание рыжих и белых пятен), саврасая, или буланая (светло-рыжая с темной гривой); мухортая лошадь похожа на буланую, отличается желтоватыми «подпалинами» в паху.



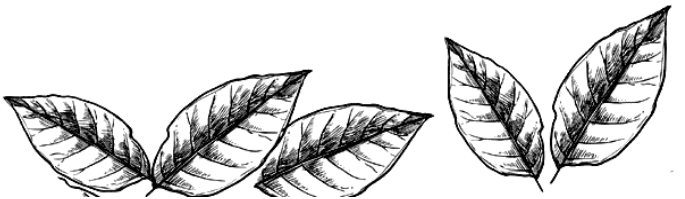
Зачем цыплята бегут на зов хозяйки?

Цыплята вылупляются из яиц полностью развитыми и уже через несколько минут, обсохнув, бегают за курицей, подбирая у нее из-под ног крошки и мелких насекомых. Хозяйка, приготовив корм, зовет курицу «цыпа-цыпа», та с кудахтаньем устремляется на зов, зная, что ее

ждет обильная пища, — и цыплята вслед за ней.

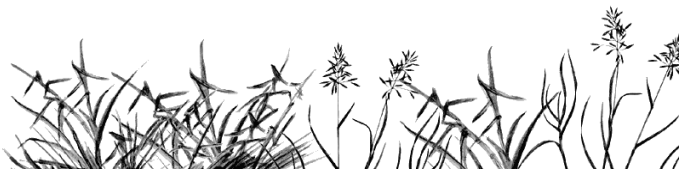
Что такое махорка? Что такое «козья ножка»?

Махорка — выращиваемая в Европе разновидность табака. Высушенные листья сворачивают или измельчают, используют для обеззараживания ран, курения. Курильщик сворачивает из бумаги маленький кулек-самокрутку, набивает махоркой, изгибает его — получается нечто похожее на заднюю ногу козы. Курение — вредная и опасная привычка.



Неужели все травы делятся на лекарственные и не лекарственные?

Человек издавна приспособил многие виды трав для своих нужд — для изготовления пищи, лекарств, из некоторых шьют одежду, вьют веревки. Из лекарственных растений готовят медицинские препараты: когда-то этим занимались особые народные умельцы-знахари; в настоящее время это целая индустрия.



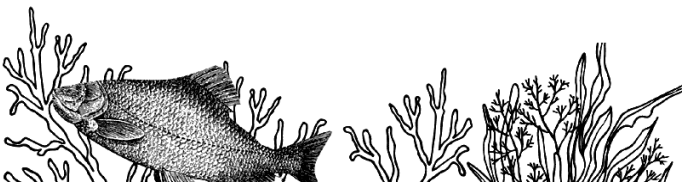
Кто такой Лесков? Что он написал?

Николай Семенович Лесков (1831–1895) — русский писатель. Его главные герои — простые люди из глубинки, в которых Лесков умел находить особые таланты, доброту, чувство справедливости. Его самая известная повесть-сказка — «Левша».

Что за рыба язь? Что такое крупный язь?

Язь — родственник карася, похож на него, но не такой круглый, с красноватыми плавниками и хвостом, с блестящей серебристой чешуей. Сходен с карасем и размерами — длина тела до

50 см, вес до 2,5 кг. Живет в Европе и Сибири в крупных реках с чистой водой, держится обычно вдали от берега.



Чем славна ягода брусника?

Брусника — вечнозеленый кустарничек, встречающийся повсюду от средней полосы до тундры. Весной его стелющиеся по земле кустики покрываются белыми цветами. Осенью на них созревают ярко-красные ягоды, богатые витаминами. Сейчас разводят в садах.

От чего зависит тембр голоса?

Голос — это звук, возникающий при вибрации особых голосовых связок в гортани, когда через них во время выдоха или вдоха проходит воздух. Такие связки есть у млекопитающих, птиц, реп-

тилий. Эти связки в зависимости от упругости и толщины по-разному реагируют на движение воздуха и издают разные звуки. Поэтому голос может быть высоким или низким, звонким или хриплым; разный у женщин и мужчин, у взрослых и детей. У разных животных голоса разные и звучат по самым разным поводам. Птичьи песнопенья и трели наполняют весенний лес: так самцы привлекают самок. Ночью волчья стая оглашает окрестности многоголосым воем: это значит, что хищники вышли на охоту. Собака рычит на чужих и приветствует хозяев.

Пишет ли Паустовский о реальном певце?

Николай Николаевич Озеров (1887–1953) — оперный певец-тенор, солист Большого театра. Он пел в операх «Пиковая дама» (Герман), «Евгений Онегин» (Ленский), «Отелло» (Отелло) и

др. Много выступал с сольными концертами в городах России.

Собрание чудес

У каждого, даже самого серьезного человека, не говоря, конечно, о мальчишках, есть своя тайная и немного смешная мечта. Была такая мечта и у меня, — обязательно попасть на Боровое озеро.

От деревни, где я жил в то лето, до озера было всего двадцать километров. Все отговаривали меня идти, — и дорога скучная, и озеро как озеро, кругом только лес, **сухие болота** да брусника. Картина известная!

— Чего ты туда рвешься, на этот озер! — сердился огородный сторож Семен. — Чего не видал? Народ какой пошел суетливый, хваткий, господи! Все ему, видишь ли, надо своей рукой цопнуть, своим глазом высмотреть! А что ты там высмотришь? Один водоем. И более ничего!

— А ты там был?

— А на кой он мне сдался, этот озер! У меня других дел нету, что ли? Вот они где сидят, все мои дела! — Семен постучал кулаком по своей коричневой шее. — На загорбке!

Но я все-таки пошел на озеро. Со мной увязались двое деревенских мальчишек, — Ленька и

Ваня. Не успели мы выйти за околицу, как тотчас обнаружилась полная враждебность характеров Леньки и Вани. Ленька все, что видел вокруг, прикидывал на рубли.

— Вот, глядите, — говорил он мне своим гугнивым голосом, — **гусак идет**. На сколько он, по-вашему, тянет?

— Откуда я знаю!

— Рублей на сто, пожалуй, тянет, — мечтательно говорил Ленька и тут же спрашивал: — А вот эта **сосна** на **сколько потянет**? Рублей на двести? Или на все триста?

— Счетовод! — презрительно заметил Ваня и шмыгнул носом. — У самого мозги на гривенник тянут, а ко всему приценивается. Глаза бы мои на него не глядели.

После этого Ленька и Ваня остановились, и я услышал хорошо знакомый разговор — предвестник драки. Он состоял, как это и принято, только из одних вопросов и восклицаний.

— Это чьи же мозги на гривенник тянут? Мои?

— Небось не мои!

— Ты смотри!

— Сам смотри!

— Не хватай! Не для тебя картуз шили!

— Ох, как бы я тебя не толканул по-своему!

— А ты не пугай! В нос мне не тычь!

Схватка была короткая, но решительная, Ленька подобрал картуз, сплюнул и пошел, обиженный, обратно в деревню.

Я начал стыдить Ваню.

— Это конечно! — сказал, смутившись, Ваня. — Я сгоряча подрался. С ним все дерутся, с Ленькой. Скучный он какой-то! Ему дай волю, он на все цены навешает, как в сельпо. На каждый колосок. И непременно сведет весь лес, порубит на дрова. А я больше всего на свете боюсь, когда сводят лес. Страсть как боюсь!

— Это почему же?

— **От лесов кислород. Порубят леса, кислород сделается жидкий, проховый. И земле уже будет не под силу его притягивать, подле себя держать.** Улетит он во-он куда! — Ваня показал на свежее утреннее небо. — Нечем будет человеку дышать. Лесничий мне объяснял.

Мы поднялись по изволоку и вошли в дубовый перелесок. Тотчас нас начали заедать **рыжие муравьи**. Они облепили ноги и сыпались с веток за шиворот. Десятки муравьиных дорог, посыпанных песком, тянулись между дубами и можжевельником. Иногда такая дорога проходила, как по туннелю, под узловатыми корнями дуба

и снова подымалась на поверхность. Муравьиное движение на этих дорогах шло непрерывно. В одну сторону муравьи бежали порожняком, а возвращались с товаром — белыми зернышками, сухими лапками жуков, мертвыми осами и мохнатой гусеницей.

— Суета! — сказал Ваня. — Как в Москве. В этот лес один старик приезжает из Москвы за **муравьиными яйцами**. Каждый год. Мешками увозит. Это самый птичий корм. И рыбу на них хорошо ловить. Крючочек нужно махонький-махонький!

За дубовым перелеском, на опушке, у края сыпучей песчаной дороги стоял покосившийся крест с черной жестяной иконкой. По кресту ползли красные, в белую крапинку, божьи коровки. Тихий ветер дул в лицо с овсяных полей. **Овсы шелестели, гнулись, по ним бежала седая волна**.

За овсяным полем мы прошли через деревню Полково. Я давно заметил, что почти все полковские крестьяне отличаются от окрестных жителей высоким ростом.

— Статный народ в Полкове! — говорили с завистью наши, заборьевские. — Гренадеры! Барабанщики!

В Полкове мы зашли передохнуть в избу к Василию Лялину — высокому красивому старику с пегой бородой. Седые клочья торчали в беспорядке в его черных косматых волосах.

Когда мы входили в избу к Лялину, он закричал:

— Головы пригните! Головы! Все у меня лоб о притолоку расшибают! Больно в Полкове высокий народ, а недогадливы, — избы ставят по низкому росту.

За разговором с Лялиным я, наконец, узнал, почему полковские крестьяне такие высокие.

— История! — сказал Лялин. — Ты думаешь, мы зря вымахали в вышину? Зря даже **кузька-жучок** не живет. Тоже имеет свое назначение.

Ваня засмеялся.

— Ты смеяться погоди! — строго заметил Лялин. — Еще мало учен, чтобы смеяться. Ты слушай. Был в России такой дуроломный царь — император Павел? Или не был?

— Был, — сказал Ваня. — Мы учили.

— Был да сплыл. А делов понаделал таких, что до сих пор нам икается. Свирепый был господин. Солдат на параде не в ту сторону глаза скосил, — он сейчас распаляется и начинает греметь: «В Сибирь! На каторгу! Триста шомполов!» Вот ка-

кой был царь! Ну и вышло такое дело, — полк гренадерский ему не угодил. Он и кричит: «Шагом марш в указанном направлении за тыщу верст! Походом! А через тыщу верст стать на вечный постой!» И показывает перстом направление. Ну, полк, конечно, поворотился и зашагал. Что сделаешь! Шагали-шагали три месяца и дошагали до этого места. Кругом лес непролазный. Одна дебрь. Остановились, стали избы рубить, глину мять, класть печи, рыть колодцы. Построили деревню и прозвали ее Полково, в знак того, что целый полк ее строил и в ней обитал. Потом, конечно, пришло освобождение, да солдаты прижились к этой местности, и, почитай, все здесь и остались. Местность, сам видишь, благодатная. Были те солдаты — гренадеры и великаны — наши пращуры. От них и наш рост. Ежели не веришь, езжай в город, в музей. Там тебе бумаги покажут. В них все прописано. И ты подумай, — еще бы две версты им прошагать и вышли бы к реке, там бы и стали постоем. Так нет, не посмели ослушаться приказа, — точно остановились. Народ до сих пор удивляется. «Чего это вы, говорят, полковские, вперлись в лес? Не было вам, что ли, места у реки? Страшенные, говорят, верзилы, а догадки в башке, видать, маловато». Ну, объяснишь им, как

было дело, тогда соглашаются. «Против приказа, говорят, не попрешь! Это факт!»

Василий Лялин вызвался проводить нас до леса, показать тропу на Боровое озеро. Сначала мы прошли через песчаное поле, заросшее **бессмертником** и полынью. Потом выбежали нам навстречу заросли молоденьких сосен. Сосновый лес встретил нас после горячих полей тишиной и прохладой. Высоко в солнечных косых лучах перепархивали, будто загораясь, **синие сойки**. Чистые лужи стояли на заросшей дороге, и через синие эти лужи проплывали облака. Запахло земляникой, нагретыми пнями. Заблестели на листьях орешника капли не то росы, не то вчерашнего дождя. Гулко падали шишки.

— Великий лес! — вздохнул Лялин. — Ветер задует, и загудят эти сосны, как колокола.

Потом сосны сменились березами, и за ними блеснула вода.

— Боровое? — спросил я.

— Нет. До Борового еще шагать и шагать. Это Ларино озерцо. Пойдем, поглядишь в воду, засмотришься.

Вода в Ларином озерце была глубокая и прозрачная до самого дна. Только у берега она чуть вздрагивала, — там из-под мхов вливался в озер-

цо родник. На дне лежало несколько темных больших стволов. Они поблескивали слабым и темным огнем, когда до них добиралось солнце.

— **Черный дуб**, — сказал Лялин. — Мореный, вековой. Мы один вытащили, только работать с ним трудно. Пилы ломает. Но уж ежели сделаешь вещь — скалку или, скажем, коромысло, — так навек! Тяжелое дерево, в воде тонет.

Солнце блестело в темной воде. Под ней лежали древние дубы, будто отлитые из черной стали. А над водой, отражаясь в ней **желтыми и лиловыми лепестками, летали бабочки**.

Лялин вывел нас на глухую дорогу.

— Прямо ступайте, — показал он, — покамест не упретесь в мшары, в сухое болото. А по мшарам пойдет тропка до самого озера. Только сторожко идите, — там колков много.

Он попрощался и ушел. Мы пошли с Ваней по лесной дороге. Лес делался все выше, таинственней и темнее. На соснах застыла ручьями золотая смола.

Сначала были еще видны колеи, давным-давно поросшие травой, но потом они исчезли, и розовый вереск закрыл всю дорогу сухим веселым ковром.

Дорога привела нас к невысокому обрыву. Под

ним расстилались мшары — густое и прогретое до корней березовое и осиновое мелколесье. Деревца тянулись из глубокого мха. По мху то тут, то там были разбросаны мелкие желтые цветы и валялись сухие ветки с белыми лишаями.

Через мшары вела узкая тропа. Она обходила высокие кочки. В конце тропы черной синевой светилась вода — Боровое озеро.

Мы осторожно пошли по мшарам. Из-под мха торчали острые, как копья, колки, — остатки березовых и осиновых стволов. Начались заросли брусники. Одна щечка у каждой ягоды — та, что повернута к югу, — была совсем красная, а другая только начинала розоветь. **Тяжелый глухарь** выскочил из-за кочки и побежал в мелколесье, ломая сушняк.

Мы вышли к озеру. Трава выше пояса стояла по его берегам. Вода поплескивала в корнях старых деревьев. Из-под корней выскочил дикий утенок и с отчаянным писком побежал по воде.

Вода в Боровом была черная, чистая. Острова белых лилий цвели на воде и приторно пахли. Ударила рыба, и лилии закачались.

— Вот благодать! — сказал Ваня. — Давайте будем здесь жить, пока не кончатся наши сухари.

Я согласился. Мы пробыли на озере два дня. Мы

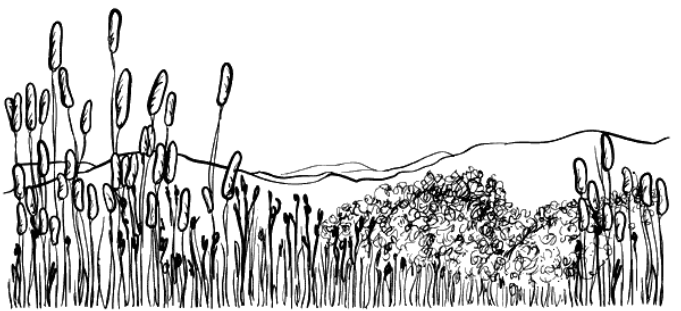
видели закаты и сумерки и путаницу растений, возникавшую перед нами в свете костра. Мы слышали крики **диких гусей** и звуки ночного дождя. Он шел недолго, около часа, и тихо позванивал по озеру, будто протягивал между черным небом и водой тонкие, как паутина, дрожащие струнки.

Вот и все, что я хотел рассказать. Но с тех пор я никому не поверю, что есть на нашей земле места скучные и не дающие никакой пищи ни глазу, ни слуху, ни воображению, ни человеческой мысли.

Только так, исследуя какой-нибудь клочок нашей страны, можно понять, как она хороша и как мы сердцем привязаны к каждой ее тропинке, роднику и даже к робкому попискиванию лесной пичуги.

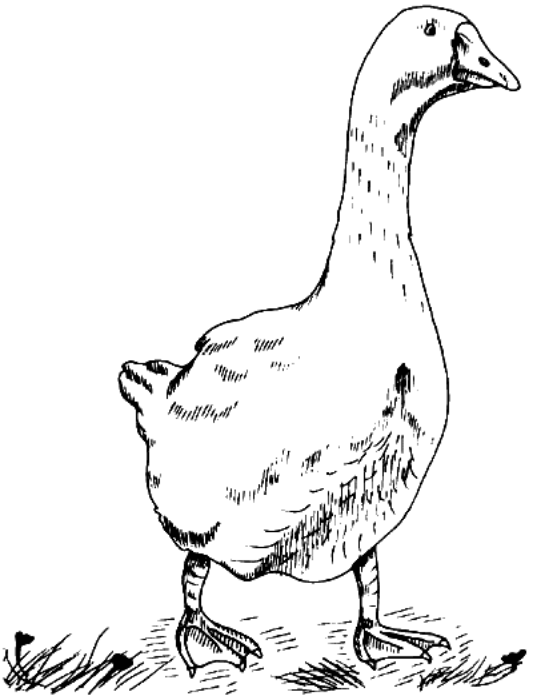
Справочное бюро
Почему болото сухое? Как оно называется?

Сухие болота получаются в результате зарастания лесных болот и небольших озер мхом-сфагнумом, за что их называют мшарами. Со временем они перестают быть топкими, превращаются в торфяники, зарастают травой и чахлыми деревьями; на таких болотах обильно растут клюква, брусника.



Гуси самостоятельно ходят по деревне?

Гуси — водоплавающие птицы, но в отличие от уток не столь сильно привязаны к воде. В деревнях их обычно выпасают на лугах, по околицам и обочинам дорог. Они довольно смышленые, знают свой дом и поэтому нередко ходят самостоятельно небольшими группами.



Сосна — ценное дерево?

Сосна играет очень большую роль как в жизни леса, так и в экономике человека. Она форми-

рует особый лесной тип — бор. Человек из нее добывает смолу для изготовления канифоли, из прочной древесины делает доски, корабельная сосна служит для изготовления мачт. Ископаемая смола сосны превращается в ценный янтарь.

Так ли это?

Леса принято называть «легкими планеты». Причина в том, что в процессе фотосинтеза растения поглощают углекислый газ и выделяют кислород. Поэтому чрезмерная вырубка лесов и обширные лесные пожары наносят большой вред природе. Вокруг городов сохраняется «зеленый

пояс», чтобы защитить население от автомобильных выхлопов и заводского дыма.

Что такое муравьиные яйца?

Муравьи-рабочие собирают еду и строят жилье, муравьи-солдаты его охраняют, «муравьиная царица» постоянно откладывает яйца. Яйца превращаются в более крупные куколки, которые обычно (но неправильно) называют «муравьиными яйцами», из куколок вылупляются новые муравьи.

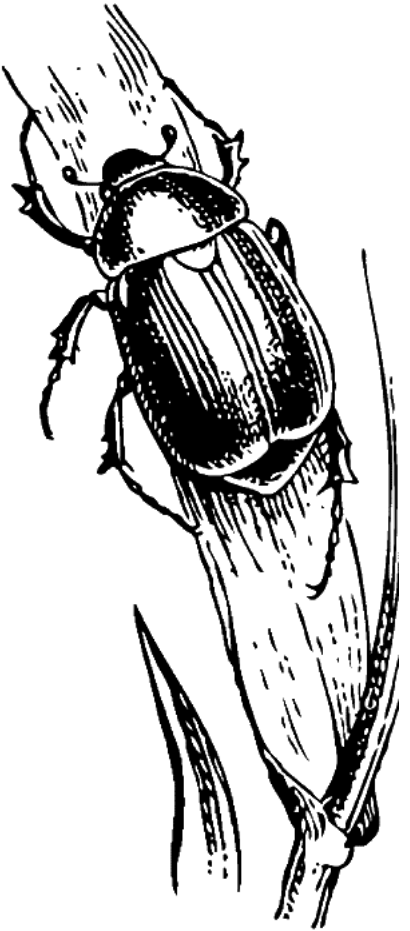
Почему овсы шелестят?

Овес — культурный злак, возделываемый повсеместно как источник пищи для человека и домашних животных. Отличается от пшеницы

и ржи «поникшими» колосками. Из овса хлеб не пекут, готовят каши. Когда над густо засеянным овсяным полем дует ветер, по нему побегают «волны», колосья трутся друг о друга и слышен шелест.

Кто такой кузька-жук?

Жук-кузька, которого чаще называют хлебным жуком, — одно из самых вредных насекомых на хлебных полях. Его личинки живут под землей, поедая корни растений, перед созреванием урожая личинки превращаются в куколок, из которых вылупляются жуки. Они залезают на верхушки растений и грызут зерна, не давая им вызреть.



Почему бессмертник так называется?

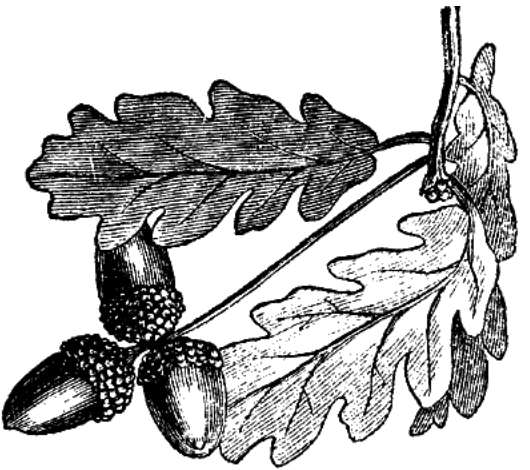
Бессмертник — небольшое травянистое растение, родственник ромашки. Невысокий стебель покрыт короткими листьями, мелкие цветки собраны в соцветия, похожие на желтые шарики. В высушенном состоянии могут долго сохраняться, что объясняет название.

Что за птица сойка? Почему она синяя?

Сойка — птица размером с галку, ярко окрашена. Основной тон тела рыжевато-коричневый, концы крыльев и хвоста черные, основание хвоста белое, перья на плечах ярко-голубые, они особенно заметны, когда птица расправляет крылья. Лесной обитатель, держится одиночно. Осенью делает запасы желудей, пряча их под листву.

Что это за дерево черный дуб? Почему у него такие свойства обнаруживаются?

Черный, или мореный, дуб — это не особая порода дерева. Такой дубовая древесина становится после того, как упавшее дерево попадет под воду и пролежит там долгое время: она становится особо прочной и темнеет. «Черный дуб» — один из самых ценных сортов древесины.



От чего зависит цвет бабочки?

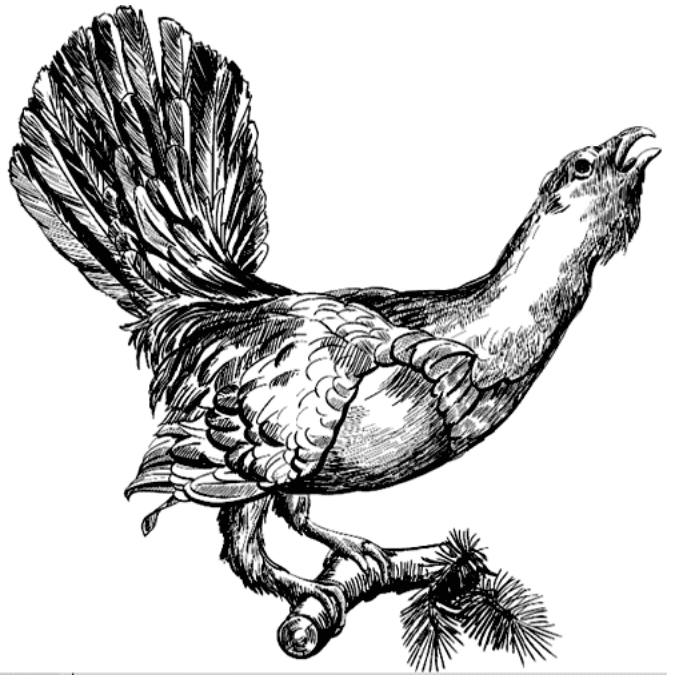
Бабочки — одни из самых красивых насекомых: у многих видов, особенно тропических,

крылья раскрашены в разные цвета, у некоторых с металлическим отливом. Окраска бабочек обусловлена разноцветными пигментами и особым устройством покрывающей крылья «пыльцы», по-разному отражающей свет; при ее стирании вся красота пропадает.

Кто такой глухарь? Почему он тяжелый?

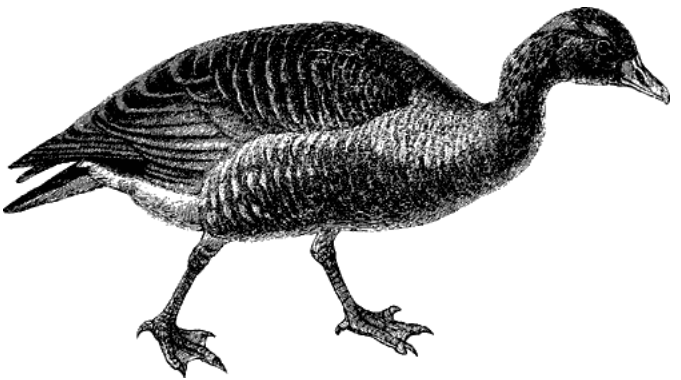
Это самая крупная и тяжелая птица северных лесов. Глухарь-самец черного цвета. В пору весеннего токования глухарь веером расправляет хвост, громко «бормочет» и щелкает клювом. В

это время он почти ничего не слышит (отсюда название), чем и пользуются охотники.



Кто это — дикие гуси?

Дикие гуси — предки домашних гусей. Они крупнее уток, с более длинной шеей: она позволяет доставать пищу с глубоких мест. Их легко узнать по характерному гоготу. Дикие гуси держатся большими стаями. Лето они проводят в северных краях, где устраивают гнезда на земле, на зиму улетают на юг.



Воронежское лето

Заповедный лес на реке Усмани под Воронежем — последний на границе донских степей. Он слабо шумит, прохладный, в запахе трав, но стоит выйти на опушку — и в лицо ударит жаром, резким светом, и до самого края земли откроется степь, далекая и ветреная, как море.

Откроются ветряки, что машут крыльями на курганах, **коршуны** и острова старых усадебных садов, раскинутые в отдалении друг от друга.

Но прежде всего откроется небо — высокое степное небо с громадами синеватых облаков. Их много, но они почти никогда не закрывают солнца. Тень от них изредка проплывает то тут, то там по степи. Проплывает так медленно, что можно долго идти в этой тени, не отставая от нее и прячась от палящего солнца.

В степи, недалеко от старого липового парка, поблескивает в отлогой балке маленькая река Каменка. Она почти пересохла. Только в небольших бочагах налита чистая прогретая вода. По ней шныряют **водяные пауки**, а на берегах сидят и тяжело дышат — никак не могут отдышаться

от сухой жары — сонные лягушки.

Липовый парк, изрытый блиндажами — разрушенными и заросшими дикой малиной, — слышен издалека. С рассвета до темноты он свистит, щелкает и звенит от множества **синиц, щеглов, малиновок, иволг и чижей**. Птичья сутолока никогда не затихает в кущах лип — таких высоких, что от взгляда на них может закружиться голова.

У подножья деревьев прячется в тени маленький белый дом. Он некогда принадлежал ныне почти забытому писателю Эртелю, современнику Чехова. Сейчас здесь небольшой дом отдыха.

С птицами в парке у меня были свои счеты. Часто по ранним утрам я уходил на Каменку ловить рыбу. Как только я выходил в парк, сотни птиц начинали суетиться в ветвях. Они старались спрятаться и обдавали меня дождем росы. Они с треском вылетали из зарослей, будто выныривали из воды, и опрометью неслись в глубину парка.

Должно быть, это красивое зрелище, но я промокал от росы и не очень им любовался. Я старался идти тихо, бесшумно, но это не помогало. Чем незаметнее я подходил к какому-нибудь кусту, переполненному птицами, тем сильнее был переполох и тем обильнее летела на меня

холодная роса.

Я приходил на Каменку. Подымалось солнце. Блестела пустынная росистая степь. Вокруг не было ни души. Даже самый зоркий глаз не мог бы заметить никаких признаков человека. Но стоило мне закинуть удочки, как тотчас из балки появлялись босые мальчишки.

Они подходили сзади, но так осторожно, что я иногда узнавал об их появлении только по сосредоточенному сопению у себя за спиной.

Мальчишки молчали, сопели и не отрываясь смотрели на красные поплавки. Изредка кто-нибудь из них чесал одной ногой другую.

По старому опыту я знал, что при таких обстоятельствах рыба перестанет клевать. Это было необъяснимо, но верно. Стоило даже одному мальчишке остановиться за спиной и уставиться на поплавок, как клев начисто прекращался.

Сначала я решил откупиться от мальчишек. **Я раздал каждому из них по золоченому крючку**, но с тем, что они уйдут и не будут мешать мне удить.

Мальчишки взяли крючки, поблагодарили шепотом и честно ушли. Но через полчаса появилась толпа совершенно новых мальчишек. Уже издали они кричали:

— Дяденька, дай крючка!

Я понял, что совершил грубейшую ошибку.

Нужно было найти верное средство, чтобы избавиться от мальчишек. Тогда я вспомнил слова писателя Гайдара. Он уверял меня, что на детей сильнее всего действуют загадочные разговоры.

И вот, когда на следующий день мальчишки окружили меня, начали сопеть и рыба снова перестала клевать, я сказал мрачным голосом, не оглядываясь:

— А вы знаете, ребята, что за это полагается штраф в сто рублей?

— За что? — неуверенно спросил самый шустрый мальчик.

— А вот за это самое, — ответил я.

Мальчишки переглянулись и, не спуская с меня глаз, начали медленно и осторожно пятиться. Так, пятясь, они прошли шагов тридцать, потом сразу повернулись и бросились врассыпную в степь. Самый маленький бежал сзади, спотыкался, потом вдруг заревел басом. Какой-то шустрый мальчишка схватил его за руку, шлепнул и поволок за собой. Мальчишки исчезли.

Я сам не меньше мальчишек был поражен тем, что случилось. Я засмеялся. В ответ за **кустом лозняка** кто-то хихикнул.

Я заглянул за куст. Там, уткнувшись лицом в траву, лежали и тряслись от смеха два белобрысых мальчика с длинными веревочными кнутами.

— А вы чего остались?

— Нам нельзя, — сказал мальчик постарше. — Мы пастухи. У нас стадо тут, за бугром.

— А если бы не было стада?

Мальчишка, ухмыляясь, встал.

— Не! — сказал он. — Все одно мы бы не убегли. Мы большие. А те — махонькие. Что им ни посули — они всему верят. Теперь забоялись, долго не прибегут.

Так началась моя дружба с пастухами Витей и Федей. И начались необыкновенные наши разговоры.

— Вы кто? Писатель? — спросил меня сразу же Федя.

— Да, писатель.

— А вы давно заступили в писатели?

— Давно.

— Что-то не видно, — сказал Федя и подозрительно посмотрел на меня.

— Почему это не видно?

— Рыба клюет, а я гляжу, вы все зеваете.

— Что-то ты путаешь, — сказал я. — Рыба здесь ни при чем.

— Ну да, — обиженно заметил Федя. — Как это так ни при чем!

Тогда в разговор вмешался младший пастушок Витя.

— Запрошлое лето, — сказал он, торопясь и захлебываясь, — тут два писателя тоже рыбу ловили. Дядя Жора и дядя Саша. Так дядя Саша ка-ак закинет удочку, ка-ак у него возьмет, ка-ак он дерганет, ка-ак вытащит — вот такого окуня! В локоть! Раз за разом! А дядя Жора — так тот не мог. У дяди Жоры не получалось. Сидит-сидит весь день и вытащит **плотвичку**. Худую, мореную.

— Тоже лезешь! — сердито сказал Федя. — Дурной совсем. Так ведь дядя Жора вовсе не был писателем. Понятно? А дядя Саша — так тот писатель. Он двадцать книг написал.

Тогда я наконец понял. В представлении Феди настоящий писатель был существом легендарным, безусловно талантливым во всех областях жизни, был своего рода волшебным мастером «золотые руки». Он должен был все знать, все видеть, все понимать и все великолепно делать.

Мне не хотелось разрушать эту наивную веру маленького деревенского пастуха. Может быть, потому, что за наивностью этой скрывалась настоящая правда о подлинном писательском мастерстве, — та правда, о какой мы зачастую не помним и к осуществлению которой не всегда стремимся. Почему-то стало стыдно. И даже в малом деле — в рыбной ловле — я с тех пор поклялся себе не прозевать ни одной поклевки, особенно при Феде. Это уже как будто становилось делом чести. Сейчас, в Москве, это кажется мне немного смешным, — то, что я думал тогда, на Каменке, но я не мог допустить мысли, что Федя кому-нибудь скажет:

— Дядя Костя? Да какой же он писатель! Он подсекать не умеет. У него рыба все время сры-

вается.

С тех пор при встречах с Федей я всегда был настороже. Ему нужно было все знать. Он задавал мне множество вопросов. И не на все его вопросы я мог ответить.

Как все пастухи, Федя хорошо знал всякие травы, цветы, растения и любил о них говорить. Я тоже кое-что знал о растениях, **но здесь, под Воронежем, было много таких трав и цветов, какие не встречались** у нас, в более северной полосе России. Поэтому я был очень доволен, что захватил с собой из Москвы определитель растений.

Я приносил из степи, с берегов Усмани, из заповедного леса охапки разных цветов и трав и определял их. Так постепенно благодаря Феде я погрузился в заманчивый мир разнообразных листьев, венчиков, лепестков, тычинок, колосьев, в мир растительных запахов и чистых красок. Моя комната стала похожа на жилище деревенского знахаря. Связки сухой травы висели на стенах, и лекарственный дух степных растений так прочно поселился в ней, что его не мог вытеснить даже запах отцветающих за окнами лип.

И вот наконец наступил час моего торжества.

По берегу Каменки цвели крупные цветы топ-

туна. Они были похожи на маленькие белые звезды.

Однажды я пришел на Каменку на рассвете. Тотчас появился и Федя. Он подсел ко мне, достал из кармана хлеб, начал жевать его и расспрашивать меня о всяких обстоятельствах жизни.

Небо было закрыто мглой. В серой воде неподвижно стояли яркие поплавки. Рыба клевала плохо.

Я взглянул на цветы топтуна у своих ног и заметил, что все они закрылись.

— Будет дождь, — сказал я Феде.

— Откуда вы знаете?

— По цветам.

Я показал ему на закрытые цветы. Федя наморщил лоб и долго думал.

— А зачем они перед дождем закрываются?

— **Чтобы дождь не сбивал пыльцу.**

Я начал рассказывать ему о пыльце, **об опылении**, о том, что по цветам можно определить время дня. Пока я рассказывал, у меня клюнула плотва, но я прозевал. Федя даже не заметил этого. Он был взволнован моим рассказом.

— Откуда вы все это взяли? — спросил он. — Из школы?

— Из книг.

— Ну, если бы я так-то знал… — протянул Федя и замолчал.

— Что ж? Перестал бы пасти коров? Уехал бы в Воронеж?

— Не! — сказал Федя. — Я здешний. Мне тут привольно. Вырасту большой, сделаюсь председателем колхоза вместо Силантия Петровича, заведу у себя в деревне парники, цветы. Чего-чего я тут не напридумаю. **Медовую фабрику открою.**

Одинокая капля дождя отвесно упала в воду. От нее пошли тонкие круги. Потом сразу вокруг нас зашевелилась, зашептала трава, вся вода покрылась маленькими кругами, и слабый, но внятный звон поплыл над омутом. Шел тихий теплый дождь.

Далеко в разрывы мягких туч светило широкими лучами солнце, и степь дымилась и блестела. Сильнее запахли травы, хлеба и земля. Из-за бугра потянуло парным молоко, — там паслось стадо.

— Гляньте, — сказал мне Федя, — так это же **стеклянная трава**!

Ворсистые стебли топтуна были сплошь покрыты каплями дождя. И все это маленькое растение так сверкало у наших ног, будто оно было действительно сделано из хрусталя.

Спрятаться от дождя было негде, и мы сидели, накинув на головы Федин ватник.

— Доброе лето! — серьезно сказал Федя.

Эти слова он, должно быть, слышал от кого-нибудь из деревенских стариков. Лето было действительно полно неуловимой доброты — и в легком шуме дождей, и **в запахе зреющей пшеницы** — предвестнике урожая.

Справочное бюро
Кто такие коршуны?

Коршун — средних размеров темно окрашенная хищная птица. Распространен очень широко. Населяет лесостепи. Гнездится на деревьях, в выводке 2–3 птенца, их выкармливают оба родителя. Его часто можно увидеть высоко парящим с распростертыми крыльями: так он высматривает на земле пищу.

Что это за водяные пауки?

Водяные пауки, или пауки-серебрянки, — единственные из пауков, которые устраивают гнезда и охотятся под водой; однако они мало бегают по поверхности воды. Скорее всего речь идет о клопах-водомерках: густые щетинки на кончиках их лапок позволяют им свободно скользить, бегать и прыгать по воде.

Что это за птицы? Почему они собрались в парке?

Лесные участки и парки среди открытых пространств — прибежище для многих птиц, которые в них гнездятся и находят пропитание. Весной лес действительно «звенит» птичьими трелями. Самые обычные обитатели лесов — синицы: большую синицу легко узнать по желтой грудке с черной полосой, черной голове с белыми «ще-

ками»; более мелкая синичка-гаичка — с серой грудкой и черной «шапочкой». Зарянка сверху серая, грудка ярко-оранжевая. Щегол — самый яркий из них: сам светло-коричневый, на голове красная «маска», крылья черно-желтые.

Зачем крючки для рыбной ловли золотят?

Рыбаки всячески изощряются, чтобы быть с уловом, — придумывают особые крючки с зазубринами, приманки, блесны, мормышки: все это вместе называется «снасть». Если задача — поймать хищную рыбу, снасть делается яркой и блестящей: причина в том, что мелкая рыбешка, на которую охотятся щуки или окуни, покрыта блестящей серебристой чешуей. Вдобавок блесны формой напоминают этих рыбешек.

Что такое лозняк?

Лозняком называют густые заросли ивы (другие названия — лоза, верба, тальник) по берегам рек и озер. Лозняк летом служит прибежищем для множества мелких птиц, которые в нем гнездятся и питаются. Ветки ив длинные и очень гибкие, осенью их обрезают и плетут корзины.

Что за рыбка плотва? Она всегда маленькая?

Плотва — мелкая речная рыба: длина обычно 10–15 см, хотя рекордсмены бывают до 30 см. Некрупные рыбешки держатся подвижными стайками в прибрежной воде со слабым течением под защитой коряг и водной растительности;

крупные обычно плавают одиночно. Питается разной мелкой водной живностью, охотясь на нее круглый день.

В разных областях растут разные растения?

Природа на Земле очень разнообразна: в каждой климатической зоне обитают растения, приспособленные к конкретным условиям. Эти зоны сменяют одна другую с севера на юг: сначала тундра с мхами и злаками, потом тайга с хвойными деревьями, лиственные леса, еще южнее — покрытые травой степи и почти голые пустыни; в тропиках — джунгли.

А как цветы чувствуют, что будет дождь?

Существуют особые растения-«барометры», способные предсказывать погоду. Они реагируют на изменения температуры и влажности воздуха. Перед дождем у одуванчика желтые цветы сжимаются в комок, а у клевера складываются листочки; на стрелолисте появляются капельки сока; черемуха и ива также начинают «плакать».

А зачем нужно опыление?

Опыление — важная часть размножения растений, в нем главную роль играет цветок. Цветочный пестик содержит женские зачатки, в тычинках образуется мелкая пыльца с мужскими зачатками. Пыльца переносится ветром или насекомыми. Попадая на пестик, она прорастает внутрь, происходит оплодотворение, и из пестика образуется плод с семенами.

Разве бывают медовые фабрики?

Медовая фабрика организуется в летнее время для сбора и переработки пчелиного меда. В фабрику входят пчелиные ульи, в которых пчелы накапливают в сотах мед, и помещение для обработки меда. Заполненные соты вытаскивают из ульев, с помощью центрифуги откачивают готовый мед. После этого его очищают от примесей и разливают в банки. Часть меда оставляют в ульях для пчел.

Что за топтун? Зачем ему ворс на стеблях?

По-видимому, речь идет о горце, или спорыше, которого в народе зовут «топтуном» за то, что растет на вытоптанных пастбищах. Это небольшое травянистое растение с мелкими листьями и цветами; его стебель гладкий, но, когда на нем осаждается утренняя роса или падают капли дождя, он действительно кажется «стеклянным».

Неужели пшеница как-то по-особому пахнет?

Пшеница — наиболее распространенный культурный злак, выращиваемый повсеместно наряду с овсом и рожью; из одних сортов пекут хлеб, другие скармливают домашнему скоту. Запах пшеничного зерна может многое сказать специалисту — о степени его зрелости, о зараженности спорыньей. Несозревший колос пахнет свежей травой, у созревшего запах сухого сена;

зараженное зерно пахнет селедкой.

Акварельные краски

Когда при Берге произносили слово «родина», он усмехался. Он не понимал, что это значит. Родина, земля отцов, страна, где он родился, — в конечном счете не все ли равно, где человек появился на свет. Один его товарищ даже родился в океане на грузовом пароходе между Америкой и Европой.

— Где родина этого человека? — спрашивал себя Берг. — Неужели океан — эта монотонная равнина воды, черная от ветра и гнетущая сердце постоянной тревогой?

Берг видел океан. Когда он учился живописи в Париже, ему случалось бывать на берегах Ла-Манша. Океан был ему не сродни.

Земля отцов! Берг не чувствовал никакой привязанности ни к своему детству, ни к маленькому еврейскому городку на Днепре, где его дед ослеп за дратвой и сапожным шилом.

Родной город вспоминался всегда как выцветшая и плохо написанная картина, густо засиженная мухами. Он вспоминался как пыль, сладкая вонь помоек, сухие тополя, грязные об-

лака над окраинами, где в казармах муштровали солдат — защитников отечества.

Во время гражданской войны Берг не замечал тех мест, где ему приходилось драться. Он насмешливо пожимал плечами, когда бойцы, с особенным светом в глазах говорили, что вот, мол, скоро отобьем у белых свои родные места и напоим коней водой из родимого Дона.

— Трепотня! — мрачно говорил Берг. — У таких, как мы, нет и не может быть родины.

— Эх, Берг, сухарная душа! — с тяжелым укором отвечали бойцы. — Какой с тебя боец и создатель новой жизни, когда ты землю не любишь, чудак. А еще художник!

Может быть, поэтому Бергу и не удавались пейзажи. Он предпочитал портрет, жанр и, наконец, плакат. Он старался найти стиль своего времени, но эти попытки были полны неудач и неясностей.

Годы проходили над Советской страной, как широкий ветер, — прекрасные годы труда и преодолений. Годы накапливали опыт, традиции. Жизнь поворачивалась, как призма, новой гранью, и в ней свежо и временами не совсем для Берга понятно преломлялись старые чувства — любовь, ненависть, мужество, страдание и,

наконец, чувство родины.

Как-то ранней осенью Берг получил письмо от художника Ярцева. Он звал его приехать в **муромские леса**, где проводил лето. Берг дружил с Ярцевым и, кроме того, несколько лет не уезжал из Москвы. Он поехал.

На глухой станции за Владимиром Берг пересел на поезд узкоколейной дороги.

Август стоял жаркий и безветренный. В поезде пахло ржаным хлебом. Берг сидел на подножке вагона, жадно дышал, и ему казалось, что он дышит не воздухом, а удивительным солнечным светом.

Кузнечики кричали на полянах, заросших белой засохшей гвоздикой. На полустанках пахло немудрыми полевыми цветами.

Ярцев жил далеко от безлюдной станции, в лесу, на берегу глубокого озера с черной водой. Он снимал избу у лесника.

Вез Берга на озеро сын лесника Ваня Зотов — сутулый и застенчивый мальчик.

Телега стучала по корням, скрипела в глубоких песках.

Иволги печально свистели в перелесках. Желтый лист изредка падал на дорогу. Розовые облака стояли высоко в небе над вершинами

мачтовых сосен.

Берг лежал в телеге, и сердце у него глухо и тяжело билось.

«Должно быть, от воздуха?» — думал Берг.

Озеро Берг увидел внезапно сквозь чащу поредевших лесов.

Оно лежало косо, как бы подымалось к горизонту, а за ним просвечивали сквозь тонкую мглу заросли золотых берез. Мгла над озером висела от недавних лесных пожаров. По черной, как деготь, прозрачной воде плавали палые листья.

На озере Берг прожил около месяца. Он не собирался работать и не взял с собой масляных красок. Он привез только маленькую коробку с французской акварелью Лефранка, сохранившуюся еще от парижских времен. Берг очень дорожил этими красками.

Целые дни он лежал на полянах и с любопытством рассматривал цветы и травы. Особенно его поразил **бересклет, — его черные ягоды были спрятаны в венчик из карминных лепестков**.

Берг собирал ягоды шиповника и пахучий можжевельник, длинную хвою, листья осин, где по лимонному полю были разбросаны черные и синие пятна, хрупкие лишаи и вянущую гвоздику. Он тщательно рассматривал осенние листья с

изнанки, где желтизна была чуть тронута легкой свинцовой изморозью.

В озере бегали **оливковые жуки-плавунцы**, тусклыми молниями играла рыба, и последние лилии лежали на тихой поверхности воды, как на черном стекле.

В жаркие дни Берг слышал в лесу тихий дрожащий звон.

Звенела жара, сухие травы, жуки и кузнечики. **На закатах журавлиные стаи с курлыканьем летели над озером на юг**, и Ваня каждый раз говорил Бергу:

— Кажись, кидают нас птицы, летят к теплым морям.

Берг впервые почувствовал глупую обиду, — журавли показались ему предателями. Они бросали без сожаления этот пустынный, лесной и торжественный край, полный безымянных озер, непролазных зарослей, сухой листвы, мерного гула сосен и воздуха, пахнущего смолой и болотными мхами.

— Чудаки! — замечал Берг, и чувство обиды за пустеющие с каждым днем леса уже не казалось ему смешным и ребяческим.

В лесу Берг встретил однажды бабку Татьяну. Она приплелась издалека, из Заборья, по грибы.

Берг побродил с ней по чащам и послушал неторопливые Татьянины рассказы. От нее он узнал, что их край — лесная глухомань — был знаменит с давних-предавних времен своими живописцами. Татьяна называла ему имена знаменитых кустарей, расписывавших деревянные ложки и блюда золотом и киноварью, но Берг никогда не слышал этих имен и краснел.

Разговаривал Берг мало. Изредка он перебрасывался несколькими словами с Ярцевым. Ярцев целые дни читал, сидя на берегу озера. Говорить ему тоже не хотелось.

В сентябре пошли дожди. Они шуршали в траве. Воздух от них потеплел, а прибрежные заросли запахли дико и остро, как мокрая звериная шкура.

По ночам дожди неторопливо шумели в лесах по глухим, неведомо куда ведущим дорогам, по тесовой крыше сторожки, и казалось, что им так и на роду написано моросить всю осень над этой лесной страной.

Ярцев собрался уезжать. Берг рассердился. Как можно было уезжать в разгар этой необыкновенной осени. Желание Ярцева уехать Берг ощутил теперь так же, как когда-то отлет журавлей, — это была измена. Чему? На этот вопрос Берг вряд

ли мог ответить. Измена лесам, озерам, осени, наконец, теплому небу, моросившему частым дождем.

— Я остаюсь, — сказал Берг резко. — Можете бежать, это ваше дело, а я хочу написать эту осень.

Ярцев уехал. На следующий день Берг проснулся от солнца.

Дождя не было. Легкие тени ветвей дрожали на чистом полу, а за дверью сияла тихая синева.

Слово «сияние» Берг встречал только в книгах поэтов, считал его выспренним и лишенным ясного смысла. Но теперь он понял, как точно это слово передает тот особый свет, какой исходит от сентябрьского неба и солнца.

Паутина летала над озером, каждый желтый лист на траве горел от света, как бронзовый слиток. Ветер нес запахи лесной горечи и вянущих трав.

Берг взял краски, бумагу и, не напившись даже чаю, пошел на озеро. Ваня перевез его на дальний берег.

Берг торопился. Леса, наискось освещенные солнцем, казались ему грудами легкой медной руды. Задумчиво свистели в синем воздухе последние птицы, и облака растворялись в небе, подымаясь к зениту.

Берг торопился. Он хотел всю силу красок, все умение своих рук и зоркого глаза, все то, что дрожало где-то на сердце, отдать этой бумаге, чтобы хоть в сотой доле изобразить великолепие этих лесов, умирающих величаво и просто.

Берг работал как одержимый, пел и кричал. Ваня его никогда таким не видел. Он следил за каждым движением Берга, менял ему воду для красок и подавал из коробки фарфоровые чашечки с краской.

Глухой сумрак прошел внезапной волной по листве. Золото меркло. Воздух тускнел. Далекий грозный ропот прокатился от края до края лесов и замер где-то над гарями. Берг не оборачивался.

— Гроза заходит! — крикнул Ваня. — Надо домой!

— **Осенняя гроза**, — ответил рассеянно Берг и начал работать еще лихорадочнее.

Гром расколол небо, вздрогнула черная вода, но в лесах еще бродили последние отблески солнца. Берг торопился.

Ваня потянул его руку:

— Глянь назад. Глянь, страх какой!

Берг не обернулся. Спиной он чувствовал, что сзади идет дикая тьма, пыль, — уже листья летели ливнем, и, спасаясь от грозы, низко неслись

над мелколесьем испуганные птицы.

Берг торопился. Оставалось всего несколько мазков.

Ваня схватил его за руку. Берг услышал стремительный гул, будто океаны шли на него, затопляя леса.

Тогда Берг оглянулся. Черный дым падал на озеро. Леса качались. За ними свинцовой стеной шумел ливень, изрезанный трещинами молний. Первая тяжелая капля щелкнула по руке.

Берг быстро спрятал этюд в ящик, снял куртку, обернул ею ящик и схватил маленькую коробку с акварелью. В лицо ударила водяная пыль. Метелью закружились и залепили глаза мокрые листья.

Молния расколола соседнюю сосну. Берг оглох. Ливень обрушился с низкого неба, и Берг с Ваней бросились к челну.

Мокрые и дрожащие от холода Берг и Ваня через час добрались до сторожки. В сторожке Берг обнаружил пропажу коробочки с акварелью. Краски были потеряны, — великолепные краски Лефранка. Берг искал их два дня, но, конечно, ничего не нашел.

Через два месяца в Москве Берг получил письмо, написанное большими корявыми буквами.

«Здравствуйте, товарищ Берг, — писал Ваня. — Отпишите, что делать с вашими красками и как их вам доставить. Как вы уехали, я искал их две недели, все обшарил, пока нашел, только сильно простыл — потому уже были дожди, но теперь хожу, хотя еще очень слабый. Папаня говорит, что было у меня воспаление в легких. Так что вы

не сердитесь.

Пришлите мне, если есть какая возможность, книгу про наши леса и всякие деревья и цветных карандашей — очень мне охота рисовать. У нас уже падал снег, да стаял, а в лесу, где под какой елочкой, — смотришь, и сидит заяц. Летом очень будем вас ждать в наши родные места.

Остаюсь Ваня Зотов».

Вместе с письмом Вани принесли извещение о выставке, — Берг должен был в ней участвовать. Его попросили сообщить, сколько своих вещей и под каким названием он выставит.

Берг сел к столу и быстро написал:

«Выставляю только один этюд акварелью, сделанный мною этим летом, — мой первый пейзаж».

Была полночь. **Мохнатый снег** падал снаружи на подоконник и **светился магическим огнем** — отблеском уличных фонарей. В соседней квартире кто-то играл на рояле сонату Грига.

Мерно и далеко били часы на Спасской башне. Потом они заиграли «Интернационал».

Берг долго сидел, улыбаясь. Конечно, краски Лефранка он подарит Ване.

Берг хотел проследить, какими неуловимыми путями появилось у него ясное и радостное чув-

ство родины. Оно зрело годами, десятилетиями революционных лет, но последний толчок дал лесной край, осень, крики журавлей и Ваня Зотов. Почему? Берг никак не мог найти ответа, хотя и знал, что это было так.

— Эх, Берг, сухарная душа! — вспомнил он слова бойцов. — Какой с тебя боец и создатель новой жизни, когда ты землю свою не любишь, чудак!

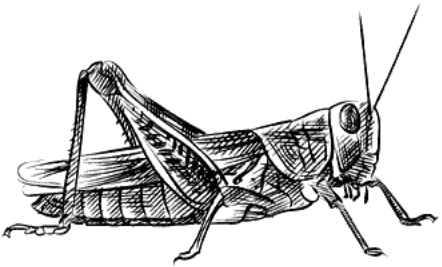
Бойцы были правы. Берг знал, что теперь он связан со своей страной не только разумом, не только своей преданностью революции, но и всем сердцем, как художник, и что любовь к родине сделала его умную, но сухую жизнь теплой, веселой и во сто крат более прекрасной, чем раньше.

Справочное бюро
Чем славятся муромские леса?

Муромские леса расположены между Волгой и Окой в месте их слияния. В основном это густые сосновые и еловые леса, перемежающиеся моховыми болотами и дубравами; когда-то они славились своей дикостью. В настоящее время леса во многих местах вырублены, для охраны оставшихся организован Муромский заказник. Здесь живут лоси, кабаны, выдры, зайцы, куницы, глухари и тетерева, журавли.

Почему кузнечики кричат?

У кузнечиков, как и других насекомых, нет голосовых связок, потому они не могут «кричать». Они издают звуки совершенно особым способом: кузнечик быстро-быстро трет задними лапками об крылья или крыльями друг о друга. Этот стрекот жаркими летними днями издают самцы для привлечения самок. Точно так же издает трели родственный кузнечикам домашний сверчок, сидя в укромном месте.



Почему иволги печально свистят?

Иволга — лесная птица размером со скворца. Самцы необычно окрашены: туловище ярко-желтое, крылья и хвост черные. В средней полосе встречается только летом. В период размножения самцы привлекают самок короткими мелодичными посвистами, похожими на звук флейты. Крик потревоженной иволги похож злобное мяуканье кошки.

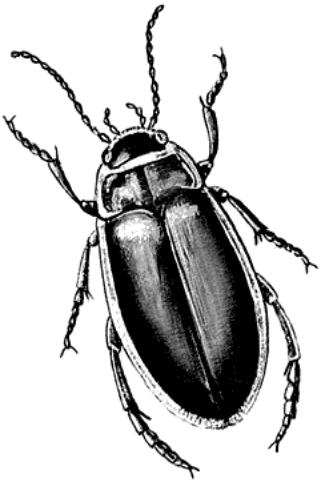
Что за растение бересклет?

Бересклет — кустарник средних размеров, рас-

тет в лиственных и смешанных лесах. Тонкие ветки покрыты небольшими наростами-«бородавками». Осенью куст выделяется красноватыми листьями и ярко-красными небольшими ягодами, ими питаются многие птицы. Все части растения ядовиты. Бересклет разводят как декоративное растение, делая живые изгороди.

Что за жуки-плавунцы бегали по озеру?

Жуки-плавунцы довольно крупные, до 3 см, медленно плавают в толще воды. На поверхности обитают более мелкие (менее 1 см) жуки-вертячки ярко-черного цвета. Плавают быстро, постоянно меняя направление движения (отсюда название). Глаза у вертячек разделены на верхнюю и нижнюю половинки, чтобы можно было смотреть над и под водой.



Почему стаи журавлей летят с курлыканьем?

Журавли — крупные птицы на высоких ногах с длинной шеей. Гнездятся в средней полосе, зимуют в теплых странах. В период размножения устраивают брачные игры — своеобразные пляски. Каждая пара выводит 2–3 птенцов. Осенью журавли собираются стаями и постоянно перекликаются «курлыканьем» и звонкими криками.

В воздухе стая образует характерный «клин», в полете птицы также перекликаются.

Почему паутинки летят осенью?

Среди мелких пауков есть такие, которые используют паутину не для ловили добычи, а для… путешествий. Например, пауки-бокоходы ловят насекомых, гоняясь за ними по земле или подстерегая на цветах и листьях, хватают добычу передними лапами. Осенью в тихую солнечную погоду молодые паучки взбираются повыше, выпускают длинные паутинки, их подхватывает ветерок — и паучки летят на новые места.

Разве осенью бывают грозы? Почему они чаще весной и летом?

Грозы бывают чаще всего в теплое время года, когда воздух насыщен влагой и потоки холодного и теплого воздуха создают большие перепады дав-

ления. В результате образуются грозовые облака с мощным электрическим зарядом, вспыхивают молнии и гремит гром. Редко грозы бывают осенью и даже зимой, если встречаются мощные южный теплый и северный холодный циклоны и на их фронте возникают грозовые облака.

Почему снег светится?

Снег состоит из множества снежинок. Каждая

снежинка — это ледяной кристалл, образующийся из насыщающего воздух пара. При сильном морозе образуются тонкие иголочки, из которых получается очень пушистый легкий снег. При слабом морозе образуются шестиугольники самой разной конфигурации — пластинки, звездочки; состоящий из них снег обычно тяжелый и быстро уплотняется. Снежинки сверкают гранями, отражая свет.

Резиновая лодка

Мы купили для рыбной ловли надувную резиновую лодку. Купили мы ее еще зимой в Москве, но с тех пор не знали покоя. Больше всех волновался Рувим. Ему казалось, что за всю его жизнь не было такой затяжной и скучной весны, что снег нарочно тает очень медленно и что лето будет холодным и ненастным.

Рувим хватался за голову и жаловался на дурные сны. То ему снилось, что **большая щука** таскает его вместе с резиновой лодкой по озеру и лодка ныряет в воду и вылетает обратно с оглушительным бульканием; то снился пронзительный разбойничий свист — это из лодки, распоротой корягой, стремительно выходил воздух, и Рувим, спасаясь, суетливо плыл к берегу и держал в зубах коробку с папиросами.

Страхи прошли только летом, когда мы привезли лодку в деревню и испытали ее на мелком месте, около Чертова моста. Десятки мальчишек плавали около лодки, свистели, хохотали и ныряли, чтобы увидеть лодку снизу. Лодка спокойно покачивалась, серая и толстая, похожая на чере-

паху. Белый мохнатый щенок с черными ушами — **Мурзик лаял на нее с берега и рыл за ними лапами песок. Это значило, что Мурзик разлаялся не меньше, чем на час**. Коровы на лугу подняли головы и все, как по команде, перестали жевать.

Бабы шли через Чертов мост с кошелками. Они увидели резиновую лодку, завизжали и заругались на нас.

— Ишь, шалые, что придумали! Народ зря мутится!

После испытания дед, по прозвищу «Десять процентов», щупал лодку корявыми пальцами, нюхал ее, ковырял, хлопал по надутым бортам и сказал с уважением:

— Воздуходувная вещь!

После этих слов лодка была признана всем населением деревни, а рыбаки нам даже завидовали.

Но страхи не прошли. У лодки появился новый враг — Мурзик. Мурзик был недогадлив, и потому с ним всегда случались несчастья: то его жалила оса, и он валялся с визгом по земле и мял траву, то ему отдавливали лапу, то он, воруя мед, измазывал им мохнатую морду до самых ушей, к морде прилипали листья и куриный пух, — и нашему мальчику приходилось отмывать Мурзика теплой водой. Но больше всего Мурзик изводил

нас лаем и попытками сгрызть все, что ему попадалось под руку. Лаял он преимущественно на непонятные вещи: на черного кота Степана, на самовар, **примус и на ходики**. Кот сидел на окне, тщательно мылся и делал вид, что не слышит назойливого лая. Только одно ухо у него странно дрожало от ненависти и презрения к Мурзику. Иногда кот взглядывал на щенка скучающими наглыми глазами, как будто говорил Мурзику:

— Отвяжись, а то так тебя двину!..

Тогда Мурзик отскакивал и уже не лаял, а визжал, закрыв глаза. Кот поворачивался к Мурзику спиной и громко зевал. Всем своим видом он хотел унизить этого дурака, но Мурзик не унимался. Грыз Мурзик молча и долго. Изгрызенные и замусоленные вещи он всегда сносил в чулан, где мы их и находили. Так он сгрыз книжку стихов Веры Инбер, подтяжки Рувима и замечательный **поплавок из иглы дикобраза** — я купил его случайно за три рубля.

Наконец Мурзик добрался и до резиновой лодки. Он долго пытался ухватить ее за борт, но лодка была очень туго надута, и зубы скользили. Ухватить было не за что. Тогда Мурзик полез в лодку и нашел там единственную вещь, которую можно было сжевать, — резиновую пробку. Ею

был заткнут клапан, выпускавший воздух. Мы в это время пили в саду чай и не подозревали ничего плохого. Мурзик лег, зажал пробку между лапами и заворчал — пробка ему начинала нравиться. Он грыз ее долго. Резина не поддавалась. Только через час он ее разгрыз, и тогда случилась совершенно страшная и невероятная вещь.

Густая струя воздуха с ревом вырвалась из клапана, как вода из пожарного шланга, ударила в морду, подняла на Мурзике шерсть и подбросила его в воздух. Мурзик чихнул, взвизгнул и полетел в заросли крапивы, а лодка еще долго свистела, рычала, и бока ее тряслись и худели на глазах. Куры раскудахтались по всем соседским дворам, а черный кот промчался тяжелым галопом через сад и прыгнул на березу. Оттуда он долго смотрел, как булькала странная лодка, выплевывая толчками последний воздух.

После этого случая Мурзика наказали. Рувим нашлепал его и привязал к забору. Мурзик извинялся. Завидев кого-нибудь из нас, **он начинал подметать хвостом пыль около забора** и виновато поглядывать в глаза. Но мы были непреклонны — хулиганская выходка требовала наказания.

Мы скоро ушли за двадцать километров, на

Глухое озеро, но Мурзика не взяли. Когда мы уходили, он долго визжал и плакал на своей веревке около забора. Нашему мальчику было жаль Мурзика, но он крепился.

На Глухом озере мы пробыли четыре дня. На третий день ночью я проснулся оттого, что кто-то горячим и шершавым языком вылизывал мои щеки. Я поднял голову и при свете костра увидел мохнатую, мокрую от слез Мурзикину морду. Он визжал от радости, но не забывал извиняться — все время подметал хвостом сухую хвою по земле. На шее его болтался обрывок разгрызенной веревки. Он дрожал, в шерсть его набился мусор, глаза покраснели от усталости и слез.

Я разбудил всех. Мальчик засмеялся, потом заплакал и опять засмеялся. Мурзик подполз к Рувиму и лизнул его в пятку — в последний раз попросил прощения. Тогда Рувим раскупорил банку тушеной говядины — мы звали ее «смакатурой» — и накормил Мурзика. Мурзик сглотал мясо в несколько секунд. Потом он лег рядом с мальчиком, засунул морду к нему под мышку, вздохнул и засвистел носом. Мальчик укрыл Мурзика своим пальто. Во сне Мурзик тяжело вздыхал от усталости и потрясения.

Я думал о том, как, должно быть, страшно было такому маленькому щенку бежать через ночные леса, вынюхивая наши следы, сбиваться с пути, скулить, поджав лапу, **слушать плач совы**, треск веток и непонятный шум травы и, наконец, мчаться опрометью, прижав уши, когда где-то на самом краю земли слышался **дрожащий вой волка**. Я понимал испуг и усталость Мурзика. Мне самому приходилось ночевать в лесу без товарищей, и я никогда не забуду первую свою ночь на Безыменном озере.

Был сентябрь. Ветер сбрасывал с берез мокрые и пахучие листья. Я сидел у костра, и мне казалось, что кто-то стоит за спиной и тяжело смотрит в затылок. Потом в глубине зарослей я услышал

явственный треск человеческих шагов по валежнику. Я встал и, повинуясь необъяснимому и внезапному страху, залил костер, хотя и знал, что на десятки километров вокруг не было ни души. Я был совсем один в ночных лесах. Я просидел до рассвета у потухшего костра. В тумане, в осенней сырости над черной водой поднялась кровавая луна, и свет ее казался мне зловещим и мертвым.

Когда мы возвращались с Глухого озера, мы посадили Мурзика в резиновую лодку. Он сидел тихо, расставив лапы, искоса посматривал на клапан, вилял самым кончиком хвоста, но на всякий случай тихо ворчал. Он боялся, что клапан опять выкинет с ним какую-нибудь зверскую штуку. После этого случая Мурзик быстро привык к лодке и всегда спал в ней.

Однажды кот Степан залез в лодку и тоже решил там поспать. Мурзик храбро бросился на кота. **Кот со страшным шипом**, будто кто-нибудь плеснул воду на раскаленную сковороду с салом, вылетел из лодки и больше к ней не подходил, хотя ему иногда и очень хотелось поспать в ней. Кот только смотрел на лодку и Мурзика из зарослей лопухов завистливыми глазами.

Лодка дожила до конца лета. Она не лопнула и

ни разу не напоролась на корягу. Рувим торжествовал. А Мурзика мы перед отъездом в Москву подарили нашему приятелю — Ване Малявину, внуку лесника с Урженского озера. Мурзик был деревенской собакой, и в Москве среди асфальта и грохота ему было бы трудно жить.

Справочное бюро
Какими бывают щуки?

Щука — пресноводная хищная рыба, с вытянутым телом и большим зубастым ртом; крупная — длина тела до 1,5 м, вес до 35 кг; окраска покровительственная — серо-зеленая с темными полосами. Ловит рыб, лягушек, птенцов водоплавающих птиц, попавших в воду грызунов. Охотится из засады: подкарауливает добычу в зарослях водной растительности, затем резким броском настигает ее.

Зачем щенок лаял на лодку?

Щенок, увидев большой незнакомый предмет, сначала пугается, а потом, опомнившись, старается сам напугать этот предмет. Подражая поведению взрослых собак, он начинает громко лаять и рычать, а чтобы показать свою решимость и смелость, роет землю лапами. При этом, если рядом есть люди, он обычно оглядывается них, чтобы получить моральную поддержку и одобрение своего поведения.

Что такое примус и ходики?

Примус — небольшое нагревательное устройство, работающее на жидком топливе. В емкость с топливом нагнетается воздух, топливо под давлением подается на форсунку и воспламеняется. Ходики — механические настенные часы с маятником и цепью с гирями на концах; часовой механизм приводится в действие цепью, которую тянет гиря.

Поплавок из иглы дикобраза?

Поплавок — важная часть рыболовной снасти. Его задача — плавая на поверхности, удерживать крючок с приманкой и грузилом на определенной глубине. Когда рыба клюет, поплавок дергается. Его делают из разных легких материалов; один из вариантов — игла дикобраза: она длинная, прочная, полая внутри, держится в воде вертикально.

Зачем собака мела хвостом пыль?

Хвост собаке служит особым сигнальным

устройством, с его помощью она «рассказывает» о своем настроении. Виляние хвостом означает радость, если хвост вытянут палкой — собака сердится и угрожает, если боится — хвост поджимается между ногами. Когда собака чувствует себя виноватой и ластится к хозяину за прощением, она одновременно поджимает хвост и виляет им — словно «метет» хвостом землю.

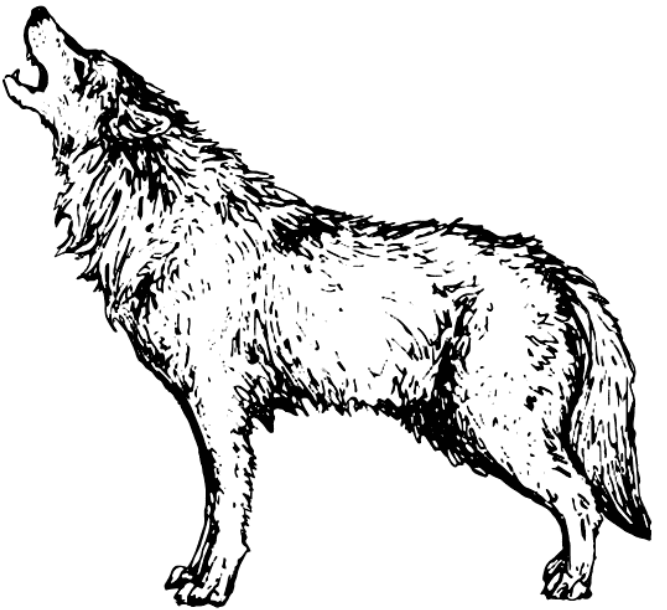
Почему сова «плачет» по ночам?

Совы — ночные хищные птицы. У них очень мягкое оперение, делающее полет бесшумным. Голова с уплощенным «лицом», на котором крупные глаза. У сов невероятно тонкий слух. В период размножения самцы издают громкие призывные крики, у разных сов они разные: уханье, гуканье, плач или смех. Чтобы напугать, сова громко щелкает клювом.

Зачем волк воет?

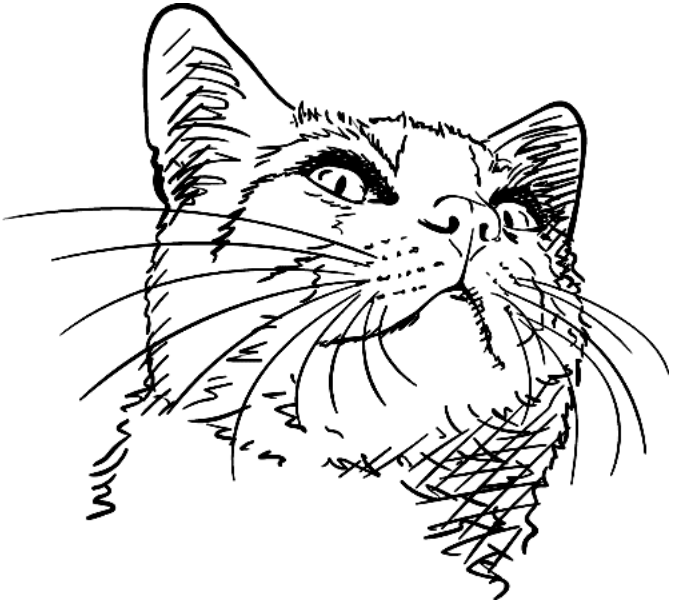
Волки общаются между собой на расстоянии с помощью воя, характер которого зависит от разных причин: по-разному воют самки и самцы,

взрослые и молодые, обозначая границы своих участков. Вой обычно начинает один из членов стаи, его подхватывают другие — получается слаженный многоголосый «хор».



Почему кошки шипят?

Шипение — наиболее «примитивный» и поэтому распространенный среди животных звук: шипят змеи, многие птицы и звери. Кошки шипят, когда рассержены или испуганы: при этом они оскаливают зубы, прижимают уши, вздыбливают шерсть — стараются напугать и отогнать противника.



Дружище Тобик

У писателя Александра Степановича Грина был в тихом Старом Крыму невзрачный **песик-дворняга** Тобик. Песика этого вся улица, где жил Грин, несправедливо считала дураком.

Когда соседской цепной собаке — лохматому Жоре — хозяйка выносила миску с похлебкой, Тобик продирался в соседский двор через лаз в заборе, но к миске не подходил, страшась предостерегающего Жориного рыка.

Тобик останавливался в нескольких шагах от Жоры, но так, чтобы тот не мог его достать, становился перед Жорой **на задние лапки** и «служил» долго и терпеливо.

Так он привык выпрашивать кусочки еды у людей. Но Жора не давал ему даже понюхать похлебки.

За это стояние на задних лапках перед такой же собакой, как и он сам, люди считали Тобика дураком: зря, мол, старается.

Точно так же Тобик выпрашивал кусочки еды у самого Грина, и всякий раз удачно. Хозяин был молчаливый и очень добрый человек. Обращаясь

к Тобику, он говорил ему: «Дружище!»

Косясь на Тобика, Жора рычал и давился. Он торопливо лакал похлебку, а глаза у Тобика мутнели от тоски напрасного ожидания. **Иной раз даже слезы появлялись у него на глазах**, когда Жора кончал есть похлебку и тщательно, до блеска вылизывал пустую миску. После этого Жора еще долго обнюхивал землю вокруг миски — не завалилась ли там какая-нибудь косточка.

— Ну и дурак ваш Тобик, — злорадно говорили Грину соседи. — Нет никакого соображения у этой собаки.

На это Грин спокойно отвечал соседям:

— Не дурак, а просто умная и вежливая собака.

В спокойствии гриновского голоса слышался нарастающий гнев, и соседи, всю жизнь привыкшие лезть в чужие дела, уходили, пожимая плечами, — лучше подальше от этого человека.

Я увидел Тобика после смерти Грина. Он ослеп, как говорили, от старости. Он сидел на пороге глинобитного белого дома, в котором умер Грин, и солнце отражалось в его желтых беспомощных глазах. Услышав, как скрипнула за мной калитка, он встал, неуверенно подошел ко мне, ткнулся холодным носом в ноги и замер. Только старый и пушистый его хвост помахивал из стороны в

сторону и поднимал белую известковую крымскую пыль.

— Давно он ослеп? — спросил я.

— Да после смерти хозяина. Все тоскует, все ждет.

Я ожидал, что ответ будет именно таким, так как знал давно, что единственные живые существа на земле, которые умирают от разлуки с человеком, — это собаки.

Только один раз за всю жизнь я видел действительно глупую собаку. Это было под Москвой в дачной местности Переделкино. Молодой **рыжий сеттер** лаял на шишки, падавшие с вершин сосен. Дул сильный, порывистый ветер, и чем сильнее он дул, тем **все чаще падали шишки** и тем все больше разъярялся сеттер. Он свирепо гонялся за шишками, грыз их, мотал головой и отплевывался. Потом он выбежал за забор дачи в чистое поле, где не было сосен и вообще никаких деревьев и никакие шишки не падали. Он сел среди поля, начал лаять на небо и лаял до рассвета, пока не охрип. По мнению одного поэта — знатока астрономии, он лаял на созвездие Малой Медведицы. Очевидно, он полагал, что все шишки сыплются из этого созвездия.

Выражение «собака — друг человека» безна-

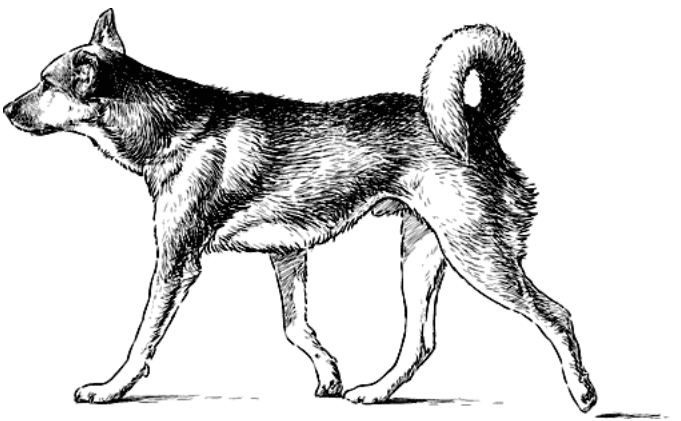
дежно устарело. У нас нет еще слова, которое могло бы выразить одновременно самоотверженность, смелость и ум — все те великолепные качества, какими обладает собака. Я точно знаю, что человек, избивающий или мучающий собаку, — отпетый негодяй, даже если собака его за это простила.

Не знаю, как вы, а я испытываю величайшую нежность к собакам за их ласковость, за бурные проявления радости и обиды. Невозможно удержаться от смеха, когда видишь, как какой-нибудь Бобик бешено мчится со всех ног, чтобы догнать и облаять самое ненавистное для него изобретение человека — обыкновенное велосипедное колесо.

Любите собак. Не давайте их никому в обиду. Они ответят вам троекратной любовью.

Справочное бюро
Что за порода — дворняга?

У каждой породы особые признаки — размеры, шерсть, окраска. Но есть беспородные собаки: в деревнях их обычно держат во дворе, поэтому и называют «дворнягами». Они бывают самой разной окраски, хвост обычно крючком, уши обвисшие; они чаще всего очень умные — жизнь заставляет.



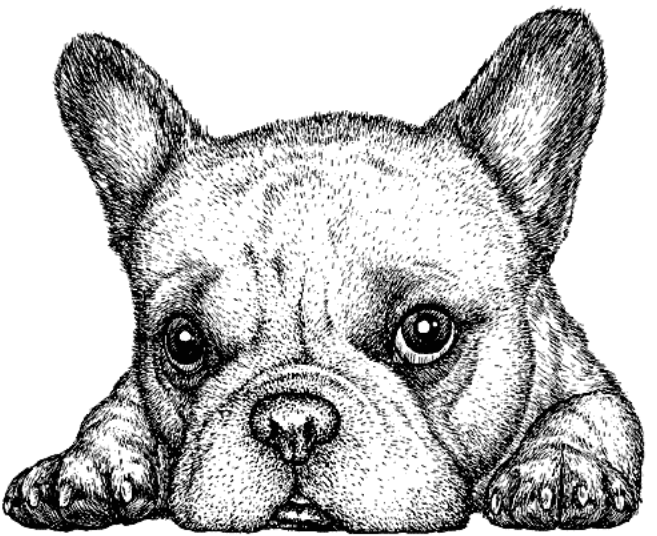
Тяжело ли собаке стоять на задних лапах?

Собака сама ненадолго встает на задние лапы по разным причинам: выпрашивая лакомство, заглядывая повыше, играя. Ее можно приучить делать это по команде «служи» и даже научить ходить на задних лапах. Этот простой фокус пользуется успехом в цирке.

Неужели собаки умеют плакать от горя?

Собака — общественное животное и поэтому

достаточно активно выражает свои эмоции. Радуясь, она «улыбается» и машет хвостом; при агрессии скалит зубы и рычит. Печаль собаки выражается в том, что она лежит молча или поскуливая и глаза у нее грустные.



Что это за порода?

Сеттеры — породная группа охотничьих собак.

Шерсть длинная, хвост прямой, уши обвислые; окраска зависит от породы — темно-бурая, рыжая, белая с темными пятнами. Выведены для охоты на пернатую дичь (перепел, фазан) на открытых пространствах. Во время охоты собака «челноком» обследует территорию в поисках сидящей на земле птицы и при обнаружении замирает над ней.

Когда шишки падают?

Шишка — подобие соцветия, бывает только у хвойных. Она состоит из многих чешуек, которые прикрывают созревающие семена (орешки). После созревания шишка засыхает, чешуйки оттопыриваются, семена падают на землю. Через какое-то время падают и шишки, особенно много при сильном ветре. Шишками раньше топили самовары, из них делали игрушки.

Грач в троллейбусе

Была еще та ранняя весна, когда о приближении тепла можно догадаться только по едва заметным признакам — по туману на московских улицах, по каплям этого тумана, стекающим с черных веток недавно посаженных лип, и по рыхлому ветру. От него оседает и становится ноздреватым снег. Но этот последний признак, пожалуй, к Москве не относится. Снег в Москве к концу марта остается только в некоторых дворах, а на теплом асфальте его уже давно нет. Зиму в Москве собирают машинами-конвейерами на самосвалы и вывозят без остатка за город.

Тот случай, о каком я хочу рассказать, произошел в троллейбусе номер пять.

Москвичи, как известно, в троллейбусах и автобусах разговаривают мало, а больше читают. И в том троллейбусе номер пять, который отошел от остановки на Театральном проезде, тоже было обычное настроение. Но вдруг кондукторша крикнула:

— Погодите! Что же это такое?

— **Это грач**, — испуганно сказала девочка лет

восьми.

Грач сидел, угревшись, под пальто на груди у девочки и только на минуту высунул из-под пальто свой нос. Но этого было достаточно, чтобы бдительная кондукторша заметила в троллейбусе птицу, запрещенную к перевозке.

— Если его нельзя везти, так я слезу, — сказала девочка и покраснела.

— Что ты, дочка! — воскликнула кондукторша, перестала давать билеты и протиснулась к девочке. — Сиди, не беспокойся. Ой, какая птаха хорошая! Что это? Неужели грач?

Грач осмелел и выглянул. Кондукторша осторожно погладила его пальцем по точеной головке и засмеялась.

— Не бойтесь, он не кусается, — сказала девочка и вся засияла. — Он очень серьезный, но добрый.

— Какой же это грач, — сказал старик с картонной папкой, — когда это **скворец**.

— А вы, гражданин, если не знаете облика птиц, так не утверждайте, — ответил пожилой человек в форме железнодорожника.

— Где нам в Москве знать про птиц, — вздохнула старуха в платке. — Нам что грач, что скворец, что **воробей или стриж** — все равно.

Пассажиры начали вставать, тесниться около

девочки. Каждый пытался погладить грача. Грач гладить себя давал, но посматривал на всех презрительно и высокомерно.

Сквозь толпу с трудом продирался от выходной двери назад плотный суровый генерал.

— Куда это вы, товарищ генерал, — заметил худой юноша без кепки, — против течения?

— А я к грачу, молодой человек, — ответил генерал и повторил внушительным голосом: — К грачу!

Генерал протискался к девочке, взял у нее грача, подержал его на ладони, как бы взвешивая, возвратил девочке и сказал:

— Куда же ты его везешь?

— В Зоопарк. Там я его выпущу.

— У нас на реке Сейме, — неожиданно сказал молоденький лейтенант и почтительно посмотрел на генерала, — настоящее пернатое царство. Грач, конечно, птица умная и самостоятельная, но голоса у нее нет. **А у нас — соловьи. Мировые соловьи. Весной наш край по ночам весь поет.**

— Вы про профессора Мантейфеля слышали? — спросил генерал лейтенанта.

— Так точно, слышал, товарищ генерал!

— Каждую птичью повадку знает. И может объяснить. Ну, а насчет всяких **колен, пересви-**

стов, перезвонов, трелей, чохов и всей прочей птичьей музыки нет такого другого знатока и любителя в Советском Союзе. Просто волшебный старик!

— Вы здесь сходите? — спросила генерала молодая женщина со смеющимися глазами. — Или остаетесь?

— Я на следующей остановке сойду, — ответил генерал, нисколько не смущаясь вопросом молодой женщины. — Подумаешь, важность — пройти два квартала обратно. Я, знаете, был свидетелем удивительной одной истории. Под Ленинградом во время войны. Весной это было. Прилетели скворцы и вьются, кричат над своими скворечнями. А скворечни, как на грех, в пустой полосе между нами и фашистами. Так те открыли по скворцам огонь из автоматов. Их, видите ли, беспокоил крик скворцов. Нервные попались молодчики. Тогда не выдержало у наших сердце. «Ах так!» И открыли наши бойцы по фрицам такой огонь, что те мигом затихли.

— Вступились, значит, за скворцов, — сказала кондукторша. — Так я и подумала, как только вы начали рассказывать, товарищ генерал.

— А как же! Ведь скворец с древних времен сопутствует русскому человеку.

— Кондуктор! — крикнул сердитый голос. — Почему не даете билетов?

— Сейчас, — ответила недовольно кондукторша. Она все еще стояла около девочки и гладила грача по голове. — Сердца никакого нет у людей!

— А вы потише, гражданин, — сказала старуха недовольному пассажиру.

— Весна, значит, скоро, — вздохнул железнодорожник. — **Черемуха зацветет**. И полетят птицы над Россией, понесут свои песни.

— Ну, мне все-таки пора выходить, — сказал генерал. — До свидания, товарищи!

Все попрощались с генералом. Он вышел, чему-то улыбаясь, и так, улыбаясь, и пошел по улице к давно пропущенной остановке.

А пассажиры еще долго говорили о граче — предвестнике весны, о картине Саврасова «Грачи прилетели», о том, что Москва постепенно превращается в сад, где будет привольно всякой птице, и скоро весь **город будет с утра до ночи звенеть от птичьего пения**.

— Как это удивительно у нас получается, — сказал старик с картонной папкой. — Правительство заботится о благе людей, а от этого блага, глядишь, и перепадет кое-что даже певчим птахам.

— Так и должно получаться, — убежденно отве-

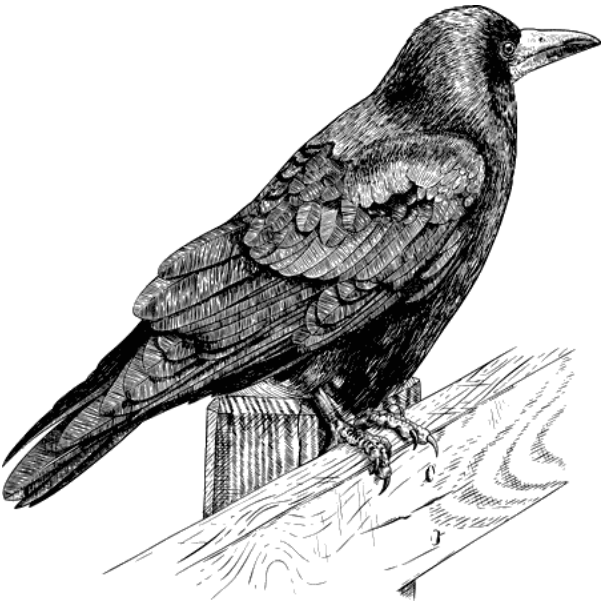
тил худой юноша без кепки.

— Истинно так! — сказала старуха в платке. — Я это по себе знаю.

Но тут уже начинается другая история, которую я расскажу как-нибудь позже.

Справочное бюро
Что за птица грач?

Грач — родич вороны, одних с ней размеров, его окраска совершенно черная; у молодых птиц клюв также черный, у взрослых его основание светлое. Перелетная птица, весной появляется в наших краях одной из первых, оглашая окрестности громким граем. Селится колониями, гнезда устраивает на вершинах деревьев. Питается разными беспозвоночыми, часто стаи грачей ходят по пашне вслед за трактором, подбирая червей.

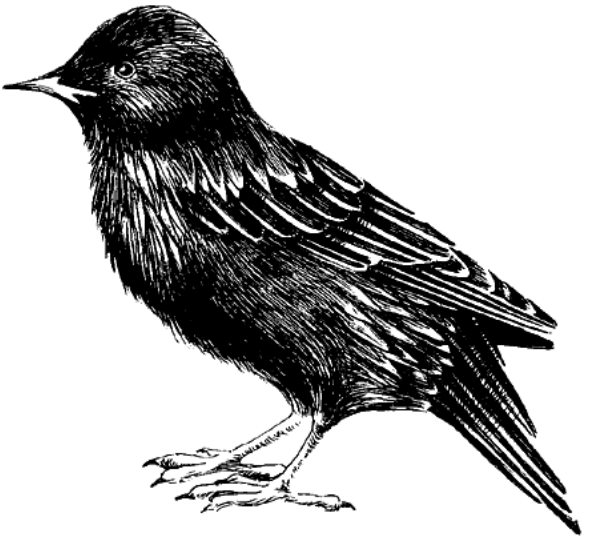


Грач

Что за птица скворец?

Скворец — небольшая птица с черным, как у грача, оперением, самцы с желтым клювом. Скворцы прилетают к нам рано весной, для их гнездования люди развешивают скворечники. Самцы рядом с ними распевают свои треску-

че-свистящие песни, подергивая крыльями. Питаются насекомыми и червями. Легко приручаются.

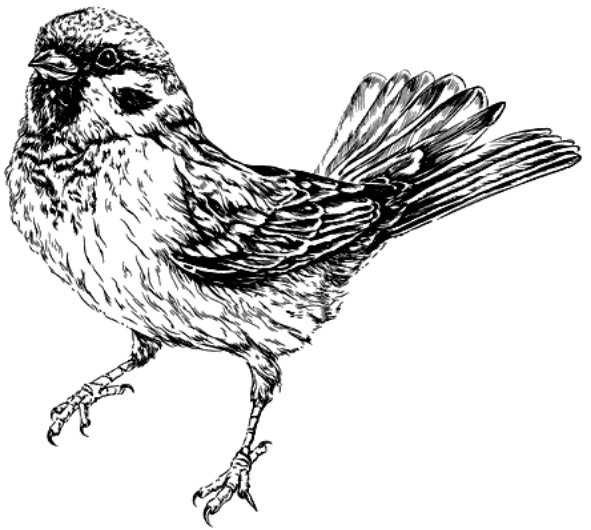


Скворец

Воробья и стрижа можно перепутать?

Воробей и стриж — очень непохожие птицы.

Воробей — пушистый серо-коричневый шарик, круглый год чирикающий под окном. Стриж — отличный летун — сходных размеров, весь черный, с длинными узкими крыльями. К нам стрижи прилетают на лето для выведения птенцов, гнезда устраивают под крышами высоких домов.



Воробей

Соловьи — лучшие певцы? А зачем нужно знать все пересвисты и коленца?

Соловей — внешне невзрачная буроватая птица, но лучший в мире певец. Самцы прилетают на места гнездования в начале мая и оглашают ночные леса бесконечной очень сложной песней со многими коленцами: так они привлекают самок. Любители соловьиного пения тонко разбираются в его деталях, различая свисты, трели, щелчки, переливы, дудки и др. Гнезда они устраивают в густых кустах низко над землей. Питаются разными насекомыми.

Почему приход весны отмечают по цветению черемухи? Оно какое-то необычное?

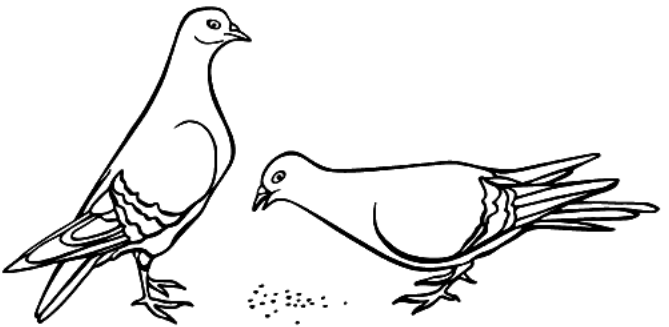
Черемуха — густое дерево средней высоты, растет в сырых лесах и по опушкам. Цветет поздней весной необыкновенно обильно, белые цветы собраны в кистевидные соцветия, очень пахучие; ее цветение знаменует последние весенние «черемуховые холода».

Соловей

А сегодня в Москве много птиц?

В крупных городах живет довольно много птиц, особенно летом, — десятки видов. В Москве наиболее заметны голуби и воробьи, вороны и

галки. В парках распевают песни зяблики, по дорожкам бегают трясогузки, долбят деревья дятлы; в глубине поселяются ястребы; высоко в небе рассекают воздух стрижи. На прудах выводят птенцов дикие утки и кулики.



Клад

Весь этот лесной край к северу от Оки издавна назывался «дремучим».

Я исходил по тамошним лесам десятки километров вместе с Аркадием Гайдаром. Было это давно, в начале тридцатых годов.

Несколько раз за время наших скитаний мы заводили разговор и старом народном выражении «дремучие леса». Мы восхищались точностью русского языка. Действительно, лесные дебри как бы цепенели в дремоте. Дремали не только леса, но и лесные озера и ленивые лесные реки с красноватой водой. По берегам этих рек росли **цветы «кукушкины слезы»**. В народе их зовут **«дремой»**. Это растение было под стать дремучим лесам. Венчики «кукушкиных слез» сонно висели, согнувшись до самой земли.

Мы видели огромные пустоши, гари, буреломы. Болота курились холодным паром. Тучи комаров и слепней звенели над землей. **Целые участки леса были съедены гусеницей** и заплетены паутиной.

Мы мечтали о том, чтобы у нашей Советской

власти скорее дошли руки до этих запущенных мест и человек вмешался бы, наконец, в жизнь скудеющей здешней природы.

На одной лесной порубке, называвшейся «Казенной канавой», стояла старая изба-четырехстенка. Стояла она на берегу заросшего стрелолистом мелкого канала — той самой «Казенной канавы», по имени которой и называлась порубка.

Канал этот вырыли в шестидесятых годах прошлого века, хотели отвести воду из Великого болота, да, видно, просчитались: болото не высохло, а канава так и осталась, как память о неудачной работе губернских мелиораторов.

Летом в избе жили смолокуры — старик Василий и его внук, мальчик лет девяти, Тиша.

Однажды мы заночевали в избе у Василия. Дело шло к вечеру. Над порубкой висел сухой желтоватый туман. Между пней, пахнувших скипидаром, скакали с треском кузнечики. За мелколесьем садилось мутное солнце. В канаве шныряли мальки и пищали водяные крысы.

В избе было душно. На стене висела выцветшая литография «Взятие Зимнего дворца».

Мы принесли с собой сахару, сухарей, и Василий приказал Тише вздуть самовар.

За чаем Василий сказал, отирая рукавом пот со лба:

— От нашего занятия один толк: долголетнее существование. Мы, смолокуры, живем крепко. Потому что вся внутренность у нас просмоленная. Никакой болезни не допускает. **Смолокура даже комар не берет**. А ежели, конечно, посмотреть с птичьего полета, то какая это жизнь! Одна смола да уголь, пустошь да гарь!

— Да-а, пустошь! — повторил он и осторожно взял черными от смолы пальцами белоснежный кусок сахара. — Был глушняк — и есть глушняк! Вроде позабыло правительство про наши места.

— Черед не дошел, — заметил Тиша.

— Вот бы вызвали меня в Москву да расспросили, — ох, и рассказал бы я им! Ты бы мне это устроил, Аркадий Петрович. А? Чтобы съездить в Москву…

— Трудновато, — ответил Гайдар. — Это здесь ты отчаянный, А в Москве из тебя слова не вытянешь.

— Вот и нет! — возразил Тиша. — Дед у нас ужас какой смелый.

— А ведь верно! — закричал Василий. — Верно, Тишка, разрази тебя громом!

— А чего бы ты в Москве рассказал? — спросил

Гайдар.

— Перво-наперво про леса. Какие это леса, мать честная! Закатились во все стороны за самый окоем. К вечеру подымись на бугор, взгляни, как туманы над ними струятся, — сердце замрет. Но что-то, замечаю, многовато стало **сухостоя в лесу**. Трухи — целые навалы! От трухи всякий червь-паразит заводится и дерево точит. А озера! Черным дубом завалены. Некуда донку закинуть — враз порвешь. И стоят в тех дубовых корягах, как разбойники в пещерах, темные окуни. Вот с этот поднос!

Василий показал на жестяной поднос под жалобно сипевшим самоваром.

— Торфа по болотам прямо бездонные! В реках — **выхухоль**, выдра, язь. Да что леса! Заливные луга на сотни километров вдоль Оки тянутся. Как зацветут — не надышишься. Однако и луга, как я примечаю, все меньше хорошей травы родят. Видать, стареют. Позарастали бурьяном, боярышником, лозой. Вот и пребывает наш край, как говорится, в пренебрежении. А ежели за него взяться, будет здесь золотая земля.

Проснулись мы на следующий день рано и в такой тишине, что было слышно, как со слабым звоном капала с крыши на перевернутое ведро

ночная роса.

Только что взошло солнце. Оно было не мутнее, как вечером, а светлое, свежее, отдохнувшее за ночь.

Мы пошли вдоль канаты, чтобы найти место поглубже и выкупаться.

— Стой! — вдруг сказал Гайдар. — Что это такое? Вон там за кустом.

Это «что-то» оказалось девочкой лет семи. Заметив нас, она затаилась **за кустом волчьей ягоды**.

Мы подошли к девочке. Она сидела на траве и испуганно смотрела на нас большими синими глазами. Рядом стоял кувшин с молоком, завязанный чистой тряпицей.

Девочка была в вылинявшем желтом платке и длинной черной юбке, доставшейся ей, должно быть, от старшей сестры.

— Что ты есть за человек? — спросил Гайдар. — Признавайся!

— Я с Шамурина, — торопливо ответила девочка, встала, наступила на свой подол и чуть не упала. — Наша деревня ведь там, за канавой. Всего девять дворов.

— Ты Тишина сестра?

— Ага! Лиза. Тишка зимой в школе учится по

четвертому классу.

— А ты?

— Не! Я еще маленькая. Я каждое утро с молоком сюда бегаю. А вы кто будете?

— Отважные путешественники, — ответил Гайдар. — Ищем здесь **белый горючий камень**. Под ним зарыт заколдованный клад. Не видала ты этот камень?

— Да нет, — ответила, смутившись, девочка. — Может, кто другой и видел, а я не видала. Какой же это клад?

— Вырастешь — узнаешь.

Днем мы ушли с порубки. Снова потянулись заглохшие лесные дороги, скользкие от рыжей хвои. Мерно шумели вершины сосен, таяли в небесной глубине облака, и **дятлы, гневно косясь на нас, выстукивали сухие деревья**.

С тех пор прошло больше двадцати лет, равных векам. Не осталось ни одного уголка страны, где бы не произошло разительных перемен. Шум исполинской стройки охватил весь Советский Союз.

Началось покорение природы. Новые моря, каналы, леса, растительность, новый климат — все это создавалось на наших глазах.

Естественно, что мне захотелось узнать, как

переменился за это время тот край, где мы скитались с Гайдаром.

Лесной этот край лежал за Окой. Был поздний вечер, когда я подъехал на грузовике к наплавному мосту.

Мост только что развели. Буксир тащил против течения, хлопотливо хлопая плицами, вереницу барж. Палубы их были заставлены новыми машинами «победа».

Я вышел из кабинки и глубоко вздохнул: из-за реки лился свежий и необыкновенно пахучий воздух.

— Это клевер, — сказал мне пожилой шофер. — **Тут теперь все луга засеяли клевером**.

Вскоре мы уже были в этих лугах. В темноте их не было видно, но я знал, что мы погружаемся в разливы сырых, прохладных и **душистых трав**. Иногда на земле светилась звезда, и трудно было понять, отражается ли ее огонь в луговом озерце или просто в росе.

— Есть в этих местах, — сказал шофер, — один человек. Вам не миновать с ним познакомиться. Зовут его Тихон Чернов. Председатель здешнего райисполкома. Не слыхали?

— Нет, не слыхал.

— Замечательный человек. Совершенно новой

формации. — Шофер любил выражаться научно. Мотор он называл «двигателем внутреннего сгорания», а про растительность говорил, что «флора прогрессирует на глазах». — Так, значит, не слыхали вы про Чернова?

— Я здесь двадцать лет не был. Откуда же мне его знать.

— Период довольно значительный, — согласился шофер и добавил: — Значит, вы теперь эти места не узнаете. Сейчас в наших лугах — полная экспозиция машин. Как на выставке! Чего тут только нет! Болотные фрезы, кусторезные машины, канавокопатели, сеялки для травы. Вся луговая инженерия собрана. Да и то сказать — реконструкция природы!

Шофер помолчал.

— Вот только где мы с вами заночуем в Полянах? Время позднее.

Мы решили остановиться у первого же дома, где увидим свет в окнах.

Так и сделали. Дом с двумя освещенными окнами стоял при въезде в село.

— Да это ведь школа! — радостно сказал шофер. — Тут учительница живет. Тоже, говорят, девушка новой формации.

Мы постучали. Нам открыла девушка с длин-

ными русыми косами. Она сказала, что мы можем переночевать в пустой школе, и предложила напоить нас чаем.

От чая мы отказались, но девушка все же провела нас в свою комнату. При свете электрической лампы я взглянул на девушку и подумал, что милее ее я еще никого не встречал на свете. Особенно хороши были глаза: **совершенно синие** и смущенные.

На столе стояла карточка Гайдара. Я внимательно посмотрел на девушку:

— Вы меня не помните?

Девушка взглянула на меня и покачала головой.

— Ну, а Гайдара вы помните?

— Ну как же! — воскликнула девушка. — Постойте! Так это вы с ним были на «Казенной канаве»? Вот какой случай необыкновенный!

— А вы Лиза?

— Да, Лиза. Я сейчас приготовлю все-таки чай. Надо же поговорить. И брат скоро вернется из райисполкома.

— Неужели Тиша? — спросил я.

— Да, Тиша. Он у нас председателем.

— Вот мы, значит, в самую точку и врезались, — сказал с торжеством шофер.

— Прямо чудеса! — говорила Лиза, накрывая на стол и без причины смеясь. Она раскраснелась и даже задыхалась от волнения. — А Гайдар, знаете, письмо мне прислал еще тогда из Москвы. Про заколдованный клад. Я маленькая была, неграмотная. Мне это письмо Тиша читал. Он там так хорошо написал: «Мы, Лиза, клада не нашли, хотя и расспрашивали про него всех встречных птиц и зверей. А потом попался нам сивенький старичок-гриболов и сказал, что никакого клада под белым камнем нету и никогда не было, а есть на свете единственный настоящий клад — хорошее сердце. Вот ты, Лиза, и старайся, чтобы у тебя было хорошее сердце. И побольше читай». Как неудача какая, я прочту это письмо — и опять мне легко.

— Ласковое слово благотворно влияет на психику, — заметил шофер.

— Ну, а как Василий? — спросил я. — Жив?

— Нет, умер.

— А все говорил, что смолокуров смерть не берет.

— Это у него была такая присказка. Болельщик был за свой край. Все шумел, что будет здесь золотая земля. Ему бы сейчас вокруг поглядеть. Луга корчуют от кустарников, перепахивают,

удобряют и уже начали засевать **хорошими кормовыми травами**. Теперь вы лугов не узнаете: сплошной цветник. Гидростанцию построили. И в лесах полный порядок. Весь сухостой убрали, прорубили пожарные просеки, всю, как есть, свободную землю засадили сосной. На «Казенной канаве» уже лес вытянулся — пушистые такие сосенки ростом под потолок. Стоят густо — не пройдешь.

— Тихона Ивановича забота, — заметил шофер.

— Да, Тиша много работает, — согласилась Лиза. — Он у нас с высшим образованием. **Мелиоратор**. А я вот учительствую. Преподаю русский язык и литературу.

Мы проговорили еще долго, но Тиша так и не пришел. Увидел я его на следующее утро в райисполкоме, в светлой комнате с только что вымытыми, сырыми полами. Солнце уже сушило полы. Окна были открыты, и за ними уходили в голубеющую дымку луга. Среди них то тут, то там сверкали слюдой озера.

Я не сразу узнал Тишу в худощавом человеке с орденом Красной Звезды, в военном кителе без погон. Он был подтянут, чисто выбрит, несмотря на то, что работал, очевидно, почти всю ночь.

Тиша — для меня он все оставался Тишей, хотя все звали его Тихоном Ивановичем, — избегал говорить о том, как он из мальчишки смолокура стал мелиоратором и председателем райисполкома. В ответ на мои расспросы он уклончиво сказал:

— Да что ж тут особенного. Много нас таких…

В окно заглянул высокий веснушчатый шофер.

— Тихон Иванович! — сказал он умоляюще. — Едемте поскорей. А то они засиделись и прямо клетки перегрызают. И морды у них страховидные, хоть не смотри.

— Небось не съедят, — ответил Тиша. — Сейчас поедем. Мы здесь, — обернулся он ко мне, — бобровое хозяйство заводим. На реке Белой. Новую **партию бобров** привезли. Из-под Воронежа. Хотите поехать с нами? Посмотрите старые ваши места.

Я согласился. Мы влезли в кузов грузовика. В ящиках сердито урчали и возились бобры. За околицей машина вошла в лес. Дорога подымалась по твердому песчаному взгорью. Теплый свет стоял среди сосен.

В этих местах раньше навалами лежал бурелом, а сейчас густо рос подлесок из можжевельника и **лещины**.

Удивительно легко было дышать. Может быть, поэтому Тиша неожиданно заметил:

— Верно ведь сказано: «В их сенях ветра шум и свежее дыханье».

Мы остановились около гидростанции на лесной маленькой реке.

Вверху над соснами дул свежий полуденный ветер, и весь лес качался и шумел широким океанским гулом. Но до земли ветер не доходил. Внизу было безветрие.

Гидростанция работала почти бесшумно. Только невнятно бурлила около плотины вода да было слышно, как внутри станции кто-то напевал арию из «Садко»: «Не счесть алмазов в каменных пещерах…»

Я впервые видел такую маленькую гидростанцию, срубленную из сосновых кряжей. Внутри было очень чисто, прохладно, пахло смолой. Ветки лещины заглядывали в открытые окна. На табурете сидел загорелый юноша в майке.

— Наш электрик, — познакомил меня с ним Тиша.

Юноша смутился и сказал:

— Я тут, Тихон Иванович, за дежурство, извините, все оперы, какие знаю, пропел.

— Большой театр на дому, — усмехнулся Тиша и

обернулся ко мне: — Эту станцию мы сами соорудили. Своими колхозными руками. Не станция — игрушка! Вот скоро начнем строить большую межколхозную станцию на **торфу** около Лицевого озера. Тогда будет у нас и электропахота, и электродойка, и электрические пилы начнут работать в лесах.

Я бывал в прежнее время на Лицевом озере, и потому мне трудно было представить, что там скоро возникнет здание электростанции. Двадцать лет назад Линевое озеро было такой глухоманью, что, по словам лесников, **не всякая птица отваживалась туда залетать**.

Весь этот день меня не покидало чувство свежести. Все сверкало, ярилось, переливалось этой свежестью: стволы берез и сосен, листья, травы, самый воздух, вода лесных озер.

— Удивляетесь? — спросил Тиша. — А помните, какая здесь была тьма, как не трущобы? Теперь лес дышит свободно.

С гидростанции мы проехали на реку Белую. Там стояла заповедная тишина. Зеленоватый отблеск хвои падал на струившуюся воду. Пришел зверовод — человек строгий и молчаливый — и выпустил бобров из клеток. Бобры, прежде чем войти в воду, **долго чистились, расчесывали**

шерсть когтистыми лапами, не обращая на нас внимания.

— До чего вежливый зверь! — восхищался шофер. — Воду в речке не хочет грязнить.

К вечеру мы, наконец, попали на обратном пути в Поляны, на «Казенную канаву». Там теперь в нескольких деревянных домах разместилось лесничество. Но изба-четырехстенка уцелела. Ее приспособили под сушилку для сосновых шишек.

Мы посидели с Тишей на берегу канавы. Ночная синева медленно подымалась с востока. В воде плескалась тяжелая рыба.

— Лещи, кажется, — сказал Тиша. — А при дяде Василии только **гольцы** здесь и водились. Вовремя вы подгадали приехать. Все цветет. Самое красивое время. Были уже в лугах?

— Нет, еще не был.

Тиша помолчал.

— В каждом районе, будь он хоть самый невзрачный на вид, есть большие возможности, — сказал он и повторил: — Большие возможности. Небось Лиза рассказывала вам про клад? Это правильно, конечно, что хорошее сердце — клад. А я думаю, что и в каждом районе зарыт свой клад. Милее наших мест нет на свете. Вот говорили всегда:

нищий край, подзол, картоха, болота, комарье, гниль да труха, а смотрите, как он развернулся. А люди? Помните прежние разговоры: «ужо» да «ужо», «куда нам соваться», «разве сразу возьмешь да осилишь». А сейчас как повеселел народ! В будущее верит, в своей силе не колеблется. Я всех тороплю, но и меня все торопят — давай и давай! Нетерпение у народа к новой жизни. Все теперь нужно — гидростанция, разработка торфа, шоссе до областного города, сбор лекарственных трав, **новая порода скота**, посадки леса, сады, пасеки, новые школы. Тут работы пропасть, а на взгляд будто и невидный район. Но главное, конечно, это — луговое наше хозяйство. На днях наш секретарь обкома едет в Кремль докладывать правительству о преобразовании Окской поймы в молочную базу для Москвы. Было у него совещание по этому поводу. На нем мы решили наглядно показать правительству наши богатства и наши возможности. Показать наши луга как бы в натуре. Потому что одно дело — словесный доклад, а совсем другое дело — показ того, чем мы располагаем. А для этого надумали мы отвезти в Москву все цветы и травы, какие здесь произрастают. Все сорта. В живом виде, конечно.

— Как же вы их довезете, эти цветы и травы?

— На машине. В кадках с водой. Ведь это целые снопы цветов, — вы понимаете!

Сбор трав и цветов начался через несколько дней.

Этим делом распоряжалась Лиза. Она созвала школьников старших классов. Когда я зашел к ней, человек тридцать мальчиков и девочек сидели на бревнах около школы и запальчиво спорили, **на каких лугах самые большие и разнообразные цветы.** Одни говорили, что по краю Старицы, другие — по берегам озера Студенец, третьи стояли за таинственную местность Хвощи, а самая маленькая девочка с взлетающим клоком волос на голове кричала со слезами в голосе:

— Не так говорите! Вот и неправда ваша! К Тихому броду надо идти. Там — ух, что делается с цветами!

Известно, что цветы лучше всего собирать или утром до жары, или перед вечером, когда зной спадает. Иначе они быстро вянут.

Решили собрать цветы перед вечером, принести их в Поляны, тут же перебрать и отправить ночью в Москву.

Я пошел с Лизой и школьниками в луга. С нами пошло много народу, в том числе и мой шофер.

Каждый старался найти самый большой цве-

ток. Каждый говорил, что его цветок просто волшебный.

Возвращались из лугов мы уже вечером. Солнце село. Над озерами задымились туманы. Кричали по низинам коростели.

Цвел шиповник — спутник светлых июньских ночей.

В чистом меркнущем небе реактивный самолет тянул свой белый быстрый след. След этот летел к слабо блестевшей над нами звезде. И этот след и звезда отражались в воде Старицы, и вода от этого казалась бездонной, как вечернее небо.

В шиповнике по берегам Старицы уже притаилась ночь. Только цветы на кустах светились отраженным блеском еще не погасшей зари. Потом в кустах, стараясь не нарушить вечернюю тишину, щелкнул, пустил стеклянный перезвон и затих соловей.

Пепельный Юпитер взошел над темным лесом на горизонте и начал медленно подыматься над лугами, **вековыми ивами** и туманами — над знакомой и милой нашей землей.

Справочное бюро
Почему «кукушкины слезы»? А дрема?

Кушкины слезы — небольшое лесное травянистое растение. Названо так за небольшие каплевидные цветы, свисающие на тонких цветоносах: они зацветает весной одновременно с прилетом самцов кукушки, заводящих свои грустные «ку-ку»; поникший вид цветков дал еще одно название — «дрема».

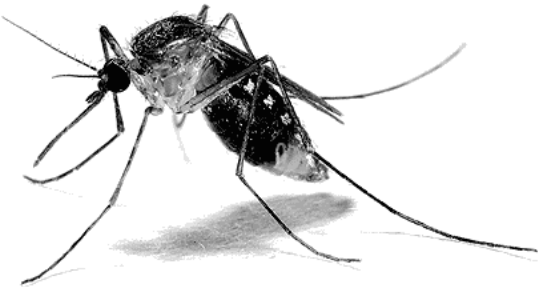
Гусеница может съесть целый участок леса?

Насекомые-вредители могут погубить целые лесные массивы, особенно хвойные. Гусеницы

жука-пилильщика и сосновой пяденицы объедают хвою сосен и елей, за лето оголяя леса. Вслед за ними нападают жуки-короеды, личинки которых выгрызают под корой древесину.

Почему смолокура комары не кусают?

Смола выступает из дерева, когда ему нужно «залечить» собственную рану. Она полезно и для людей: не зря ее называют в народе «живицей». В смолокурне — особом приспособлении, где медленно сжигают щепки, смола растапливается и стекает в особый резервуар. Образующийся при этом дым отгоняет комаров.



Что такое сухостой? Откуда он берется?

Сухостоем называют засохшие и оставшиеся стоять деревья — в отличие от упавшего валежника. Деревья гибнут из-за засухи, из-за массового повреждения вредителями, из-за обширных пожаров. Такие повреждения могут охватывать отдельные участки леса и лесные массивы.

Что за зверь выхухоль?

Выхухоль — скрытный зверек размером с крысу. У нее очень подвижный вытянутый хоботок, которым она вынюхивает добычу. Селится по берегам тихих водоемов в Центральной России. Нора на берегу, с выходом в воду, где выхухоль ищет пропитание: улиток, мелких рыбешек. Из-за ценного меха ее раньше добывали, в настоящее время строго охраняется.

Что такое волчья ягода? Ее волки любят?

«Волчьей ягодой» называют некоторые лесные растения за то, что их плоды несъедобны, — вороний глаз, беладонну. Есть кустарник, который так и называется — волчеягодник: все его части ядовиты, особенно ярко-красные ягоды. Растет в смешанных лесах. Несмотря на привлекательный вид ягод, их никто не ест.

А какой это камень?

Горючий белый камень, алатырь — сказочный предмет, который народная молва издавна

связывает с таинственными силами. Согласно преданиям, под ним скрывается источник энергии, которая может исполнить любое желание. От него происходит слово «алтарь» — место, где приносят жертвы богам.

Зачем дятел выстукивает дерево?

Дятлы — лесные птицы размером от воробья до вороны, их окраска очень разная — черно-бело-красная, зеленая, черная. Садясь на ствол дерева, дятел выстукивает его клювом и прислушивается: если под корой есть личинка жука, дерево звучит не так звонко, дятел долбит дальше, достает ее и съедает.

Зачем засевают поля клевером?

Клевер — невысокое травянистое растение. На его корнях есть особые клубочки, живущие в них бактерии обогащают почву азотом и делают ее плодородной. Чтобы сельскохозяйственные земли не истощались из-за посева одних и тех же культур, применяют севооборот — в разные годы высевают разные растения: например, чередуют пшеницу и клевер; а в иной год не сеют вообще ничего.

Почему травы такие душистые?

В пору цветения травы пахнут по-особому

и по-разному. Это потому что они выделяют ароматный нектар, чтобы привлечь насекомых-опылителей: кого-то опыляют пчелы, кого-то мухи, кого-то бабочки. Есть растения, у которых пахнут не только цветы, но также листья: их запах бывает настолько ароматен, что их используют в кулинарии в качестве приправ.

Разве глаза бывают полностью синие? От чего зависит цвет глаз?

Радужина на передней части глаза человека окрашена пигментом меланином, от количества которого зависит цвет глаза. Если меланина много — глаза черные или карие, если его мало

— глаза голубые, серые или зеленые. Если меланина нет (альбинизм), глаза красного цвета: через прозрачную радужину видны кровеносные сосуды на дне глазного яблока. Очень редко встречаются люди с голубыми белками: тогда весь глаз «синий».

Какие травы называются кормовыми?

Кормовыми называются травы, которые выращивают специально на корм домашним животным — коровам, лошадям. Чаще всего это малоценные сорта злаков, бобовых (такие, как клевер). Кроме трав, выращивают и другие растения — есть кормовая свекла, кукуруза, даже кормовой арбуз.

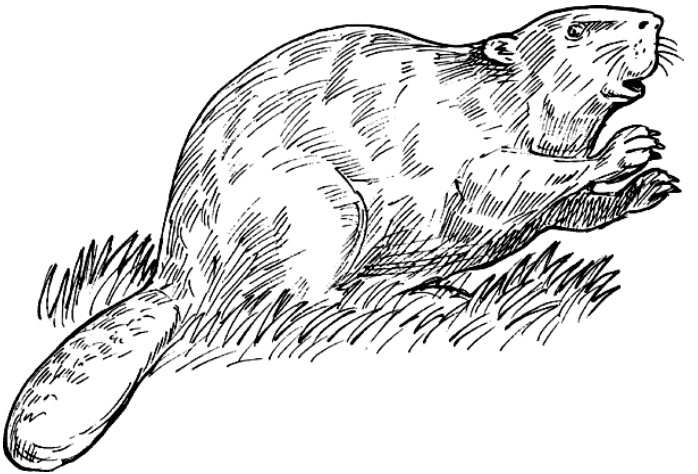
Что такое мелиорация?

Для того чтобы землю сделать на долгие годы пригодной для сельского хозяйства, на ней проводятся определенные работы, самые важные

из которых — мелиоративные. Основная задача мелиорации — регулирование количества воды. Если земля сырая, роют водоотводные каналы; если сухая — роют каналы для подвода воды. Такие работы планируют особые люди — мелиораторы.

Что за звери бобры?

Бобр — крупный грызун, живущий по берегам небольших рек. Для того чтобы поддерживать нужный уровень воды, бобры строят плотины из деревьев, которые срезают мощными резцами. Из сучьев они строят хатки, где самки приносят потомство. Из-за ценного меха бобров истребляли, сейчас их охраняют и расселяют.



Что такое лещина?

Лещина — кустарник высотой 3–5 м. Ранней весной лещина зацветает — выпускает свисающие «сережки». Плоды лещины — орехи: они сначала зеленые, при созревании становятся коричневыми. Для многих лесных жителей орехи — большое лакомство: осенью под кустами

лещины пасутся кабаны и барсуки, их запасают белки, сойки.

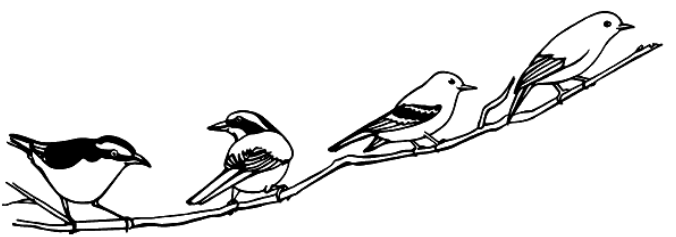
Что такое торф? Как его используют?

Торф образуется за тысячи лет на болотах из остатков отмершего мха-сфагнума. На бывших

болотах устраивают торфоразработки для добычи и просушки торфа, затем его используют как удобрение или топливо. Горючие свойства торфа часто делают его источником лесных пожаров.

Как это не всякая птица отваживалась залетать? Почему?

Лесные птицы, особенно мелкие, предпочитают опушки, поляны, особенно по берегам рек и озер. Там больше пищи, теплее, светлее. Поэтому в сумрачной лесной глубине птиц мало. Весной и летом это хорошо заметно по птичьим голосам: на опушках стоит гомон, в лесной чаще птиц почти не слышно.

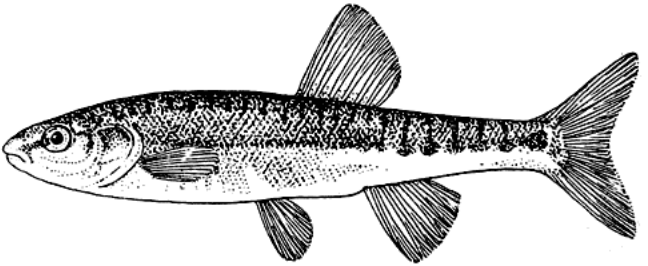


Зачем бобры мылись и расчесывались?

Бобр, проводящий полжизни в воде, должен постоянно следить за своей шерстью, чтобы она не промокала. Ведь только сухой мех сохраняет тепло. У бобра под хвостом есть особые железы, выделениями которых он смазывает мех: собирает лапами и тщательно обрабатывает шерстный покров — «расчесывает» его.

Что за рыба голец?

Голец — родич лососей и живет в приполярных водах. Здесь имеется в виду гольян — небольшая рыба, обычная в быстрых реках средней полосы. Он длиной 15–20 см, с вытянутым телом, пестро окрашен. Гольян служит источником пропитания для многих хищных рыб — щуки, окуня, судака, сома.



Зачем нужны новые породы скота?

Человек начал одомашнивать животных около 10 тысяч

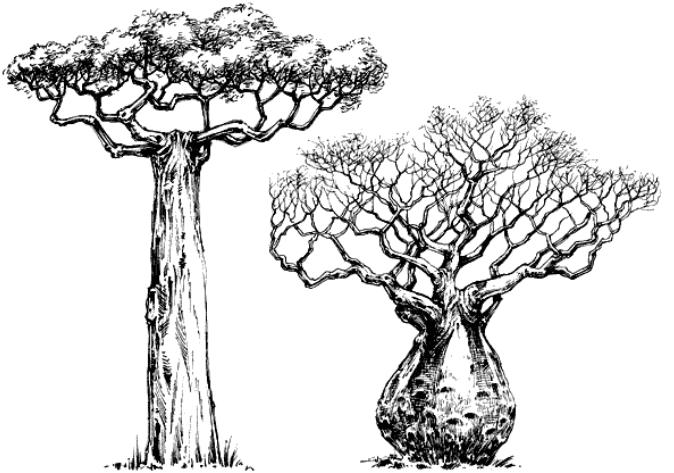
лет назад — и с тех пор выведение новых пород не прекращается и даже увеличивается. Совершенствуются механизмы выведения пород, выводятся местные породы. Благодаря этому улучшаются признаки животных, повышается производительность.

Неужели по берегам рек такое разнообразие трав?

Пойменные луга по берегам рек очень плодородны: при весенних разливах вода приносит ил, поэтому такие луга богаты травянистой растительностью — «разнотравьем». Летом на лугах выпасают скотину, а в начале осени траву косят. Здесь главное не упустить момент: вовремя скосишь — будет душистое сено, если запоздаешь — малосъедобная солома.

Сколько лет живут деревья?

У растений разная продолжительность жизни. Травы-однолетники растут только один сезон. Многие кусты и деревья живут по несколько десятков лет: акация — 60–70 лет, ива от 60 до 100 лет. Деревья живут еще дольше: яблоня и береза — 100–150 лет, дуб и липа — 400–500 лет. Абсолютные рекордсмены-долгожители — африканский баобаб и американская секвойя: они растут 3–4 тысячи лет.



Секвойя и баобаб

Вода из реки Лимпопо

На столе в классе стояли залитые сургучом бутылки с желтоватой водой. На каждой бутылке была наклейка. На наклейках кривым старческим почерком было написано:

«Вода из Нила», «Вода из реки Лимпопо», «Вода из Средиземного моря».

Бутылок было много. В них была вода из Волги, Рейна, Темзы, озера Мичиган, Мертвого моря и Амазонки. Но сколько мы ни разглядывали эту воду, во всех бутылках она была одинаково желтая и скучная на вид.

Мы приставали к учителю географии Черпунову, чтобы **он разрешил нам попробовать воду из Мертвого моря**. Нам хотелось узнать, действительно ли она такая соленая. Но пробовать воду Черпунов не позволял.

Низенький, с длинной, почти до колен, серой бородой и узкими глазами, Черпунов напоминал колдуна. Недаром и прозвище у него было Черномор.

Черпунов всегда притаскивал на уроки всякие редкости. Больше всего он любил приносить бу-

тылки с водой. Он рассказывал, как сам набирал нильскую воду около Каира.

— Смотрите, — он взбалтывал бутылку, — сколько в ней ила. Нильский ил **богаче алмазов**. На нем расцвела культура Египта… Марковский, объясни классу, что такое культура.

Марковский вставал и говорил, что культура — это выращивание хлебных злаков, изюма и риса.

— Глупо, но похоже на правду! — замечал Черпунов и начинал показывать нам разные бутылки.

Он очень гордился водой из реки Лимпопо. Ее прислал Черпунову в подарок бывший его ученик.

Чтобы мы лучше запоминали всякие географические вещи, Черпунов придумал наглядный способ. Так, он рисовал на классной доске большую букву А. В правом углу он вписывал в эту букву второе А, поменьше, в него — третье, а в третье — четвертое. Потом он говорил:

— Запомните: это — Азия, в Азии — Аравия, в Аравии — город Аден, а в Адене сидит англичанин.

Мы запоминали это сразу и на всю жизнь.

Старшеклассники рассказывали, что на квартире у Черпунова устроен небольшой географи-

ческий музей, но старик к себе никого не пускает. Там были будто бы **чучела колибри**, коллекция бабочек, телескоп и даже самородок золота.

Наслушавшись об этом музее, я начал собирать свой музей. Он был, конечно, небогатый, но расцветал в моем воображении, как царство удивительных вещей. Разнообразные истории были связаны с каждой вещью — будь то пуговица румынского солдата или засушенный **жук-богомол**.

Однажды я встретил Черпунова в Ботаническом саду. Он сидел на мокрой от дождя скамейке и ковырял тростью землю. Я снял фуражку и поклонился.

— Пойди сюда! — подозвал меня Черпунов и протянул мне толстую руку. — Садись. Рассказывай. Ты, говорят, собрал маленький музей. Что же у тебя есть?

Я робко перечислил свои незамысловатые ценности. Черпунов усмехнулся.

— Похвально! — сказал он. — Приходи ко мне в воскресенье утром. Посмотришь мой музей. Допускаю, что коль скоро ты этим увлекаешься, то из тебя выйдет географ или путешественник.

— С мамой? — спросил я.

— Что с мамой?

— Прийти к вам с мамой?

— Нет, зачем же, приходи один. Мамы не понимают в географии.

В воскресенье я надел новенький гимназический костюм и пошел к Черпунову. Он жил на Печерске, в низеньком флигеле во дворе. Флигель так **густо оброс сиренью**, что в комнатах было темно.

Была поздняя осень, но сирень еще не пожелтела. С листьев стекал туман. Внизу на Днепре трубили пароходы. Они уходили зимовать в затоны и прощались с Киевом.

Я поднялся на крыльцо и увидел вделанную в стену медную чашечку с круглой рукояткой от звонка. Я потянул рукоятку. Внутри флигеля пропел колокольчик.

Открыл мне сам Черпунов. На нем была серая теплая куртка и войлочные туфли.

Чудеса начались тут же, в передней… В овальном зеркале отражался красный от смущения маленький гимназист, пытавшийся расстегнуть озябшими пальцами шинель. Я не сразу понял, что этот гимназист — я сам. Я долго не мог справиться с пуговицами. Я расстегивал их и смотрел на раму от зеркала.

Это была не рама, а венок из стеклянных бледно

окрашенных листьев, цветов и гроздьев винограда.

— **Венецианское стекло**, — сказал Черпунов, помог мне расстегнуть шинель, снял ее и повесил на вешалку. — Посмотри поближе. Можешь даже потрогать.

Я осторожно прикоснулся к стеклянной розе. Стекло было матовое, будто присыпанное пудрой. В полоске света, падавшей из соседней комнаты, оно просвечивало красноватым огнем.

— Совсем как рахат-лукум, — заметил я.

— Глупо, но похоже на правду, — пробормотал Черпунов.

Я покраснел так, что у меня зажгло в глазах. Черпунов похлопал меня по плечу:

— Не обижайся. Это у меня такая поговорка. Ну, пойдем. Выпьешь с нами чаю.

Я начал отказываться, но Черпунов взял меня за локоть и повел в столовую. Мы вошли в комнату, похожую на сад. Нужно было осторожно **отводить листья филодендрона и свисавшие с потолка ветки с красными пахучими шишками**, чтобы добраться до своего места за столом. Веерная пальма нависала над белой скатертью. На подоконниках теснились вазоны с розовыми, желтыми и белыми цветами.

Я сел за стол, но тотчас вскочил. В столовую быстро вошла, шурша платьем, невысокая молодая женщина с блестящими серыми глазами.

— Вот, Маша, — кивнул на меня Черпунов, — это тот гимназистик, про которого я рассказывал. Сын Георгия Максимовича. Конфузится, конечно.

Женщина протянула мне руку. Зазвенел браслет.

Она налила мне чаю с лимоном и пододвинула вазу с венскими булочками.

— Набирайтесь сил перед лекцией.

После чая Черпунов закурил папиросу. Пепел он стряхивал в раковину, покрытую окаменелой пеной нежнейшего розового цвета. Вторая такая же раковина стояла рядом.

— Это раковина из Новой Гвинеи, — заметил Черпунов.

— Ну, прощайте! — громко сказала молодая женщина, встала и вышла.

— Ну вот, — промолвил Черпунов, проводил ее глазами, а потом показал мне на портрет на стене. Он изображал бородатого человека с изможденным лицом. — Ты знаешь, кто это? Один из лучших русских людей. **Путешественник Миклухо-Маклай**. Он был великий ученый и верил

в добрую волю людей. Он жил один среди людоедов на Новой Гвинее. Безоружный, умирающий от лихорадки. Но он сумел сделать столько добра дикарям и проявить столько терпения, что, когда за ним пришел наш корабль «Изумруд», чтобы увезти его в Россию, толпы дикарей плакали на берегу, протягивали к нему руки и кричали: «Маклай, Маклай!» Так вот, запомни: добротой можно добиться всего.

Вот раковина с острова, где жил Маклай, — продолжал Черпунов. — Если ты долго будешь смотреть на нее, то вдруг тебе придет в голову, что как-то утром солнечный свет упал на эту раковину и так на ней и остался на вечные времена.

Я уставился на раковину. На минуту мне показалось, что я на самом деле уснул и вижу медленный восход солнца над прозрачными массами океанской воды и вспышки розовых лучей.

— Если ты прижмешь раковину к уху, — говорил где-то далеко Черпунов, — то услышишь гул. Я не могу тебе объяснить, почему это происходит. И никто тебе этого не объяснит. Это тайна. Все, что человек не может понять, называется тайной. Возьми, послушай, — предложил Черпунов.

Я прижал раковину к уху и услышал сонный шум, будто далеко-далеко набегали на берег рав-

номерные волны.

— Ну что же, — сказал Черпунов, — продолжим нашу беседу, молодой человек. Вон там в углу стоят черные ящики. Принеси-ка сюда верхний ящик. Только неси осторожно.

Я взял ящик и поставил его на стол перед Черпуновым. Ящик оказался совсем легким.

Черпунов, не торопясь, открыл крышку. Я заглянул через его плечо и невольно вскрикнул. **Огромная бабочка, больше, чем лист клена, лежала в ящике на темном шелку и переливалась, как радуга.**

— Не так смотришь! — рассердился Черпунов. — Надо вот так!

Он взял меня за макушку и начал поворачивать мою голову то вправо, то влево. Каждый раз бабочка вспыхивала разными цветами — то белым, то золотым, то пурпурным, то синим. Казалось, что крылья ее горели чудесным огнем, но никак не сгорали.

— Редчайшая бабочка с острова Борнео! — с гордостью произнес Черпунов и закрыл крышку ящика.

Потом Черпунов показал мне **звездный глобус**, старые карты, чучела колибри с длинными, как маленькие шила, клювами.

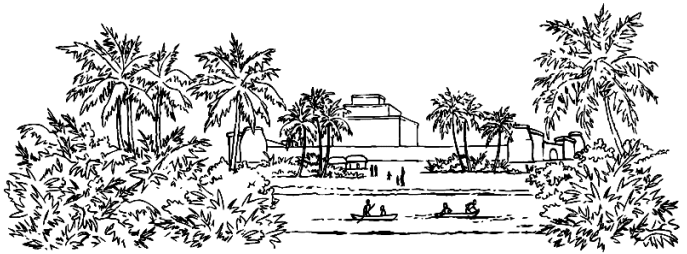
— Ну, на сегодня довольно, — сказал Черпунов. — Ты устал. Можешь приходить ко мне по воскресеньям.

Справочное бюро
Вода из Мертвого моря особая?

Мертвое море — это большое озеро в Палестине. В нем очень соленая вода, в которой никто не живет, поэтому его так назвали. Плотность воды так высока, что на ее поверхности можно спокойно лежать — главное, чтобы вода не попала в глаза и в рот. За многие тысячелетия на дне озера накопился ил с особыми целебными свойствами.

Неужели нильский ил дороже алмазов?

В Египте почти вся жизнь сосредоточена в долине Нила. Эта могучая река течет среди пустыни и несет с собой огромное количество ила. Во второй половине лета она разливается, а когда вода уходит, плодородный ил остается и питает собой всю растительность. Крестьяне высевают злаки, пасут скотину. От ила зависит вся их жизнь, поэтому он дороже всего.



Кто такие колибри?

Колибри — самые мелкие птицы на Земле: некоторые весят всего несколько грамм. Живут в тропиках и очень ярко окрашены. Питаются нектаром, который добывают, не присаживаясь на цветок. Птица зависает в воздухе, часто махая крыльями, и запускает в цветок длинный клюв, высасывая сок.

Что за жук-богомол? Откуда такое название?

Богомол — не жук, а совсем особое насекомое, умелый прожорливый хищник. Он выглядит странно: длинное туловище на тонких ногах, огромные передние лапы с зазубренными краями сложены на груди — словно насекомое молится (отсюда название). В такой позе он обычно и подкарауливает добычу — жука или муху.

Разве дом может обрасти сиренью?

Сирень — густой кустарник высотой 3–4 м, красиво цветет весной. Ее часто сажают вдоль заборов и у домов. В странах с теплой зимой вдоль домов специально высаживают вьющиеся растения-лианы — плющ, дикий виноград: они цепляются за стены и целиком зарастают их, поднимаясь на десятки метров.

Что такое венецианское стекло?

Стекло издавна изготовляют из различных глин. Особо ценится стекло, которое поддается огранке и шлифовке: из него делают красивую посуду, зеркала, люстры. Такими декоративными качествами славится венецианское стекло: его с XIII в. производят в Венеции, рецепт долгое время держали в секрете.

Что это за растение — филодендрон?

Филодендрон — красивая вечнозеленая лиана с широкими листьями. В процессе роста он не обвивает опору, а цепляется за нее воздушными корнями, «залезая» вверх на многие метры. Растет в американских тропиках, популярен как комнатное растение.

Чем знаменит Миклухо-Маклай?

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888) — русский путешественник, одним из первых исследовал природу и обычаи жителей Новой Гвинеи, Индонезии и Австралии, где прожил многие годы. Собрал большую коллекцию

предметов, которая хранится в музее этнографии в Санкт-Петербурге. Живя среди местного населения, Миклухо-Маклай во всем следовал их обычаям и привычкам, местные жители до сих пор его почитают. Он отстаивал идею единства всего человеческого рода, горячо протестовал против расизма. В честь него участок земли на Новой Гвинее назван «Берегом Маклая».

Где живут такие огромные бабочки?

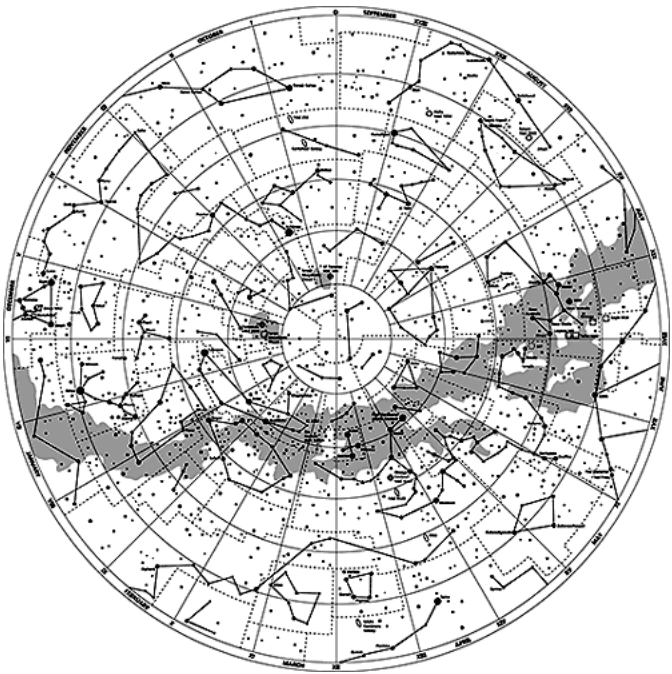
Тропические бабочки бывают очень крупные — у некоторых размах крыльев достигает 30 см. К

тому же они необычайно яркие — красно-черные, сине-желтые, зелено-синие с металлическим отблеском, с ярким контрастным рисунком. Живущие на о. Борнео орнитоптеры примечательны своей многоцветной переливчатой окраской.

Что такое звездный глобус?

Звездный глобус похож на земной глобус, служит для показа устройства «небесной сферы». На нем нарисованы условные меридианы и параллели, основные созвездия и звезды — их

положение, названия, время восхода и захода. По такому глобусу можно изучать созвездия, а также ориентироваться ночью, чтобы определить место нахождения.



Пришелец с юга

Осенью 1951 года, на конференции писателей юга в Ростове-на-Дону, сочинский селекционер Зорин, автор нескольких книг о субтропической флоре, подарил мне маленький пакет с цветочными семенами. На пакете было написано: «Луноцвет».

Я впервые услышал об этом цветке, но Зорин почему-то не захотел рассказать мне о нем. В ответ на мои расспросы он только загадочно улыбался.

— Посадите этот цветок у себя в саду под Рязанью, — сказал он. — Только одно условие: когда на луноцвете созреют бутоны, то в первые же теплые сумерки сядьте около него и терпеливо ждите.

— А что случится? — спросил я.

— Сами увидите, — так же таинственно ответил Зорин.

Через несколько дней я попал из Ростова в Таганрог. В городке этом было много любителей-цветоводов. Таганрогские дворики напоминали умело подобранные букеты.

Был сухой день поздней осени. Вороха сизо-желтых листьев **акации** шумели под ногами. Внизу, под глинистым обрывом, поблескивало Азовское море. Его вода была по цвету похожа на желтоватую листву акаций.

Я расспрашивал таганрогских цветоводов о луноцвете, но никто из них не знал о нем.

В Москве тоже никто не слышал об этом южном растении. Но все, будто сговорившись, утверждали, что оно, конечно, не выживет и во всяком случае ни за что не расцветет у нас, в средней полосе России.

Весной я посадил семена луноцвета у себя в саду под Рязанью.

Рязанская земля казалась мне слишком грубой для этого таинственного цветка. Сейчас же за садом начинался сосновый лес с его серой, похожей на золу, рассыпчатой почвой. **Должно быть, за сходство с золой эта почва и получила название «подзола».** На ней хорошо росли только можжевельник, волчье лыко и жесткая, остистая трава.

Действительно, трудно было поверить, что на ней может вырасти этот цветок — пришелец из мягких южных краев с их благоуханием и жаркой влажностью.

Но луноцвет взошел. Лето выдалось прохлад-

ное. Почти каждый день небо заволакивали низкие, тяжелые тучи, и из них косо летел, барабаня по крышам, быстрый холодный дождь.

Луноцвет, пренебрегая всем этим, рос так же быстро и буйно, как у нас растет только **бурьян** — крапива, чистотел или лебеда.

К августу его кусты уже вытянулись в человеческий рост и на них появились большие, длинные бутоны. Они были похожи на наконечники пик или на свернутые и спрятанные в зеленые чехлы полковые знамена.

Каждые сумерки около луноцвета собирались жители нашего деревенского дома и кое-кто из соседей: Галка — девушка с длинными косами, шумная и сероглазая, маленький мальчик Алешка, его няня Прасковья Захаровна — пожилая женщина, имевшая самостоятельное суждение обо всем на свете, дед Кузьма и колхозный шофер с многострадального грузовика Ваня Самарский — человек скорый на работу и любопытный до крайности — и, наконец, я. Каждому хотелось узнать, что это за цветок и в чем его тайна.

Дожди к тому времени уже прошли. Август, чуть тронутый осенней ржавчиной, стоял сухой и безветренный.

И вот свершилось! В сумерки одного из таких

августовских дней все бутоны луноцвета внезапно вздрогнули и на них появились узкие щели. Тотчас из каждого бутона вытянулись белые тугие звезды пестиков. Каждый пестик начал быстро вращаться слева направо, чашелистики (бутонные чехлы), скрывавшие цветок, отлетели от него, как на пружинах, и показался туго свернутый, напоминавший веретено, бледно-золотой венчик.

Пестик, вращаясь, быстро раскручивал этот венчик. И, наконец, цветок, похожий на большую чашку из золотистого прозрачного фарфора, раскрылся до конца со странным шумом, будто легко вздохнул. И выдохнул при этом горьковатый миндальный запах, до тех пор прочно запертый внутри лепестков.

Все пестики на бутонах вращались, вздохи цветов слились в один слитный и явственный шепот, и вскоре весь куст уже светился в сумраке большими влажными цветами. Деревенский сад, привыкший к запаху мяты и ромашки, как бы заполнился воздухом тропических чащ.

Когда первый бутон начал быстро вертеться, маленький Алеша закричал:

— **Ой, он винтается**, этот цветок!

— Тише! — прикрикнула Галка. — Не шуми,

балабошка Алешка! Ты его напугаешь.

И маленький мальчик — ему было около трех лет, — пораженный не меньше взрослых удивительным зрелищем шевелящихся и шепчущих цветов, замолчал и только каждый раз, когда, зашумев, раскрывался, как бы вспыхивая, новый цветок, боязливо протягивал к нему руку, но тотчас ее отдергивал.

Все молчали, чтобы лучше расслышать шорох цветов. Дед Кузьма смотрел на луноцвет, открыв рот. Махорочная цигарка прилипла к его губе, догорала, жгла ему рот, но он не обращал на это внимания.

Когда все сорок или пятьдесят цветов луноцвета раскрылись за несколько минут, около цветущего куста произошел разговор.

— Галка, — сказал Алешка и прищурился, — ты сама не шуми, а то они от тебя улетят. Совсем глупая!

Действительно, цветы луноцвета еще не совсем успокоились, еще слабо шевелили лепестками и были похожи на стаю бабочек, севших на куст.

— Ишь, какой самостоятельный тип! — сердито сказала Галка. — Как ты смеешь так разговаривать со взрослыми! Я тебе покажу!

— Это нельзя! — примирительно сказал дед Кузьма.

— Чего нельзя?

— Нельзя, дочка, сердиться. Ты жучиной малому не грозись. Ты лучше на этот цвет погляди, полюбуйся. А Алешка, известно, лихой господин. Что с него взять!

— Няня, они живые? — спросил Алешка, совершенно не обратив внимания на весь этот разговор.

— Да уж и не знаю, — с сомнением ответила

Прасковья Захаровна. — Волшебные, конечно, цветы.

— Как это? — спросил Алешка и с тревогой посмотрел на Прасковью Захаровну.

— Ну, просто волшебные, — ответила за нее Галка. — Я же тебе читала волшебные сказки. Помнишь? Так эти цветы пришли к нам в сад из такой сказки.

— **Как пришли?** — снова спросил Алешка и испытующе посмотрел на Галку. — **В гости?**

— А вот как — это самое, по-моему, удивительное дело, — сказал Ваня Самарский.

— Чего ж удивляться-то! — возразил дед Кузьма. — Удивлялись мы сколько лет, а теперь нам удивление не в удивление. Во какие мы стали лихие господа!

— Это как? — строго спросил Алешка. Спрашивал он только по привычке.

— Бесперечь удивлялись. Прямо шпыняло нас новостями со всех боков. Первым делом — трактор! Потом эти самые самолеты пошли гудеть над полями, опылять посевы. Потом, значит, комбайн явился. Переполоху наделал — страсть! Да и то сказать — чудодейственная машина. Потом огонь электрический провели, запылали светом окрест все села до самой глухомани, до Лопухов. Пиль-

щик я был. Помимо меня, никто не умел пилу из сосны вытащить, когда ее всей сосной зажимало. Я один этот секрет ведал, а теперь пилят электрической пилой. Вжик, вжик, — и пожалуйте!

Алешка засмеялся. Он прямо захлебывался от смеха.

— Чего это он? — удивился дед.

— Это он на «вжик», — объяснила Галка.

— Вот-вот! — одобрительно сказал дед Кузьма. — Ты смейся, милок. **Говорят, когда человек много смеется, так ему сахару потреблять не надо.** Верно это или нет?

— Тоже выдумывают невесть что, — гневно сказала Прасковья Захаровна. — А ты и рад повторять. Перед ребенком. Его и так есть нипочем не заставишь.

— А ты ему зубы заговори — он и станет есть. На то ты и нянька.

Схватка между дедом Кузьмой и Прасковьей Захаровной грозила разгореться, но тут вмешался Ваня Самарский.

— Да будет вам! — сказал он с досадой. — Можете вы это понимать, что сотни лет стояла наша рязанская земля, всякие в ней случались события, а вот такого цветка еще никогда здесь не было? Не вырастал на нашей земле такой замечательный

цветок. И я думаю, что отсюда надо нам сделать вывод.

— Ну-ну, делай, — согласился дед Кузьма, закуривая цигарку. — Лети в небеса.

— Цветок этот, конечно, для красоты, — сказал как бы с сожалением Ваня и с виноватой улыбкой посмотрел на меня. — Вы не обижайтесь. Я понимаю, что без этого, без красоты, не может быть жизни. Особенно если говорить о коммунизме. Тут дело не в этом. А в том, что цветок этот южный, зябкий, для нашего климата как будто бы посторонний. А вот растет и цветет. Дело, значит, не в одном этом цветке, а в дерзости человека.

— А я теперь ничему не дивлюсь, — повторил дед Кузьма. — **Арбузы под Москвой стали растить.** Это что ж такое? Это, брат, прямые чудеса! Или, скажем, наши луга. Старые луга, что говорить. Ну, мельчают, понятно. Трава свою породу теряет. Так ране кто об этом заботился? Да никто! А нынче, видел, сколько машин пригнали? **Будут луга молодить.** И будет тут расти не трава, а чистое золото.

— Это как? — спросил Алешка.

— Ну, золото. Как тебе растолковать? Вещество вроде как этот цветок, только с твердостью. И со звоном. Я лучше тебе расскажу про мужичка

одного колхозного, что хотел все знать.

— Он злодей? — спросил Алешка.

— Что ты, милок! — испугался дед. — Какой же он может быть злодей, когда был он человек душевный, разговорчивый! Ему только желательно было все знать, что круг него существовало. Пьет, скажем, чай — вот ему и интересно, откуда этот чай берется. **А берется он из теплых краев, из сушеных листочков.** Или, к примеру, откуда происходит сахар. **Из свеклы он происходит, только она у нас не зреет.** Тут ей больно холодно. Вот собрался тот человек и пошел в теплые края посмотреть своим глазом, как это все произрастает. А там, понятно, благоухание, и кущи, и сады совершенно райские. И висят в тех садах лимоны.

— Мандарины, — сказал Алешка.

— А я те говорю — лимоны! И думает наш человек: «Это, думает, не путь! Одной земле все дано, а другой — вроде ничего. Соберу-ка я семена да понесу в свой край. Обрадуется им наша земля. Она-то ведь не балованная, на ней только суровый злак растет. А ей ведь тоже охота расцвесть в полной своей силе». Собрал он семена, идет на родную сторону. А там в то время зима. Завалило леса снегом по самые верхи. Он возьми и кинь

горсть тех семян на снег. И что ж ты думаешь! Сразу осели, ухнули снега, хлынули ручьями, вышла из-под них сырая земля, и на той земле, в теплом пару, вырастают вот так же скоро, как этот цвет золотой, всякие дивные злаки, цветы и травы. Такие, как там, в тех теплых краях. Прямо за его пятой вырастают.

— Все ты выдумываешь, Кузьма, — сказала Прасковья Захаровна. — Старый — как малый.

— Иносказание, — вдруг сказал Ваня Самарский и покраснел. Должно быть, оттого, что произнес это мудреное слово.

На следующий день на кустах луноцвета расцвело уже не пятьдесят, а больше сотни цветов. Со всей деревни начали приходить посетители, чтобы посмотреть на этот чудесный цветок.

Мальчишки весь день висели на заборе и свое восхищение выражали только привычными возгласами.

— Ух ты! — шептали они. — Глянь-ка, ох ты! Вот так да!

Взрослые смотрели на цветы почтительно, разговаривали почему-то вполголоса и, уходя, говорили:

— Вот и еще одно происшествие у нас интересное.

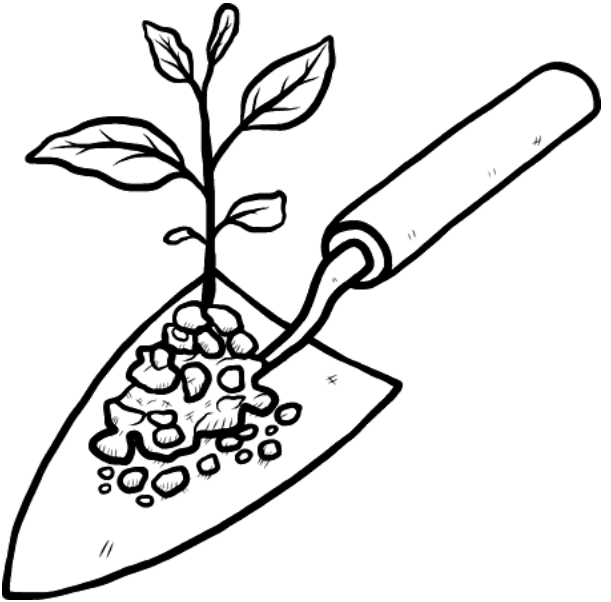
Однажды я вышел в сад ночью и осветил куст луноцвета сильным фонарем. Он предстал предо мной среди окружающей тьмы во всей своей нежной красоте. Так, должно быть, сверкали те цветы и травы, о которых рассказывал дед Кузьма. Как правдивы истоки народной поэзии и какие ее богатства заключены в нашем времени!

Справочное бюро
Что такое акация?

Акация — кустарниковое или древесное растение, произрастает в засушливых районах по всему свету. У всех акаций характерные сложные листья: на длинной оси расположены короткие листочки. Плоды — стручки, у некоторых длиной 20–30 см.

От чего зависит цвет почвы?

Почва — самый верхний слой земли, богатый органическими веществами, которые делают ее плодородной. Плодородие почвы тем выше, чем больше органики; от этого зависит и ее цвет, который отражен в названиях: чернозем, серозем, краснозем, подзол (похожий цветом на золу).



Почему автор называет их бурьяном?

Бурьяном называют сорные растения, которыми нельзя кормить скот: у них грубые стебли и листва, часто колючие (лопух, чертополох, крапива, полынь). Осенью стебли становятся бурыми — отсюда название. Однако лебеда полезна: вы-

тягивает соль из почвы, съедобна.

Только у луноцвета цветы так быстро отцветают? Или еще есть такие цветы?

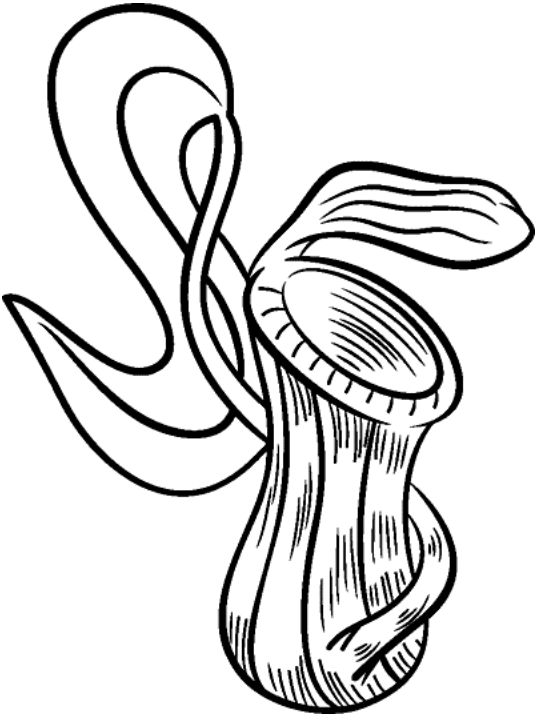
Луноцвет — травянистая лиана из тропических лесов. Ее белые цветы до 10 см диаметром распускаются только на одну ночь. Бутон разворачивается за несколько минут, а через несколько часов цветок увядает. Подобные цветы-«эфемеры» есть и у других растений: например, лилия-тигридия распускает яркие желтые и красные цветы только на один день. Их можно выращивать в саду, но на зиму нужно выкапывать.

Ипомея

Смогут ли прижиться цветы из тропиков?

Люди научились выращивать многие тропические растения в оранжереях и домах. Одним для этого нужно создавать особые условия, другие

вполне неприхотливы, не переносят только холодов. Непентес требователен к высокой влажности и температуре: при удаче можно наблюдать, как он цветами-кувшинами ловит насекомых. А лиана монстера будет расти в любом теплом помещении.

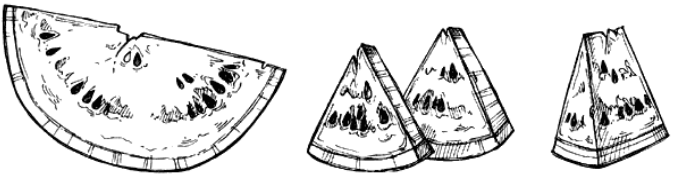


Говорят, когда человек много смеется, так ему сахару потреблять не надо. Верно это или нет?

Смеясь, человек выражает радость, удовольствие; когда человеку плохо, ему не до смеха. Хорошее настроение вызывает смех — а смех еще улучшает его. При смехе снижается уровень «гормонов стресса» и выделяются «гормоны радости», сердце и сосуды работают активнее, в кровь поступает больше антител для борьбы с вредными микробами.

Разве под Москвой можно вырастить арбуз?

На огороде выращивают многие культуры, родина которых — жаркие страны: огурцы — из Юго-Восточной Азии, кабачки и тыквы — из Центральной Америки. Так и арбузы с дынями: они могут расти и вызревать в средней полосе, если сажать ранние сорта и правильно за ними ухаживать — высаживать в прогретую землю, в холода накрывать пленкой.



А как можно омолодить траву?

Для того чтобы трава на пастбищных и сенокосных лугах была гуще и выше, их время от времени нужно «омолаживать»: для этого землю неглубоко вспахивают и вносят удобрения. Земля становится более рыхлой, туда попадает больше воздуха, уходит лишняя влага.

Есть такое растение чай? Где он растет?

Чайная заварка — особым образом обработанные листья чайного куста. Родина чая — Южный Китай, там его научились выращивать и приготавливать; сейчас чайные плантации можно увидеть во многих местах с жарким климатом. С кустов собирают самые молодые листочки, их измельчают и сушат: в зависимости от способа

сушки получается зеленый или черный чай.

В свекле сахар есть? А как его оттуда добывают?

Сахар впервые научились делать в древней Индии из сока особого тростника; после открытия Америки сахарный тростник начали выращивать там. Из свеклы сахар стали делать в Европе в XVIII в. Корнеплоды измельчают, отжимают сок, очищают и выпаривают, чтобы отделить кристаллы сахара.

Бабушкин сад

С тех пор как отец Маши Никита ушел на войну, в старом саду около бабушкиного дома дорожки и грядки позарастали **крепкими лопухами** и укропом, а крапива встала такой густой стеной и так жглась, что Маша боялась к ней подойти.

Бабушка Серафима только вздыхала, — где уж ей, старой, справиться с такими непокорными травами, деревьями и кустами!

В непролазной траве весь день копошились и гудели шмели. Иногда они вырывались из травы, с размаху налетали на Машу, с треском ударяли в лицо и со звоном подымались вверх, выше скворечни, — радовались, что напугали Машу. Но радовались они напрасно — в вышине, где всегда летал пух от одуванчиков, шмелям приходил конец. Там их хватали на лету ловкие скворцы и тут же проглатывали. И ни один скворец даже не поперхнулся, хотя шмели были страшно мохнатые.

В бочке с дождевой водой у крыльца поселилась лягушка. Раньше из бочки брали воду поливать цветы, но теперь никто ее не брал, и

вода была застоявшаяся — теплая и зеленая. Маша любила смотреть, как в этой воде шныряли какие-то водяные существа. Они были похожи на булавки с черными стеклянными головками. Такие булавки были воткнуты над бабушкиной кроватью в ковер.

Лягушка вылезала из бочки только вечером и сидела, отдуваясь, около крыльца, посматривала на скворцов. Она их боялась.

Скворцы постоянно дрались с галками, а успокоившись, рассаживались на ветвях вековой липы и начинали изображать пулеметный бой. От этого не только у лягушки, привыкшей к водяной своей тишине, но даже у бабушки разбаливалась голова. Бабушка выходила на крыльцо, стыдила скворцов, махала на них полотенцем.

Тогда скворцы перебирались повыше и, помолчав, начинали показывать, как дровосеки с натугой пилят деревья, — это было еще хуже, чем пулеметный бой.

Лягушка боялась еще квакши — маленького древесного лягушонка с пухлыми лапками. Он сидел на ветке, таращил глаза и молчал. Кричал он редко, только перед дождем. Тогда все в саду замолкало, и было слышно, как далеко за лесом погромыхивает небо.

Рыжий пес Буйный залезал в будку, долго вертелся, уминал сено, вздыхал с огорчением — дождь был ему совершенно ненужен. **Буйный был очень застенчивый пес.** При виде посторонних он тотчас лез в отдушину под домом, и оттуда его нельзя было выманить никакими силами. На все уговоры он только вилял хвостом и все дальше отползал в темноту.

Потом к бабушкиному саду стали подходить немцы. Тогда пришел глухой старик Семен и выкопал в саду, за сиренью, большую яму.

Семен копал, ругался на немцев, говорил Маше: «Чем глядеть, как я себе плюю на руки, яму копаю, ты бы пошла помогла бабушке сундук уложить. Закопаем его, запрягу я завтра Чалого — и поедем в Пролысово». — «А потом?» — спрашивала Маша. «За Пролысово немец не пойдет, — отвечал Семен. — Там наши ребята стоят, дальше немцу пути не будет».

Семен окончил копать, пошел к колодцу, вытащил ведро воды, хотел напиться, но почему-то раздумал, позвал бабушку Серафиму, показал ей на ведро и сказал: «Гляди! Значит, и впрямь пора уходить».

Бабушка посмотрела на воду и покачала головой. Вода из колодца всегда была чистая, как

стекло, а сейчас в ней плавали гнилушки, древесная труха и даже маленький гриб. Маша ничего не поняла. Бабушка Серафима объяснила ей, что ночью земля тряслась и в воду со стенок колодца нападало много всякого мусора. А раз земля тряслась — значит, где-то неподалеку шел бой.

Вечером Семен закопал сундук с бабушкиными вещами, шалями, старым будильником, фотографиями, серебряными ложками, и с самой любимой Машиной игрушкой — **двумя большими деревянными петухами на дощечке**. Один петух был черный, другой — красный, и оба они могли со стуком клевать зерно.

Наутро Семен приехал на Чалом, распряг его во дворе, привязал к телеге, пошел в комнаты — попрощаться с домом.

Но попрощаться ему не пришлось.

Мимо дома густо пошли наши бойцы — все в касках, пыльные, загорелые, веселые. Семен вынес к калитке ведро воды. Маша принесла кружку.

Бойцы останавливались, вытирали потные лица, пили и рассказывали, что немецкий фронт этой ночью прорван и немцы отходят, бросают пушки и автоматы и что теперь — очень свободно — можно выкопать обратно сундук и жить

спокойно: нашу землю мы нипочем немцам не отдадим!

Бабушка Серафима все плакала, смотрела вслед бойцам на их выгоревшие, пыльные спины, крестила их, как когда-то крестила Машиного отца Никиту. Семен опять сердился, говорил: «Неправильное у вас понимание, Серафима Петровна. И от горя и от радости вы одинаково плачете. Никуда это, по-моему, не годится».

Потом над домом, над лесами начали летать самолеты. На них блестело солнце, и звон был такой, что **шмели в саду перевернулись на спины и прикинулись мертвыми со страха, — Маша знала эту их шмелиную хитрость.**

Скворцы собрались на самой верхушке липы, возились там, сбивали липовый цвет, задрав головы, смотрели на самолеты и перешептывались: «Да, да, наши! Да, да, наши!»

А на следующее утро во двор вошел боец с перевязанной рукой, сел на крылечке, снял каску и сказал:

— Разрешите передохнуть на солнышке раненому гвардейцу.

Бабушка позвала бойца в дом, к столу. Он прошел, осторожно гремя сапогами, по комнатам, и сразу же запахло хлебом, полынью и лекар-

ством.

Боец все извинялся, что крошит на пол, — ему трудно было есть одной рукой.

Маша резала и подавала все, что надо, бойцу, а бабушка возилась с самоваром, достала **темный мед в сотах**, и боец, когда увидел мед, даже вздохнул всей грудью — ну, и благодатный же мед!

Буйный стоял за порогом, смущенно смотрел то на бойца, то на крошки на полу, но не решался подобрать эти крошки, думал, должно быть, что это будет невежливо по отношению к бойцу.

После еды боец поблагодарил, снова вышел на крылечко, сел, закурил махорку. Синий дым поплыл над садом. Десятки паучков, что висели вниз головой на липе на своих паутинках, глотнув махорочного дыма, испуганно побежали вверх, сматывая паутину. Скворцы замолкли, смотрели на бойца то слева, то справа, потом начали смеяться, щелкать, пустили пулеметную очередь.

Боец заглянул в бочку, увидел шустрых булавочных зверей и лягушку, усмехнулся и сказал:

— Ишь животные — шмыг да шмыг! А бочка у вас хорошая. Я сам и бондарь и ложечник из-под города Горького, с реки Ней.

— А что такое ложечник? — спросила Маша.

Тогда боец вынул из-за сапога деревянную ложку, показал Маше. От ложки пахло щами.

— Вот такие я ложки делаю, — сказал боец. — **Режу из липы**. А вот раскрашивать не могу. Раскрашивает их моя сестренка-трещотка, по имени Даша.

Бабушка жаловалась бойцу, что вот сад весь зарос, но боец этим не огорчился, а, наоборот, успокоил бабушку, сказал:

— Сад у вас даже очень приятный. Покуда ваш сын вернется с фронта, он, сад этот, пущай отдохнет. Земля и дерево тоже отдыхом нуждаются, скоплением сил.

На солнце было сонно, тепло. Из ступеньки на крылечке выступила липучая смола. Боец начал покачиваться, дремать. Бабушка хотела уложить его в комнате, на диване, но боец ни за что не согласился и попросил положить его, если возможно, на чердаке.

— Люблю спать на чердаках, — сказал он. — Иззябнешься, умаешься, а там сухо, от солнышка под крышей все нагрето, — в слуховое окошко ветер залетает. Благодать!

Маша провела бойца на чердак. Там было свалено сухое сено. Боец постелил на него шинель, лег. Тотчас из-за печной трубы вылетели тонкие

осы и начали кружиться над бойцом. Маша испугалась.

— Они вам спать не дадут, — сказала она. — Ужалят.

— **Меня оса не тронет**, — ответил боец, — потому что по случаю ранения **от меня лекарственный запах**. А чтобы скорее уснуть, у меня есть свой способ.

— Какой? — спросила Маша.

— Листья буду считать, — ответил боец. — Вон на той липе за слуховым окном. Насчитаю до ста и усну.

Маша попрощалась с бойцом и начала осторожно спускаться по скрипучей лестнице с чердака. В разбитое слуховое окно сладко тянуло отцветающей липой.

Когда Маша остановилась внизу у лестницы, на чердаке уже слышался тихий храп, и осы успокоились, улетели за свою печную трубу.

Маша вышла в сад, посмотрела на липу и засмеялась — разве можно сосчитать все ее листья! **Ведь их тысячи тысяч**, их так много, что даже солнце не может пробиться через их гущину. Смешной этот боец!

Справочное бюро
Что такое лопух?

Лопух, или репейник, растет по краям полей и вдоль дорог. У него большие округлые листья, твердый стебель высотой с человека, на вершине плотно сложенные соцветия. При созревании семян они покрываются шипами: получаются репьи, которые цепляются за шерсть и одежду — так эти растения расселяются. Семена лопухов едят щеглы, реполовы.

Почему шмели гудят?

Шмели, в отличие от своих родственников пчел, селятся в неглубоких норах в земле: там они накапливают мед, выращивают потомство, зимуют. Когда шмель летит за нектаром, слышно негромкое низкое жужжание на низких тонах, гудение: это крылья гонят ветер. Высота тона зависит от величины насекомого и частоты взмахов крыльями.

Для чего лягушка поселилась в бочке и почему вылезала вечером?

Лягушки — земноводные животные; часть времени они проводят на земле, часть в воде, их голая тонкая кожа должна быть постоянно влажной. Они откладывают в воду икру, вылупляющиеся безногие хвостатые головастики развиваются там же, дыша жабрами. Через месяц у них вырастают лапы, исчезают жабры и хвост, они вылезают на берег и расселяются по

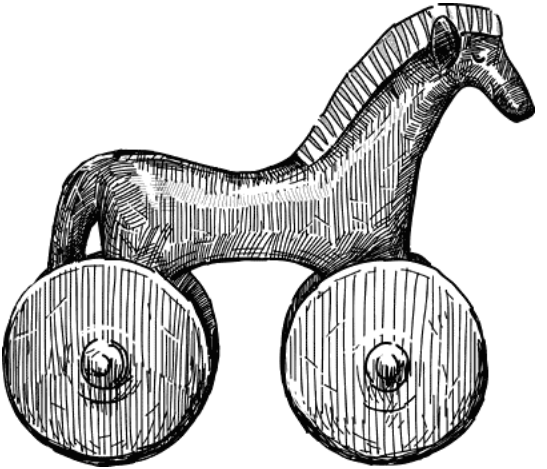
окрестностям. Зеленые лягушки остаются жить в водоемах, ловя мух и стрекоз. Бурые лягушки и жабы живут в лесах и садах: чтобы не пересохнуть, днем они прячутся во влажных укромных местах, а ночью охотятся на слизней, при малейшей возможности залезают в кадки с водой.

Разве собаки бывают застенчивыми?

У собак, как и у людей, характеры бывают разные. Одни задиристые — громко лают, чтобы напугать проходящих людей. Другие — добрые и общительные, при встрече машут хвостом и стараются, чтобы их погладили. Есть стеснительные собаки, которые при появлении незнакомых людей укрываются подальше.

Какие бывают деревянные игрушки?

Игрушки бывают самые разные: лодочки, самолетики, птички с хвостом и крыльями из щепы, лошадки на колесах. Есть игрушки подвижные: на дощечке помещают курочек или петухов, к ним привязывают веревки, когда за них дергаешь, деревянные птички «клюют».



Неужели правда у шмелей есть такая хитрость? А это какие-то другие животные используют?

Многие животные при опасности, если не удается убежать или спрятаться, притворяются мертвыми, делают это по-разному. Шмели, некоторые жуки, гусеницы складывают лапки и падают в траву на землю — там их не найти. Лягушка при опасности просто замирает на месте, а защитная окраска помогает ей стать

незаметной. Уж переворачивается брюхом вверх и высовывает язык — лежит бездвижно, пока не исчезнет угроза.

Почему мед бывает светлым и темным?

Пчелы делают мед, собирая нектар с разных цветов: от этого зависит цвет меда. Самый тем-

ный мед — гречишный, для него пчелы собирают нектар на полях гречихи. Самый светлый мед — липовый: когда цветет липа, в воздухе стоит тонкий аромат, на него летят пчелы. Чтобы собирать мед определенных сортов, устраивают «пасеки на колесах»: их привозят в места, где цветут нужные растения.

Почему ложки режутся из липы?

Резьба по дереву — особый народный промысел: из дерева изготавливают инструменты, игрушки, кухонную утварь. Для нее самое подходящая — липа: ее древесина мягкая и легкая для обработки. Мастер ложкарь сначала делает заготовку-баклушу нужного размера, затем вытесывает саму ложку. Для красоты ее ручку можно сделать резной, а всю ложку расписать красками.

Почему боец решил, что осам не понравится запах? Осы не любят сильных запахов?

У многих насекомых очень хорошее обоняние: они издалека чуют пищу, а самцы прилетают на запах самок. Это же обоняние отпугивает их от резко пахнущих предметов: такой запах насекомые (да и любые животные) воспринимают как угрозу. Самое сильное действие оказывает дым, который всегда связан с пожаром. Поэтому ос легче всего отпугнуть дымом.

А сколько листьев на лиственном дереве?

Листья растения служат им «фабрикой пищи». В них на свету с помощью хлорофилла в процессе фотосинтеза вырабатываются углеводы, которые затем превращаются в крахмал, или в клетчатку, или в другие вещества, нужные растению для жизни и роста. Количество листьев на кусте или дереве зависит от его размеров: на кусте шиповника их несколько сотен, на огромном дубе — до

полумиллиона.

Барсучий нос

Озеро около берегов было засыпано ворохами желтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась черной, как деготь.

Там мы ловили **разноцветных окуней**. Они бились и сверкали в траве, как сказочные **японские петухи**. Мы вытаскивали **оловянную плотву** и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далекие облака и синий густой воздух. По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звезды.

У нас на стоянке горел костер. Мы жгли его весь день и ночь напролет, чтобы отгонять волков, — они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоили дым костра и веселые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве у костра начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей.

Картошка жарилась на сковороде, от нее шел острый вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах.

С нами был маленький мальчик. Ему было всего девять лет, но он хорошо переносил ночевки в лесу и холод осенних рассветов. Гораздо лучше нас, взрослых, он все замечал и рассказывал.

Он был выдумщик, но мы, взрослые, очень любили его выдумки. Мы никак не могли, да и не хотели доказывать ему, что он говорит неправду. Каждый день он придумывал что-нибудь новое: то он слышал, как шептались рыбы, то видел, как муравьи устроили себе паром через ручей из сосновой коры и паутины.

Мы делали вид, что верили ему.

Все, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над черными озерами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

Мальчик первый услышал фырканье зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустволке, — кто знает, что это мог быть за зверь!

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый черный нос, похожий на свиной пятачок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась острая морда с черными пронзительными глазами. Наконец показалась полосатая шкурка.

Из зарослей вылез **маленький барсук**. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он брезгливо фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало. Мне хотелось крикнуть зверьку, что он обожжется, но я опоздал — барсук прыгнул к сковородке и сунул в нее нос…

Запахло паленой кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение. Без времени заорали испуганные лягушки, всполошились птицы, и у самого берега, как пушечный выстрел,

ударила пудовая щука.

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам только что видел, как барсук лечит свой обожженный нос. Я не поверил.

Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крякали утки, курлыкали журавли на сухих болотах — мшарах, плескались рыбы, тихо **ворковали горлинки**. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он обиделся. Он хотел доказать мне, что он не соврал. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук.

Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пень. **От него тянуло грибами и йодом.**

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пень и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожженный нос.

Он стоял неподвижно и холодил свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок. Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лягался задними пушистыми лапами.

Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас

круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос. Он как будто просил о помощи, но мы ничем не могли ему помочь.

Через год я встретил на берегах этого же озера барсука со шрамом на носу. Он сидел у воды и старался поймать лапой гремящих, как жесть, стрекоз. Я помахал ему рукой, но он сердито чихнул в мою сторону и спрятался в зарослях брусники.

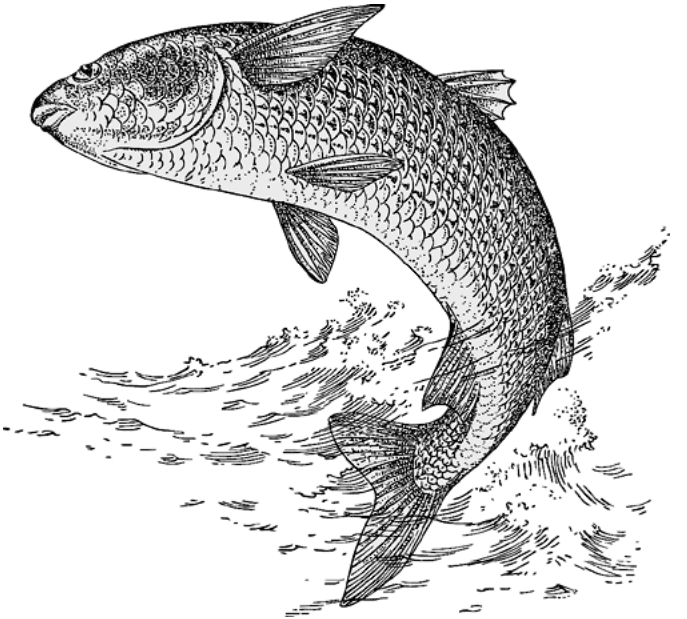
С тех пор я его больше не видел.

Справочное бюро
Что за японские петухи?

У петухов разных пород — свои особенные стати. У одних окраска очень яркая — гребешок или пучок перьев на голове. Японские петухи знамениты невероятно длинным хвостом: у рекордсменов хвостовые перья бывают длиной до 7 м. Хозяева чистят их, аккуратно сворачивают в клубок и распускают только на выставках.

Почему у рыб такая окраска?

Окраска рыбы зависит от ее образа жизни. Мирные жители открытой воды или подводных зарослей обычно со светлой чешуей — серебристой или «оловянной»: таковы плотва, карась, язь. Хищники, вроде щуки, окуня или ерша, чтобы быть незаметными, маскируются: у них окраска серовато-зеленая с поперечными темными пятнами.



Что это за зверь — барсук?

Барсук размером с небольшую собаку, приземистый, мощные лапы с длинными когтями. Верх тела серебристо-серый, низ почти черный, белая голова с черной продольной полосой. Обитатель оврагов в южных лесах и степях, на зиму

впадает в спячку. Он активен ночью, питается насекомыми, лягушками и мышами, ягодами, сочными стеблями. Его особый талант — рытье нор. Барсучья семья устраивает под землей целый лабиринт тоннелей со многими десятками отнорков и выходов. Барсуки между собой не ссорятся, поэтому семья по мере разрастания не разбегается, а роет норы в одном месте: получается настоящий «барсучий городок».

Полезны ли пни в лесу?

В сыром лесу полно гниющих валежин и пней. Чем дольше они лежат, тем трухлявее становятся, наполняя воздух особым прелым запахом. На них растут грибы, а внутри — всякая живность: сначала личинки жуков-дровосеков, потом других жуков, слизни и черви. Для многих лесных жителей все это — большое лакомство: медведи, барсуки, кабаны разгребают труху и с удовольствием поедают ее содержимое.

Кто такие горлинки?

Горлицы, или горлинки, — родичи голубей, больше всего их в южных странах. Они мельче и изящнее сложены, обычно розоватого или голубоватого цвета, многие с темным «ошейником»; воркование нежнее голубиного, некоторые любители держат за это их дома. Живут в лесах, селах, городах, питаются семенами, плодами.

Приточная трава

Прошлым летом я возвращался с Борового озера к себе в деревню. Дорога шла по просеке в сосновом лесу. Все вокруг заросло пахучими от летней сухости травами.

Особенно много колосистой травы и цветов росло около старых пней. Трухлявые эти пни разваливались от легкого толчка ногой. Тогда взлетала темным облаком коричневая, как размолотый кофе, пыль, и в открывшихся внутри пня запутанных и таинственных ходах, проточенных короедами, начинали суетиться крылатые муравьи, жужелицы и **плоские черные жуки в красных погонах, похожие на военных музыкантов. Недаром этих жуков звали «солдатиками».**

Потом из норы под пнем вылезал заспанный — черный с золотом — шмель и, гудя, как самолет, взлетал, норовя щелкнуть с размаху в лоб разрушителя.

Кучевые облака громоздились в небе. Они были на взгляд такие тугие, что можно было, очевидно, лежать на их ослепительных белых громадах

и смотреть оттуда на приветливую землю с ее лесами, просеками, полянами, цветущей рожью, поблескивавшем тихой воды и пестрыми стадами.

На поляне около лесной опушки я увидел синие цветы. Они жались друг к другу. Заросли их были похожи на маленькие озера с густой синей водой.

Я нарвал большой букет этих цветов. Когда я встряхивал его, в цветах погромыхивали созревшие семена.

Цветы были незнакомые, похожие на колокольчики. Но у колокольчиков чашечка всегда склоняется к земле, а у этих неизвестных цветов сухие чашечки стояли, вытянувшись вверх.

Дорога вышла из леса в поля. **Невидимые жаворонки тотчас запели над рожью.** Впечатление было такое, будто **они перебрасывали друг другу стеклянную нитку**. Они то роняли ее, то тут же на лету подхватывали, и дрожащий ее звон не затихал ни на минуту.

На полевой дороге мне попались навстречу две деревенские девушки. Они шли, должно быть, издалека. Пыльные туфли, связанные тесемками, висели у них через плечо. Они о чем-то болтали,

смеялись, но, увидев меня, тотчас замолкли, торопливо поправили под платочками светлые волосы и сердито поджали губы.

Почему-то всегда бывает обидно, когда вот такие загорелые, сероглазые и смешливые девушки, увидев тебя, сразу же напускают на себя суровость. И еще обиднее, когда, разминувшись с ними, услышишь за спиной сдержанный смех.

Я уже был готов обидеться, но, поравнявшись со мной, девушки остановились, и обе сразу улыбнулись мне так застенчиво и легко, что я даже растерялся. Что может быть лучше этой неожиданной девичьей улыбки на глухой полевой дороге, когда в синей глубине глаз вдруг появляется влажный ласковый блеск и ты стоишь, удивленный, будто перед тобой сразу расцвел всеми своими сияющими цветами, весь в брызгах и пахучей прелести, куст жимолости или боярышника?

— Спасибо вам, — сказали мне девушки.

— За что?

— За то, что вы нам повстречались с этими цветами.

Девушки вдруг бросились бежать, но на бегу несколько раз оглядывались и, смеясь, ласково кричали мне одни и те же слова:

— Спасибо вам! Спасибо!

Я решил, что девушки развеселились и шутят надо мной. Но в этом маленьком случае на полевой дороге все же было что-то таинственное, удивительное, чего я не мог понять.

На околице деревни мне встретилась торопливая чистенькая старушка. Она тащила на веревке **дымчатую козу**. Увидев меня, старушка остановилась, всплеснула руками, выпустила козу и запела:

— Ой, милок! И до чего ж это чудесно, что ты мне встретился на пути. Уж и не знаю, как мне тебя благодарить.

— За что же меня благодарить, бабушка? — спросил я.

— Ишь притворенный, — ответила старушка и хитро покачала головой. — Уж будто ты и не знаешь! Сказать этого я тебе не могу, нельзя говорить. Ты иди своей дорогой и не торопись, чтобы тебе встретилось побольше людей.

Только в деревне загадка, наконец, разъяснилась. Раскрыл ее мне председатель сельсовета, Иван Карпович — человек строгий и деловой, но имевший склонность к краеведению и историческим изысканиям, как он выражался, «в масштабах своего района».

— Это вы нашли редкий цветок, — сказал он мне. — Называется «приточная трава». Есть такое поверье — да вот не знаю, стоит ли его разоблачать? — будто этот цветок приносит девушкам счастливую любовь, а пожилым людям — спокойную старость. И вообще — счастье.

Иван Карпович засмеялся:

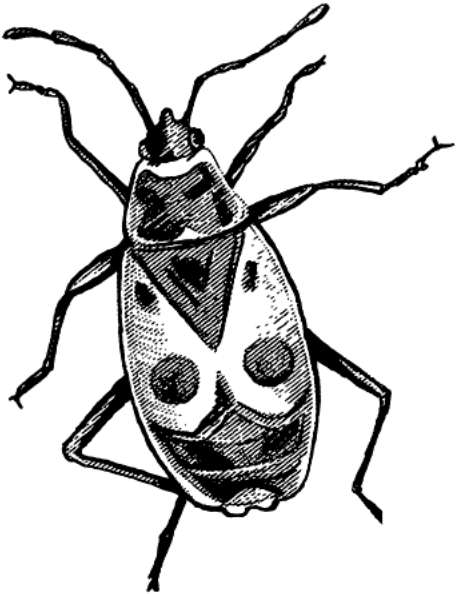
— Вот и мне вы попались навстречу с «приточной травой». Пожалуй, будет и мне удача в моей работе. Надо думать, шоссейную дорогу из области к себе мы в этом году закончим. И соберем первый **урожай проса**. До сего времени его здесь не сеяли.

Он помолчал, улыбнулся каким-то своим мыслям и добавил:

— А за девушек я рад. Это хорошие девушки, лучшие наши огородницы.

Справочное бюро
Есть ли правда такие жуки-солдатики?

Жуки-солдатики — на самом деле не жуки, а клопы. Эти насекомые длиной около 1 см, яркая черно-красная расцветка предупреждает об их несъедобности. Они живут большими скоплениями у оснований деревьев или у поленниц, питаются соками молодых побегов растений. Попадая на огород, эти клопы могут вредить росткам свеклы, моркови, салата.



Что это за цветы?

Колокольчики — полевые и лесные цветы, их название отражает форму цветка, которые бывают синими, фиолетовыми, розовыми, белыми. У одних цветы склоняются к земле. У других, например колокольчика скученного, — крупные цветы

собраны в соцветия и смотрят вверх. Приток — в старину значило недуг, т. е. трава лечебная.

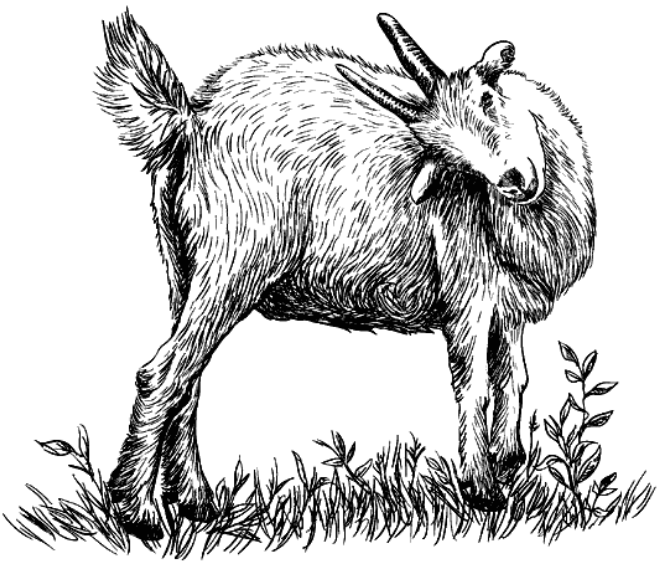
Почему жаворонки невидимые?

Жаворонок — небольшая птицы, серой окраской напоминающая воробья. Жаворонки живут в степях и на полях, прилетают в наши края ранней весной. Первыми появляются самцы, присматривают гнездовые участки — и начинается необычайный концерт. Они взмывают высоко в небо, так что становятся почти невидимыми, зависают в воздухе каждый над своим участком, мелко-мелко трепеща крыльями, — и заводят бесконечные громкие переливчатые трели, с короткими перерывами на то, чтобы поймать на земле кузнечика или гусеницу. Вслед за самцами прилетают самки, устраивают гнезда на земле, насиживают яйца — самцы их кормят, но песен не прекращают.

Неужели козы такие упрямые?

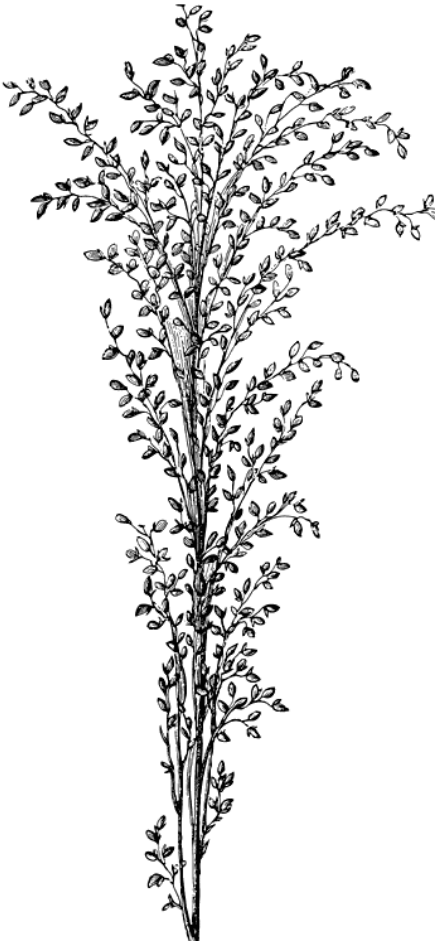
Козы — домашние животные, родственные

овцам. У самцов-козлов длинные рога — прямые, загнутые или завернутые штопором; у самок рога короче. Днем коз выводят пастись: они не очень послушные, поэтому их привязывают к кольям; если коза заупрямится, вернуть ее домой — не самая простая задача.



Что такое просо?

Просо — злаковое травянистое растение, сельскохозяйственная культура. Хорошо переносит засуху, поэтому в жарких странах (особенно в Индии, Сев. Африке) выращивается вместо пшеницы или ржи. Соцветия — не колосья, а метелки. Мелкое округлое просяное зерно называют пшеном; из него варят пшенную кашу.



Квакша

(Сказка)

Жара стояла над землей уже целый месяц. Взрослые говорили, что эту жару видно «невооруженным глазом».

— Как это можно увидеть жару? — спрашивала всех Таня.

Тане было пять лет, и потому она каждый день узнавала от взрослых много новых вещей. Действительно, можно было поверить дяде Глебу, что «сколько ни проживешь на этом свете, хоть триста лет, а всего не узнаешь».

— Пойдем наверх, я тебе покажу жару, — сказал Глеб. — Откуда лучше видно.

Таня вскарабкалась по крутой лестнице на мезонин. Там было светло и душно от нагретой крыши. Ветки старого клена так упорно лезли в окна, что окна трудно было закрыть. Может быть, поэтому они все лето и простояли настежь.

На мезонине был балкон с резными перилами. Глеб показал Тане с балкона на луга за рекой и на дальний лес.

— Видишь желтый дым? Как от самовара. И

весь воздух дрожит. Это и есть жара. Все можно заметить человеческим глазом. И жару, и холод, что хочешь.

— А холод — когда снег? — спросила Таня.

— Нет. Даже летом можно заметить. Вот будут прохладные дни, тогда я тебе покажу, как выглядит холод.

— А как?

— Небо вечером бывает зеленое, как мокрая трава. Холодное небо.

Пока же стояла жара, и больше всех от нее страдала маленькая лягушка. Она жила во дворе, под кустом бузины.

Двор так раскалялся от солнца, что все живое пряталось. Даже муравьи не решались выбегать днем из подземных своих муравейников, а терпеливо дожидались вечера. **Только одни кузнечики не боялись жары. Чем горячее был день, тем выше они прыгали и громче трещали. Поймать их было невозможно, и лягушка начала голодать.**

Однажды она нашла щель под дверью в каменный погреб и с тех пор все дни просиживала, сонная, в погребе, на холодных кирпичных ступеньках.

Когда молоденькая работница Ариша спуска-

лась в погреб за молоком, лягушка просыпалась, прыгала в сторону и пряталась за разбитый цветочный горшок. Ариша каждый раз пронзительно вскрикивала.

По вечерам лягушка вылезала во двор и осторожно пробиралась в тот угол, где на клумбе распускался **к ночи табак** и тесно росли кустистые астры. Цветы каждый вечер поливали из лейки, и потому на клумбе можно было дышать — от политой земли тянуло сыростью, а с пахучих белых цветов табака изредка падали на голову холодные капли.

Лягушка сидела в темноте, таращила глаза и ждала, когда люди перестанут ходить, разговаривать, звенеть стаканами, стучать медным стерженьком от рукомойника и наконец прикрутят лампы, задуют их, и дом сразу сделается темным и таинственным.

Тогда можно будет немного попрыгать по клумбе, пожевать листья астр, потрогать лапкой уснувшего шмеля, чтобы послушать, как он заворчит сквозь сон.

А потом прокашляются и закричат по всем дворам петухи и придет полночь — самое хорошее время. Может быть, даже упадет роса и в мокрой траве заблестят звезды. Ночь будет

тянуться долго, тихая и прохладная, и в лугах загудит **нелюдимая птица выпь**.

Бородатый Глеб был старым, опытным рыболовом. Каждый вечер он убирал со стола скатерть, осторожно высыпал из разных коробочек бронзовые золоченые крючки, круглые свинцовые грузила и прозрачные разноцветные лески и начинал чинить свои удочки. Тогда Тане не разрешалось подходить к столу, чтобы какой-нибудь «мушиный» крючок не впился ей в палец.

Когда Глеб чинил удочки, он всегда напевал одно и то же:

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались поплавки.

Но в это лето Глебу пришлось туго: **из-за засухи пропали черви**. Даже самые шустрые мальчишки отказывались их копать.

Глеб пришел в отчаяние и написал на воротах дома огромными белыми буквами:

«Здесь производится скупка червей от населения».

Но это тоже не помогло. Прохожие останавливались, читали надпись, с восхищением качали головами: «Ну и хитрый же человек, чего написал!» — и шли дальше. А на второй день какой-то мальчишка приписал внизу такими же огромными буквами:

«В обмен на картофельное варенье».

Пришлось стереть надпись.

Глеб начал ходить за три километра в овраг, где под кучами старых щепок можно было накопать за час десятка два червей.

Глеб их берег, будто эти черви были золотые: перекладывал сырым мхом, завязывал банку с червями марлей и держал ее в темном погребе.

Там-то их и отыскала маленькая лягушка. Она долго трудилась, пока стащила марлю, потом залезла в банку и начала есть червей. Она так увлеклась, что не заметила, как в погреб спустился Глеб, вытащил ее из банки за задние лапки и вынес во двор. Там Таня кормила злую подслеповатую курицу.

— Вот! — сказал Глеб грозным голосом. — Человек трудится в поте лица, чтобы нарыть хоть десяток червей, а нахальная лягушка бессовестно их ворует. И даже научилась развязывать марлю.

Придется ее проучить.

— Как? — спросила с испугом Таня, а курица искоса посмотрела на лягушку прищуренным глазом.

— Отдать ее на съедение этой курице — и все!

Лягушка отчаянно задрыгала лапками, но вырваться ей не удалось. Курица взъерошилась, взлетела и чуть было не вырвала лягушку у Глеба.

— Не смей! — закричала Таня на курицу и заплакала.

Курица отбежала в сторону, поджала лапу и стала ждать, что будет дальше.

— Дядя Глеб, зачем же ее убивать? Дай ее мне.

— Чтобы она опять воровала?

— Нет. Я ее посажу в стеклянную банку и буду кормить. Разве тебе самому ее не жалко?

— Ну ладно! — согласился Глеб. — Бери, так и быть. Ни за что бы я ее не простил, если бы ты не заступилась. И если бы это была обыкновенная лягушка.

— А разве она необыкновенная? — спросила Таня и перестала плакать.

— А ты не видишь? Это древесная лягушка, квакша. Она замечательно предсказывает дождь.

— Вот она его нам и предскажет, — с облегчением вздохнула Таня и скороговоркой повторила слова, которые каждый день слышала от плотника Игната: — Дождик ой как нужен! А то хлеба и огороды посохнут, и тогда не миновать беды!

Глеб отдал лягушку Тане. Она посадила ее в банку с травой и поставила на подоконник.

— Веточку нужно какую-нибудь засунуть в банку, — посоветовал Глеб.

— Зачем?

— Когда она влезет на веточку и начнет квакать, значит, будет дождь.

А дождя все не было. Лягушка, сидя в банке, слушала разговоры людей о засухе и тяжело дышала: жить в банке было, конечно, безопасно,

сытно, но душно.

Однажды ночью лягушка вылезла по кленовой ветке из банки и осторожно, останавливаясь и прислушиваясь, поскакала в сад. Там, в беседке, **под крышей, жила в гнезде ласточка**.

Лягушка тихонько квакнула, и ласточка тотчас выглянула из гнезда.

— Тебе чего? — спросила она — **Весь день носишься-носишься, даже звон в голове стоит.** А тут еще и ночью каждый будит, отдохнуть не дает.

— Ты сначала послушай, а потом будешь чирикать, — ответила лягушка. — Я тебя никогда еще не будила.

— Ну ладно, рассказывай, — ответила ласточка и зевнула. — Что у тебя стряслось?

Тогда лягушка рассказала ласточке, что девочка Таня спасла ее, лягушку, от смерти и она, лягушка, все думала, что бы такое хорошее сделать для Тани. И вот наконец придумала, но без ласточкиной помощи ничего не получится.

Люди очень тревожатся оттого, что нет дождя. Все сохнет. Хлеб может сгореть на корню. Даже для них, для птиц и лягушек, пришло трудное время: пропали червяки и **улитки**.

Лягушка слышала, как отец Тани, агроном,

говорил о засухе, а Таня слушала его и заплакала: ей было жалко и отца и всех колхозников, что мучаются из-за этой засухи. Лягушка видела, как Таня стояла однажды около высохшего куста малины, трогала почернелые, ломкие листья и тоже плакала. И еще лягушка слышала, как Танин отец говорил, что люди скоро придумают искусственный дождь. Но пока этого дождя еще нет, и людям надо помочь.

— Помочь-то надо, — ответила ласточка. — Только как? Дождь отсюда далеко, за тысячу километров. Я вчера до него немного не долетела. А видеть видела. Сильный дождь, обложной. Только он сюда не дойдет — весь выльется по дороге.

— А ты его приведи, — попросила лягушка.

— Легко сказать — приведи. Да и не наше это, ласточкино, дело. **Это стрижей надо просить. Они быстрее летают.**

— А ты поговори со стрижами.

— Так с ними и поговоришь. Сама небось знаешь, что за народ. **Одного какого-нибудь стрижонка нечаянно крылом зацепишь — не оберешься неприятностей. Сейчас же в драку лезут. Крик, шум, писк.**

Лягушка отвернулась, и из ее глаз скатилась в

траву маленькая слеза.

— Ну что ж, — прошептала она, — уж если вы, ласточки, не можете привести дождь, тогда со стрижами и говорить нечего.

— Это как так не можем? — рассердилась ласточка. — Кто это тебе сказал? Мы все можем. Даже **увернуться от молнии и обогнать самолет**. Для нас дождь привести — пустое дело. Только надо всех ласточек собрать, со всей области.

Ласточка почистила клюв лапкой, подумала.

— Ну ладно! Не реви. Пригоним сюда дождь.

— А когда? — спросила лягушка.

Ласточка снова почесала клюв лапой.

— Надо сообразить. Это не так просто. Собрать всех ласточек — два часа. Лететь до дождя тоже два часа. Обратно с дождем лететь потруднее. Часа четыре пролетим, не меньше. Часов в десять утра будем здесь. Ну, прощай!

Ласточка перелетела на скворечню, пискнула и исчезла за тесовыми крышами.

Лягушка вернулась в дом. Там все спали.

Лягушка влезла в банку, взобралась на ветку клена и тихонько квакнула. Никто не проснулся. Тогда она квакнула громче, потом еще громче, еще и еще, и вскоре ее кваканье заполнило все комнаты, стало слышно в саду. И по всей деревне, в ответ на него, сразу всполошились и заорали петухи. Они старались перекричать друг друга, срывали голоса, сипли и снова орали, неистово хлопая крыльями. Они подняли такой гомон, что со сна можно было подумать, будто в деревне пожар.

В доме все сразу проснулись.

— Что случилось? — спросонок спросила Таня.

— Дождь будет! Дождь! — ответил ей из соседней комнаты отец. — Слышишь, квакша кричит! **И петухи заголосили по всем дворам. Верная примета.**

Глеб вошел со свечой в комнату к Тане и посветил на банку с лягушкой.

— Ну так и есть! — сказал он. — Так я и думал! **Квакша влезла на ветку и кричит, надрывается. Даже позеленела от натуги.**

Утро пришло, как всегда, безоблачное, но часам к десяти далеко на западе громыхнул и рассыпался по полям первый гром.

Колхозники вышли на обрыв над рекой и смотрели на запад, прикрыв глаза ладонями. Ребята полезли на крыши. Ариша начала торопливо подставлять под все водосточные трубы лоханки и ведра. Отец Тани каждую минуту выходил во двор, смотрел на небо, прислушивался и все повторял: «Лишь бы не мимо, лишь бы захватила нас эта гроза». Таня ходила следом за ним и тоже прислушивалась.

Гром подходил ближе. Его раскаты стали торжественнее и шире. На западе поднялась черная туча. Глеб спешно собирал свои удочки и смазывал сапоги, после грозы должен был начаться, по

его словам, бешеный клев.

Потом в воздухе запахло свежестью дождя. Сад тихонько зашумел листвой, туча придвинулась, и веселая молния как бы распахнула во всю глубину огромное небо.

Первая капля дождя звонко ударила по железной крыше. Тотчас стало так тихо, будто все прислушивались к этому звуку и, затаив дыхание, ждали второй капли. Сам дождь тоже прислушивался и соображал, правильно ли он уронил эту первую пробную каплю. И, помедлив, решил, что правильно, потому что вдруг сразу сорвался и загрохотал по крыше тысячами капель. За окнами полились-заблестели полноводные струи дождя.

— Идите сюда! — закричал с мезонина Глеб. — Скорее!

Все побежали по лестнице на мезонин, а Таня, конечно, отстала.

Сверху все увидели, как тысячи, а может быть, десятки тысяч маленьких птиц гнали над землей дождевую тучу, не давали ей свернуть в сторону, бросались на нее несметными стаями, и от ветра, поднятого их крыльями, туча все ниже опускалась к земле и нехотя шла, ворча и громыхая, на иссохшие поля и огороды.

Иные птицы подхватывали на лету отдельные струйки дождя и неслись с ними вперед, будто волочили за собой прозрачные водяные нитки.

Иногда все птицы сразу встряхивали крыльями. Тогда дождь усиливался и так гремел, что на мезонине все перекрикивались и не слышали друг друга.

— Что это такое? — прокричала Таня. — Птичий дождь?

— Не понимаю, — ответил Танин отец. — А ты что-нибудь соображаешь, Глеб?

— Ничего не соображаю, — ответил Глеб. — Похоже на **всемирный перелет ласточек**.

Когда грохот дождя по крыше перешел в ровный и спокойный гул и пронеслись все ласточки,

Таня **выпустила лягушку из банки в свежий и шумный сад.** Там вся трава и листья качались от ударов дождя.

Таня осторожно погладила лягушку по маленькой холодной голове и сказала:

— Ну, спасибо тебе, что накликала дождь. Ты живи теперь спокойно, тебя никто не тронет.

Лягушка посмотрела на Таню и ничего не ответила. Она не могла выговорить на человеческом языке ни одного слова. Она умела только квакать. Но во взгляде ее была такая преданность, что Таня еще раз погладила ее по голове.

Лягушка прыгнула под листья табака и начала ежиться и отряхиваться, купаться под дождем.

С тех пор лягушку никто не трогал. Ариша перестала взвизгивать, когда встречалась с ней, а Глеб каждый день откладывал для нее из своей заветной «червивой» банки несколько лучших червей.

А вокруг густо заколосились хлеба, политые дождем, засверкали от света сырые сады, огороды, запахло сочными огурцами, помидорами и буйным укропом. И рыба начала клевать так жадно, что каждый день обрывала у Глеба драгоценные золоченые крючки.

Таня бегала по саду, играла в прятки с лягушкой,

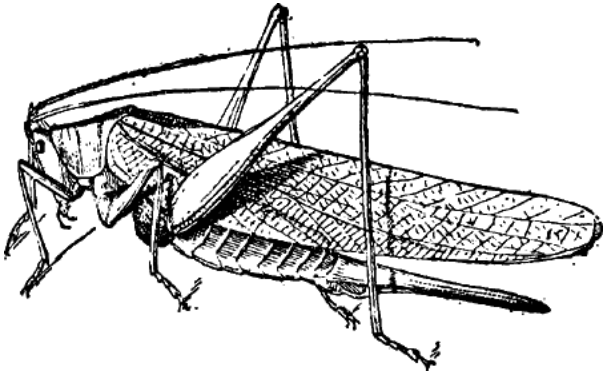
и платье ее промокло от росы. Любопытные паучки суетливо спускались с веток на невидимых паутинках, чтобы узнать, почему в саду столько возни и смеха. Узнав, в чем дело, они успокаивались, сматывали свои паутинки в серые шарики, маленькие, как булавочные головки, и засыпали в теплой тени листьев.

Справочное бюро
Кто такая квакша? Это какая-то особая лягушка?

Лягушки обычно живут по берегам водоемов. Но есть древесные лягушки — квакши: больше всего их в тропических лесах, они всю жизнь проводят в вершинах деревьев, проявляя активность по ночам, а днем прячась от солнца. У большинства зеленая окраска, но бывают ярко-синие или красные ядовитые квакши. У квакш на концах пальцев есть особые присоски: с их помощью они приклеиваются к листьям и не падают на землю. Самцы ночами издают громкие звуки: квакают, щелкают, трещат. Многие квакши выводят потомство в водоемах; но самые умелые древолазы размножаются, откладывая икру в наполненные водой дупла или свернутые листья.

Почему все мучились от жары, кроме кузнечиков?

Кузнечики любят дневную жару: чем ярче солнце, тем они активнее. Поэтому в степи или на лугу жарким солнечным днем воздух звенит от их стрекота. Кузнечиков много разных видов, для каждого характерен свой вариант стрекота, по которому самка в общем хоре узнает «своего» партнера. Кстати, стрекочут только самцы.

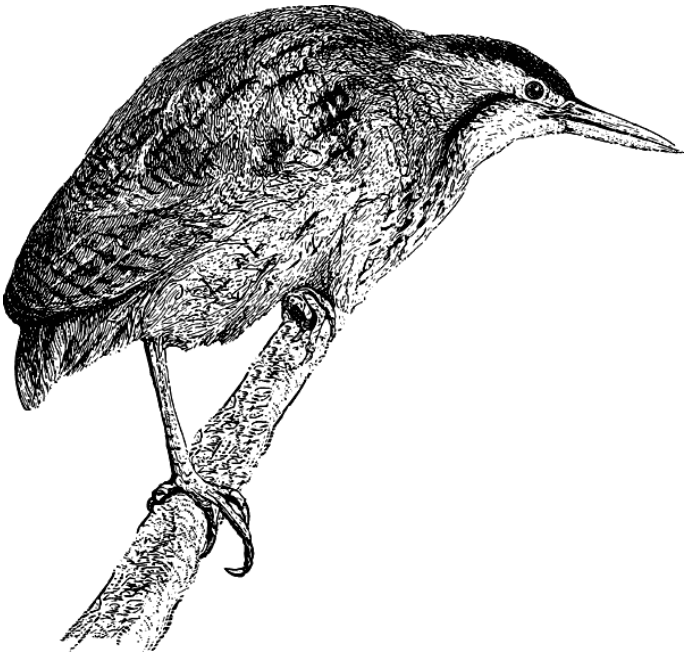


Почему у автора петухи кричат в полночь?

Петухи — громогласные птицы, их «кукареку» можно слышать довольно часто. Они таким образом заявляют свои права на обитателей птичьего двора, взобравшись повыше и хлопая крыльями; если это не помогает, петухи устраивают драки. Кроме того, петухи кричат в определенные время — сначала вечером, потом утром, а если чем-то возбуждены, то и среди ночи, руководствуясь внутренними «часами».

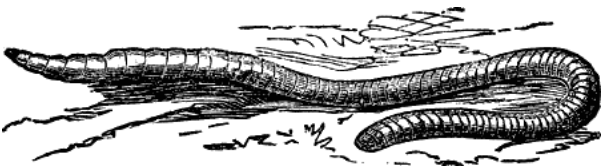
Что за птица выпь? Почему она нелюдимая?

Выпь — птица средних размеров, родственница цапли. Летом выпи селятся в зарослях тростника по берегам рек, на зиму поодиночке улетают в Африку. Ее буроватая окраска с пестринами делает ее совершенно незаметной, к тому же она при опасности замирает, вытянув вверх длинную шею. Острым длинным клювом она ловит рыбешек, лягушек, насекомых.



Разве черви могут далеко уползти?

Земляные черви живут в земле близко к поверхности. Они прокапывают узкие ходы в поисках сгнивших растительных остатков, которыми питаются. В дождливую погоду черви выползают на поверхность, поэтому их нередко называют «дождевыми». При засухе, наоборот, они закапываются поглубже, где достаточно влаги. Поэтому рыбакам в сухую погоду их бывает труднее накопать.



Почему ласточка жила в гнезде под самой крышей? Почему ласточки весь день носятся?

Ласточки, живущие в деревнях и по окраинам городов, делают гнезда под крышами, слепляя их из смоченных слюной комочков глины: поглубже — для выведения птенцов, помельче — для отдыха. Птицы очень дружны, поэтому иногда рядом бывает несколько десятков таких

глиняных домиков. Когда вылупляются птенцы, родителям приходится целыми дням летать, ловя насекомых в воздухе. Птенцы покидают гнезда, уже умея летать.

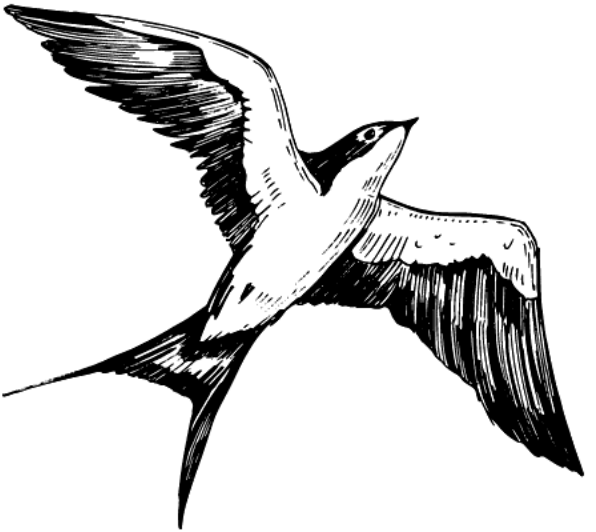
MA 98

Почему пропали улитки?

Улитки любят влажность и при засухе прячутся в сырые места. У улиток с раковинами есть особые крышечки: обычно они открыты, а если сухо, улитка прячется в раковину и закрывает вход в нее крышечкой. Слизни день проводят в укрытиях, выползая ночью, оставляя приметные следы.

Так кто же быстрее: стрижи или ласточки?

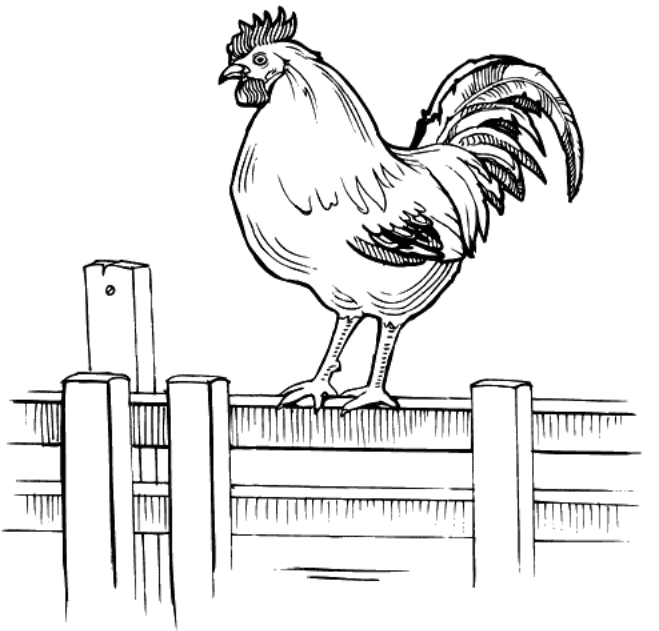
Стрижи и ласточки — великолепные маневренные летуны: у них длинные узкие крылья и обтекаемое тело. Стрижи летают очень высоко и могут развивать скорость до 120 км/ч. Ласточки летают ниже и медленнее — иногда прямо над травой или дорогой.



Какие животные знают наперед, что будет дождь?

Некоторые животные заранее чувствуют изменение погоды, на этом основаны народные приметы. Чаще всего бывает заметно «предсказание» дождя: одним нравится высокая влажности, а другим нет. Например, перед дождем лягушки вылезают на берег, а пчелы прячутся в ульи, мно-

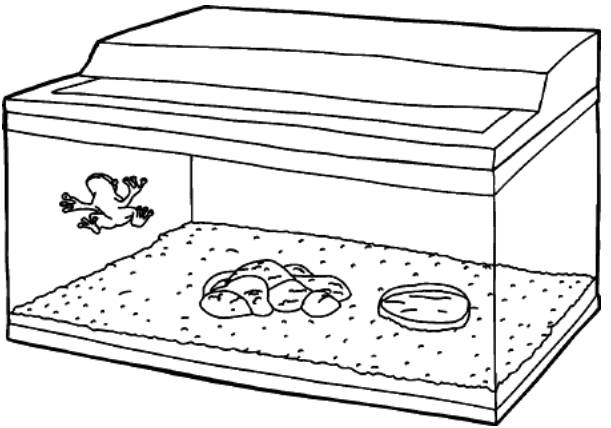
гие насекомые и ловящие их ласточки летают ближе к земле. Если петух вечером поет рано — это к дождю, если поздно — к ясной ночи.



Какие бывают перелетные птицы?

Многие птицы, живущие на севере и в средней полосе, — перелетные. Они лето проводят на родине, где выводят птенцов, а на зиму улетают в теплые края. Основная причина — холод и отсутствие пищи. Среди рекордсменов-путешественников — некоторые кулики: летом они гнездятся в приполярной тундре, а зимуют в Новой Зеландии.

Держат ли лягушек как домашних животных?



В качестве домашних питомцев люди иногда держат самых неожиданных животных, например пауков-птицеедов, улиток-ахатин. Держат и разнообразных лягушек: для них устраивают специальные террариумы с влажным мхом и водой, кормят мучными и другими червями, тараканами.

